

ВАЛЕРИЙ
ЛЕВИТСКИЙ

БОРЬБА
НА ЮГЕ

ФАКТЫ. ЛЮДИ.
НАСТРОЕНИЯ

М М Х І Х

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

В.М. Левитский

В. М. ЛЕВИТСКИЙ

Борьба на Юге

**Факты. Люди.
Настроения**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8
Л36

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Издание печатается по рукописям из коллекции
Государственного архива Российской Федерации
(Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449, 450)

Составитель, научный редактор, автор вступительной
статьи и комментариев к.и.н., старший преподаватель
Института истории СПбГУ А. А. Чемакин

- Л36 Левитский В. М.
Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / предисл. В. В. Шульгина;
сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Чемакин. — М.: Фонд «Связь
Эпох», 2019. — 256 с.: ил. — (Живая история)

ISBN 978-5-6042329-5-8

Валерий Михайлович Левитский (1886–1946) — один из лидеров Киевского городского комитета кадетской партии, активный участник политической группы, возглавляемой В. В. Шульгиным и П. Б. Струве, редактор газеты «Великая Россия». За годы революции и Гражданской войны он успел побывать во множестве городов: Киеве, Петрограде, Москве, Житомире, Одессе, Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Феодосии, Севастополе.

Его книга, публикуемая в полном объеме впервые, описывает как повседневную жизнь обывателей Юга России, так и настроения партийно-политических кругов и офицерства Белой армии. По меткому выражению В. В. Шульгина, это своеобразная «записная книжка туриста революции».

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Гражданской войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-6042329-5-8

Издательская программа
фонда «Связь Эпох»

© ФКУ «Государственный архив
Российской Федерации», 2019
© Чемакин А. А., сост., вступ. ст.,
коммент., 2019
© Фонд «Связь Эпох», дизайн-макет,
издание, 2019

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЕВИТСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ¹

Валерий Михайлович Левитский (1886–1946) никогда не был политиком и журналистом первого ряда. Известность он получил в 1919–1920 гг., во время работы редактором «Великой России» — одной из ведущих газет белого Юга. Тем не менее он оставался в тени двух других видных политиков и журналистов — Василия Витальевича Шульгина, основавшего газету, и Петра Бернгардовича Струве, определявшего политику издания с осени 1919 до зимы 1920 г.

Воспоминания В. М. Левитского «Борьба на Юге», написанные в эмиграции, представляют значительный интерес. За время Гражданской войны он бывал и работал в Киеве, Одессе, Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Новороссийске и Севастополе, и в своем сочинении подробно рассказывает о жизни и настроениях в белом тылу, а также о политической работе той группы, выразителем которой и была «Великая Россия». Какого-то завершенного организационного оформления в годы Гражданской войны эта группа, возглавлявшаяся В. В. Шульгиным и П. Б. Струве, так и не получила. По большому счету, у нее

¹ Статья написана в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-621.2019.6 «Русская свобода и Великая Россия»: «либерально-консервативная» группа В. В. Шульгина и П. Б. Струве в годы революции и Гражданской войны».

не было даже одного определенного наименования, ее можно назвать и либерально-консервативной (на наш взгляд, этот термин, использовавшийся Струве в годы эмиграции, был наиболее удачным), и национально-прогрессивной, и конституционно-монархической. Сам Левитский называл себя сторонником «государственного национализма».

Газета, в которой работал Валерий Михайлович, ни по оформлению, ни по тиражу, ни по своим литературным достоинствам не была «номером один» на Юге России в годы Гражданской войны¹. Но для простых добровольцев именно «Великая Россия» была наиболее авторитетной газетой. Хотя неверно было бы называть официальным изданием армии (все же это был частный орган), вряд ли кто-то будет спорить, что именно «Великая Россия» по своему духу и настроению ближе всех стояла к добровольческому офицерству, которое отвечало ей преданностью и любовью. «Великая Россия» пережила эвакуацию Ростова, новороссийскую катастрофу, не единожды, как птица Феникс, возрождалась из пепла и возвращалась к своим читателям. Происходило это во многом благодаря заслугам ее редактора, Валерия Михайловича Левитского, воспоминания которого мы и представляем на суд читателей.

* * *

Валерий Михайлович Левитский родился 12 мая 1886 г. в городе Галич Костромской губернии. Учился на юридическом факультете Императорского Киевского университета Святого Владимира, который окончил в 1909 г. с дипломом 1-й степени. В 1912 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию при кафедре уголовного права. С того же года состоял членом правления Киевского патроната, членом правления и ревизором Общества киевских исправительных колоний, а также ведал учреждениями Общества для малолетних. 20 декабря 1913 г. Левитский был назначен мировым судьей

¹ На наш взгляд, если судить по формальным критериям, таковым можно считать ростовский «Приазовский край», владельцы которого обладали огромными финансовыми ресурсами и могли позволить себе выпускать издание большого формата с иллюстрациями и привлекать лучшие журналистские кадры.

Киева по делам малолетних; с 1916 г. ведал всеми учреждениями для беженцев-подростков в районе Юго-Западного фронта и занимался организацией помощи детям, пострадавшим от военных действий. Кроме того, в том же году читал курс для школьных врачей «Охрана детства и борьба с детской преступностью» на курсах Киевского Фрёбелевского общества¹. За это время Левитский напечатал ряд статей и отчетов о деятельности суда для малолетних², которые были зачтены ему в качестве научной работы. На заседании Ученого комитета Киевского университета было сделано следующее заключение о работе профессорского стипендиата: «...Можно заключить, что в лице В. М. Левитского мы имеем любящего свое дело, образованного судебного деятеля. <...> Будет ли он только хорошо подготовленным судебным деятелем или же профессором — об этом можно будет утвердительно сказать только после магистерского экзамена, если В. М. Левитский сочтет за благо к нему приступить»³. Но стать профессором Валерию Михайловичу не было суждено — помешал 1917 год.

Мы не будем подробно останавливаться на всех аспектах деятельности Левитского в годы революции и Гражданской войны — об этом можно прочитать в его книге, но все же осветим ряд эпизодов, а также обратим внимание на его публицистику.

После Февральской революции В. М. Левитский, типичный представитель дореволюционной либеральной интеллигенции, включается в политическую работу и принимает активное участие в деятельности киевской организации Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). В июле 1917 г. он под № 17 входит в избирательный список кадетов на выборах в Киевскую городскую думу⁴, но гласным не становится — неожиданно для многих кадеты, всегда достаточно сильные в Киеве, проваливаются и получают всего 10 мандатов.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 77. Л. 6.

² *Левитский В. М. Суд для малолетних в г. Киеве. Киев, 1915; Он же. Детский суд и война (Второй год деятельности Особого Суда для малолетних в г. Киеве). Киев, 1916.*

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 458. Л. 11 об. — 12.

⁴ Гласные от партии Народной Свободы // Южная газета. 1917. 15 июля. № 2356. С. 1.

В августе 1917 г. происходит и вовсе курьезный эпизод: Левитский, яркий противник украинского движения, становится членом Украинской Центральной рады. Попал он туда в качестве представителя кадетской партии по квоте от «национальных меньшинств». Валерий Михайлович побывал всего лишь на одном заседании «украинского парламента», но и сегодня его фамилию можно встретить в списках членов Рады¹.

В конце 1917 г. Левитский принимает участие в выборах в Украинское Учредительное собрание, возглавив избирательный список Партии народной свободы в Волынской губернии². Результаты голосования оказались неутешительными: лишь в губернском городе Житомире удалось получить 6,9% (769 голосов и 6 место), при этом, правда, опередив большевиков, у которых было 4,34% (484 голоса и 7 место). В уездах же количество кадетских голосов приближалось к статистической погрешности: Дубенский уезд — 66 (0,28%), Житомирский — 132 (0,23%), Изяславский — 51 (0,14%), Кременецкий — 72 (0,23%), Луцкий — 84 (0,21%), Новоград-Волынский — 181 (0,29%), Овручский — 108 (0,3%), Острожский — 291 (0,78%), Ровенский — 78 (0,24%), Староконстантиновский — 59 (0,21%). Всего по Волынской губернии кадеты во главе с Левитским набрали 1891 голос (0,48%) и таким образом заняли 10-е место из 18, конечно, не получив ни одного мандата³.

События 1918 г., в особенности та готовность, с которой большинство киевских кадетов приняли немецкую оккупацию и присягнули гетману П. П. Скоропадскому, отдаляет Левитского от партии. Он ищет политическую группу, к которой может примкнуть, и к концу лета находит ее в лице редактора «Киевлянина» В. В. Шульгина и его сторонников. К тому времени Шульгин уже закрыл газету и отошел от публичной политической деятельности, а затем и вовсе уехал из Киева в Добровольческую армию, но его окружение начало издавать «Голос Киева». Ре-

¹ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 240; Українська Центральна Рада: документи і матеріали. Т. 2: 10 грудня 1917–29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С. 379.

² Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

³ Там же. Д. 53. Л. 4 об. — 5.

дакция состояла преимущественно из русских националистов, также к ней присоединились некоторые либералы-кадеты, недовольные пронемецким и проукраинским курсом своей партии. Одним из таких кадетов и стал В. М. Левитский, пришедший в «Голос Киева» по личному приглашению В. В. Шульгина. Вполне возможно, что их знакомство произошло благодаря профессору Киевского университета Г. В. Демченко, который за несколько лет до этого писал отзыв о научной работе Валерия Михайловича¹, а теперь был активным участником русского национального движения Киева. На страницах «Голоса Киева» Левитский выступает с циклом статей «Единый русский фронт», в которых высказывает свое мнение по разным вопросам актуальной политики:

«Родина просыпается после долгого нездорового сна, с ее глаз спадает тяжелая пелена, ее душившая. И все, кому дорога родная культура, родной язык, кто не опозорил себя в стане предателей, не успел за чечевичную похлебку отречься от родной истории, родного государства, должны быть наготове. Великая работа возрождения России должна быть делом самого народа и русской интеллигенции, организовавшей в единый русский фронт. Русской интеллигенции многому еще надо учиться, от многого отвыкнуть. Ведь до сих пор в массе своей она лишена чувства здорового патриотизма и сознания национального достоинства, которые играют такую выдающуюся роль в жизни всех слоев культурных государств на Западе.

Не то у нас. У нас презирали государство, не любили армию, были равнодушны к вопросам национальной чести.

Теперь старое интеллигентское мировоззрение разбито жизнью. Интеллигенция на распутье. Наиболее чуткие уже знают, что в основу всего миропонимания должна быть положена горячая беспредельная любовь к великой родной культуре, к родному государству и его героической истории.

Еще недавно у нас считали недостойным «культурного» человека громко выражать любовь к Родине. Работа над своим национальным самосознанием, открытое выявление своего национального лица считалось признаком черносотенства. Боже мой! какое смятение поднималось в газетном болоте, когда от-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1069. Л. 340.

дельные смельчаки осмеливались говорить о просвещенном русском национализме»¹.

Вслед за известным экономистом, публицистом и философом П. Б. Струве Левитский утверждает, что есть два национализма:

«Один — свободный, творческий, не боящийся соперничества и состязания, но в то же время крепкий и стойкий. В наиболее совершенной форме он развился в Англии, стране широкой терпимости и уважения к правам всех. Другой — нездоровый национализм, отвратительные черты которого мы могли наблюдать, изучая наш официальный, насильнический национализм. Он, замкнутый и угрюмый, способен погубить все дело национально-государственного возрождения. Особенно ярко выраженную форму такого национализма, то заносчивого, то пресмыкающегося, национализма трусливого, убогого и жалкого показали нам здесь господа украинцы. Это не народный национализм, он варится в своем соку в узкой партийной кружковщине. От всего света, от всех инакомыслящих он старается отгородиться китайской стеной».

И приходит к следующему выводу: «Наша национальная плоть, национальная душа, наша культура многосоставны», — и поэтому «вместе с американцами мы можем сказать, что мы творимая нация». Поэтому России нужен национализм первого типа, и «мы должны очистить русский национализм от всей грязи, которой его успели запачкать в прошлом, и, сильные своей внутренней спайкой, без всякой вражды к иноплеменнику, не будем стыдиться врожденного, естественного влечения к людям одной с нами культуры, одной религии. Свободный народный творческий национализм никого не боится, никого не угнетает, ни от кого не прячется, он силен своей внутренней спайкой, своим единством и своей деятельной любовью»².

Став членом бюро Русского национального центра в Киеве, Левитский принимает активное участие в организационном строительстве русского движения Украины и в подготовке его программы. Он является постоянным участником собраний как

¹ Левитский В. Единый русский фронт. I // Голос Киева. 1918. 3 сентября (21 августа). № 95. С. 1.

² Левитский В. Единый русский фронт. II // Голос Киева. 1918. 4 сентября (22 августа). № 96. С. 1.

Русского национального центра в Киеве, так и Всероссийского национального центра, проходивших в доме Шульгиных, выступает с докладом «Автономия или федерация». В репортаже, опубликованном в «Голосе Киева», сообщалось: «Докладчиком был приведен ряд данных о племенном составе русской территории и было указано на географические невозможности равномерного разделения России на штаты. Говоря о нашем крае, докладчик указал на противоречие идеи федерации идее национального самоопределения и привел ряд примеров, иллюстрирующих антигосударственные тенденции местных уездных шовинистов»¹. Настроенный против возвращения к дореволюционной централистской модели, Левитский считал невозможным существование автономной Украины как единого целого и предлагал создать на ее месте четыре автономные области:

«Одновременно с общегосударственным строительством должна закипеть и работа на местах, в органах автономных областей. Украинские министры, сделавшиеся вдруг маленькими империалистами и пожелавшие украинизировать и населенные старообрядцами и белорусами северные уезды Черниговской губернии и, кажется, Ростов, захотевшие вдруг доказать одесситу, что он потомок Мазепы, забыли все, за что боролись Костомаров, Драгоманов и др. А боролись они действительно за децентрализацию — не на словах, а на деле — за автономию областей. Ведь давно еще ученые выяснили географические, исторические и экономические основания известного обособления четырех отдельных областей, которые почему-то теперь называют Украиной, хотя никто ни разу всю Южную Русь этим именем не называл. Области эти: Полтавская, Киевская, Одесская и Харьковская. Можно много спорить об их границах <...>, но утверждать, что ростовец, одессит и житель Харькова полны одинаковым стремлением скорее объединиться под руководством ловких выходцев из Галиции, можно только или шутя, или рассчитывая на поддержку западных "друзей", увы, уже безнадежную»².

¹ Национальный центр // Голос Киева. 1918. 13 декабря (30 ноября). № 179. С. 3.

² Левитский В. Делить ли Россию? IV. Автономия областей Южной России // Голос Киева. 1918. 12 декабря (29 ноября). № 178. С. 1.

Забегая вперед, отметим, что осенью 1919 г. белыми властями Юга России будет утвержден похожий проект деления бывшей Украины на области (правда, не на четыре, как у Левитского, а на три), а Валерий Михайлович примет непосредственное участие в его разработке¹.

Работая совместно с русскими националистами, Левитский, однако, окончательно не порывал связей с кадетской партией. Хотя городской комитет в большинстве своем ориентировался на лидера партии П. Н. Милюкова, объявившегося в Киеве и сделавшего ставку на немцев, Левитский был одним из лидеров «национально-русской» группы кадетов. Работавший вместе с Левитским в «Голосе Киева» кадет Е. А. Ефимовский вспоминал, как его, москвича и монархиста, избрали членом киевского городского комитета партии: «За меня голосовала вся кадетская молодежь. Должен отметить, что всему этому успеху в кадетских кругах сильно способствовал видный кадет южной России — киевлянин В. М. Левитский»².

В ноябре 1918 г. вместе с другим членами бюро Русского национального центра Левитский подписывает воззвание к киевлянам, призывающее «всех способных носить оружие, отложив все политические разномыслия, немедленно стать в ряды добровольческих отрядов» для борьбы с петлюровцами³. На страницах «Голоса Киева» он убеждает читателей, что город не будет сдан:

«Побольше бодрости, господа... Киев — часть России. Дело возрождения нашей Родины не может совершиться без участия киевлян. Все, что происходит, — это отдельные моменты общего дела, общего процесса. Русских сил более чем достаточно. Все зависит от организации и прежде всего от твердой уверенности в правоте и святости своего дела. Нужно помнить, что мы не выходцы из Галиции, пришедшие добывать "посади" в чужой стране. Мы дома. Мы берем за свою родную землю.

¹ Основы организации управления Южной России // Киевлянин. 1919. 22 августа. № 2. С. 2.

² Ефимовский Е. А. В русском Киеве в 1918 году. Политические силуэты (Отрезок времени) // Ефимовский Е. А. Статьи. Париж, 1994. С. 137.

³ От Русского национального центра // Голос Киева. 1918. 20 (7 ноября). № 159. С. 1.

⁴ Посты, должности (укр.).

Что бы ни говорили наши враги, мы имеем право защищать русский Киев. Конечно, нельзя убаюкивать себя надеждами на союзников, на знаменитое русское "авось, небось, да как-нибудь". Нужно спокойно организоваться, бодро и уверенно наполнять ряды борцов за святую Русь. <...>

Бесспорно, конечно, что старый Киев, где каждый камень говорит о величии русской истории, с его святынями и центрами русской культуры не будет отдан на поругание галицийским патриотам»¹.

Левитский пытается воодушевить киевлян, приводя в качестве примера офицеров, защищающих город от петлюровцев: *«Офицерство пошло умирать.*

Значение этого подвига огромно. Это есть, бесспорно, начало грядущего возрождения России. <...>

Декорации упали. Киев — русский город. Русский, русский, хотя это и не нравится и герру Рорбаху, и пану Петлюре, и "товарищам" меньшевикам.

И спасет его от анархии и разгрома самоотверженный героизм русского офицерства»².

Но его прогноз не оправдался: гетман и главнокомандующий 1 (14) декабря 1918 г. капитулировали, а добровольческие дружины были разоружены петлюровцами. Левитский и другие лидеры Русского национального центра были вынуждены бежать в Одессу, занятую белыми, а также военным контингентом Антанты.

Прибыв в Южную Пальмиру, Валерий Михайлович продолжает работать в составе шульгинской группы теперь уже под непосредственным руководством самого Шульгина, незадолго до этого приехавшего в Одессу из Екатеринодара и Ясс. Валерий Михайлович становится секретарем Подготовительной по национальным делам комиссии³ и входит в состав совета Южнорусского национального центра⁴, образованного на базе

¹ Левитский В. Побольше бодрости // Голос Киева. 1918. 21 (8) ноября. № 160. С. 1.

² Вал. Л. [Левитский В. М.] На киевском фронте // Голос Киева. 1918. 24 (11) ноября. № 163. С. 2.

³ Подготовительная по национальным делам комиссия // Россия: одесское издание. 1919. 26 (13) января. № 5. С. 4.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 68 об.; Резолюция о франко-русско-украинских отношениях // Южная Русь. 1919. 25 (12) февраля. № 3. С. 3.

киевского Русского национального центра после присоединения к нему представителей других малороссийских и новороссийских губерний. Примечательно то, что в списке членов совета Левитский все еще обозначен как член киевского комитета Конституционно-демократической партии. Также он трудится в одесском издании шульгинской газеты «Россия»¹, а после закрытия «России» французскими военными властями — в газете «Южная Русь»². В одной из статей Левитский, нередко именовавший себя «национал-демократом», писал:

«Возрождение национальной демократии — главнейшая задача момента. Ряды одуроченных интернациональными проходимцами и германскими агентами тают. Национальное самосознание масс растет. Расцвет его и будет моментом возрождения России. <...>

Государственный национализм широких масс, которые уже начинают осознавать значение русской государственности, — вот что должно вывести из тупика и позора родную землю в 1919 г.»³

После эвакуации Одессы весной 1919 г. Левитский не без приключений добирается до Екатеринодара, где продолжает свою журналистскую карьеру, став редактором «Великой России», главной на тот момент шульгинской газеты, имевшей подзаголовок «Орган русской государственной и национальной мысли». Шульгин на время отошел от публичной политики, предыдущие редакторы газеты, А. А. фон Лампе и А. А. Васильев, отправились в действующую армию, и газета осталась без руководства. Кстати говоря, отношения А. А. фон Лампе (впоследствии ставшего корреспондентом газеты в Киеве) и Левитского, очевидно, не сложились. Летом 1919 г. фон Лампе «заклинал» Шульгина найти на пост редактора кого-либо дру-

¹ Левитский В. Перед конгрессом (Фельетон) // Россия: одесское издание. 1919. 22 (9) января. № 1. С. 2; Он же. О русской национальной программе // Россия: одесское издание. 1919. 4 февраля (22 января). № 12. С. 1; и т.д.

² Левитский В. Привет // Южная Русь. 1919. 22 (9) февраля. № 1. С. 1; Он же. Не пора ли за работу, господа // Южная Русь. 1919. 23 (10) февраля. № 2. С. 1; Он же. О ловле осетров // Южная Русь. 1919. 25 (12) февраля. № 3. С. 1; и т.д.

³ Левитский В. Что же далее // Россия: одесское издание. 1919. 23 (10) января. № 2. С. 2.

гого, вместо Левитского, но получил ответ, что «людей нет»¹. Лишь осенью 1919 г. в Ростове-на-Дону появляется П. Б. Струве, который де-факто становится главным редактором, Левитский же остается простым редактором, при этом на страницах газеты указывается лишь В. М. Левитский в качестве редактора, и Н. Н. Львов — как издатель.

С весны 1919 г. статьи Левитского появляются практически в каждом номере «Великой России»: он пишет передовые, откликаясь на актуальные события военной и общественно-политической жизни, ведет отдельную рубрику бытовых зарисовок «Мой блок-нот». В газете выходят как его очерки мемуарного характера, так и статьи идеологического толка; свои взгляды он представляет читателям в цикле «Русский государственный национализм», частично повторяющем тезисы, ранее опубликованные на страницах «Голоса Киева».

Осенью 1919 г. Левитский работает над одноименной книгой — «Русский государственный национализм», начало которой было положено еще осенью 1918 г. в Киеве, одна из ее глав даже была опубликована на страницах «Голоса Киева»². Позже из-за прихода петлюровцев работа была приостановлена, и закончить книгу удалось лишь в Ростове-на-Дону, теперь она содержала девять глав: «1. Вместо предисловия. 2. Государственный национализм на Западе. 3. Русский государственный национализм в прошлом. 4. Особенности его. 5. Русская интеллигенция и проблема национализма. 6. Возрождение государственного национализма новой России. 7. Национальное воспитание. 8. Государственный национализм и наши политические партии. 9. Национализм и культурное возрождение России»³. Предполагалось скорейшее поступление издания в продажу, однако белый фронт рухнул, в конце декабря 1919 г. красные взяли Ростов-на-Дону, и редакция «Великой России» вынуждена была эвакуироваться, а книга так и не увидела свет.

Катастрофа, приведшая остатки белых в Новороссийск, произошла, по мнению Левитского, не только по причинам

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

² Левитский В. Из прошлого // Голос Киева. 1918. 27 (14) октября. № 139. С. 3.

³ Принимается подписка на новую книгу // Великая Россия. 1919. 14 (27) декабря. № 369. С. 1.

преимущественно военного характера (как считал Струве), но и из-за слабости национального сознания:

«Объединенной одним патриотическим порывом, национально мыслящей русской интеллигенции нет.

Есть остатки московских кадетских кружков, случайно уцелевшие единичные поумневшие левые, крошечные ячейки консервативно настроенных людей.

Это все ничтожное меньшинство живет обособленно и скромно, теряется среди окончательно денационализировавшейся толпы спекулятивно настроенных бездельников-чемоданщиков, чуждых армии и России.

Идеи русского государственного национализма все еще чужды и непонятны нашим политическим деятелям.

И кто знает, может быть, потому до сих пор и не удается никому из государственного мыслящих людей найти дорогу к сердцу русского народа».

Он делает вывод, что у остатков русской интеллигенции только два пути:

«Или уподобиться беспомощно погибающей сейчас на рейде от норд-оста стае отбившихся диких уток, или сбросить с себя сковывающие силы и пригибающие к земле путы безнационального книжного мировоззрения и начать работать. Второй путь по силам только национально стойким русским людям»¹.

В конце января 1920 г. «Великая Россия», до этого связанная с армией и властями лишь идейно, в какой-то мере стала местным официозом: к ней (а точнее, к ее официальному отделу) перешли по предложению помощника главноначальствующего и командующего войсками Черноморской губернии права и обязанности закрывшихся «Черноморских губернских ведомостей»². Но каких-либо преимуществ это, конечно, дать не могло: Белая армия доживала последние недели своего существования на Кубани. 22 февраля (6 марта) издание «Великой России» было прекращено, а сам Левитский в те же дни заболел тифом. К счастью для него, он успел оправиться к последним дням эвакуации Новороссийска и уехать в Крым.

¹ Левитский В. Что клонит нас к земле // Великая Россия. 1920. 18 (31) января. № 384. С. 1.

² От редакции // Великая Россия. 1920. 30 января. № 392. С. 1.

Несмотря на свершившуюся катастрофу, Левитский не унывает и в начале мая 1920 г. в очередной раз возрождает «Великую Россию» — теперь в Севастополе. Его настроение меняется в лучшую сторону, чему немало поспособствовал приход к власти П. Н. Врангеля, снова появляются оптимизм и надежды на благополучный исход, пусть не в военно-политическом смысле, но в идейном и духовном:

«Теперь еле-еле начинает пробиваться оригинальная русская мысль и в других областях.

Ей трудно, она еще робко и неуверенно идет вперед. Но жизнь постепенно отбрасывает все наносное, ненациональное, чужое.

Бред о безнациональности и вненациональности русских уже умолк.

Клички "социалист", "контрреволюционер" бледнеют. Вырисовываются контуры нового русского гражданина-националиста»¹.

Важно то, что основная заслуга в появлении этого нового «гражданина-националиста», по его мнению, принадлежит русским киевлянам, которые намного раньше остальных поняли суть происходящих в России событий и первыми поднялись на бой:

«До революции мы смотрели на право молиться, думать и говорить по-русски, как на что-то само собой подразумевающееся, бесспорное, неотъемлемое.

В Москве, этом культурном центре России, пренаивно смеялись над словами киевлян о необходимости организовать духовную защиту веры, национальности, быта.

Киев в его прошлом имел богатый опыт. Здесь столетиями кипела борьба, привыкли отстаивать каждую пядь русской земли.

Сейчас теплившиеся в Киеве идеи русского государственного национализма делают общерусскими.

Духовно Киев победил Москву. Революция показала, что русские должны готовиться к защите своей национальной веры, государства, культуры.

Гражданин Новой России будет русским националистом»².

¹ Левитский В. Что у нас на душе? // Великая Россия. 1920. 10 мая. № 7 (419). С. 1.

² Левитский В. Новый русский гражданин // Великая Россия. 1920. 12 мая. № 8 (420). С. 1.

Как и прежде, статьи Левитского появляются практически в каждом номере «Великой России». Так, например, в цикле «Письма к русским людям» он, описывая свое видение прошлого и будущего России, убеждает читателей, что нельзя искать идеал в прошлом, которое все равно не вернуть, что нужен новый «образ будущего»:

«Нельзя поддаваться соблазну забыть, что старая Россия умерла до 1 марта 1917 г. Ее нет и никогда не будет вновь. Никогда. Мы боремся за новую Россию. Прошлое для нас не забава, не склад ненужных и изжитых идей... Нет. Оно близко и дорого, но все же никогда не будет настоящим. Мы любим его не только умом, но лелеем в сердце, стараемся проникнуться его духом. Величие прошлого питает таящуюся в глубине нашей души жажду мира, любви, тихого, как лесное озеро, покоя. Но мы знаем, что оно не вернется. Старые, выстраданные столетиями национальные идеи лягут в основание здания новой России.

Но все будет там по-иному.

Мы храним благоговейно образ старой столицы и расскажем о ней нашим детям. Нас волнует эта воплощенная в камне царственная идея славы и величия.

Мы не забыли суровый массив дворцов, красоту храмов, мощь колоннад и непередаваемую прелесть гранитов царственной Невы. Но нас палкой не загонишь в старые петербургские канцелярии, где душили все живое, унижали русских, не понимали России.

Где-нибудь на Волге будет наша столица. Ее изберет сам избранный народом царь Великия и Малыя и Белыя Руси.

Ничего не поделаешь. Такова судьба — каждые 300–400 лет избирать новую столицу. Новгород, Киев, Москва, Петербург отслужили свой срок. Нижний или Саратов заменят их.

<...> Теперь уже видна победа деревни над городом. Новая Русь будет народной и, конечно, буржуазной. Любителей социалистических экспериментов будут показывать, как редкость, за деньги. Это не значит, что национально стойкие люди сознательно отдадут Россию на разграбление интернационального (или, вернее, еврейского) капитала. Напротив.

Новой России придется вести страшно тяжелую борьбу за свою экономическую самостоятельность. Опирается опять-таки придется на ту же деревню. Осуществлять “национально-демократическую программу”, как сказали бы на Западе, хотя

у нас ухитрились самое слово "демократический" сделать ругательством»¹.

В Крыму «Великая Россия» становится, по сути, ведущей белой газетой: де-юре с властями Юга России она никак не была не связана, но де-факто представляла точку зрения нового главнокомандующего П. Н. Врангеля и его окружения. Советский автор Д. Маслов вполне справедливо называл «Великую Россию» самой солидной из всех крымских проправительственных газет:

«В Севастополе "Великая Россия" заняла то положение, что было у "Нового времени" при самодержавном порядке, и стала настоящим официозом Врангеля и Кривошеина. Оба они часто помещали свои пространные беседы на столбцах этой газеты; охотно также интервьюировались здесь и другие видные представители военного, политического и административного круга.

Ни для кого не было тайной, что газета посвящена во все виды и намерения правительства, а потому за "Великой Россией" следили, с нею считались и много читали ее. <...>

В общем, большой размер газеты, исправно поставленная информация и спокойный солидный тон придавали "Великой России" характер настоящего большого официозного органа.

Общее направление газеты... было монархическое»².

Сам П. Н. Врангель в мемуарах писал: «За исключением одной серьезной газеты "Великая Россия", издававшейся под редакцией В. М. Левитского и при участии Н. Н. Львова, Н. Н. Чебышева и В. В. Шульгина, остальная печать была типично мелко провинциальной»³. «Великая Россия» просуществовала до последних дней «крымской эпопеи»: когда стало ясно, что удержать Крым не удастся, вся редакция вместе с Русской армией эвакуировалась в Константинополь.

На протяжении 1921 г., находясь в Константинополе, Левитский занимает должность преподавателя в местном рус-

¹ Левитский В. Письма к русским людям. V // Великая Россия. 1920. 29 августа (11 сентября). № 99 (511). С. 1.

² Маслов Д. Печать при Врангеле // Антанта и Врангель. Сборник статей. М.: Пг, 1923. С. 190–191.

³ Врангель П. Н. Записки (Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.) // Белое дело: Летопись Белой борьбы. Кн. VI. Берлин, 1928. С. 122.

ском лицее¹ и трудится в новом журнале «Зарницы», получая по 5 лир за статью². Он пишет очерки о жизни эмигрантов, статьи идеологического характера и рецензии³. Примечательна статья против «сменовеховства», которая завершается следующим выводом Валерия Михайловича: «Сборник "Смена вех" не пройдет незамеченным. Он свидетельствует... что рост национализма так велик, что даже Ленина, дабы сделать приятным, приходится его почитателям одевать в мундир покойного П. А. Столыпина. Увы, неудачно!»⁴

В конце 1921 г. опубликована небольшая книга Левитского «О любви к отечеству и народной гордости», включившая переработанные статьи, ранее напечатанные на страницах «Великой России», а также его беседы с друзьями во время прогулок по Константинополю⁵. Книга получила достаточно хорошие отзывы в прессе: «В форме бесед автор блестяще передал все мысли, волнующие теперь русских людей на чужбине. Это мысли не газетные, не книжные, а те, которые неясно шевелятся у каждого русского человека, отошедшего от одра тяжело больной Родины. <...> Диалоги ведутся на фоне знаменитых царьградских урочищ, колоритно отмеченных автором несколькими чертами. У автора наряду с незаурядной диалектической способностью дар пейзажа. Книга увлекательна. Даже некоторые спорные места интересны тем, что будят мысль»⁶, — писал коллега Левитского Н. Н. Чебышев, назвавший произведение Валерия Михайловича «беседами о национализме». И действительно, этой теме в книге уделено немало внимания, причем автор, разрабатывая ее, во многом опирался на работы Струве и Шульгина. «Новая книга, вышедшая недавно в Константинополе — одно из звеньев, соединяющих крепкой це-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 112. Л. 8.

² ГА РФ. Ф. Р-5955. Оп. 1. Д. 36. Л. 27.

³ Левитский В. Национализм и социализм // Зарницы. 1921. 20 марта. № 3. С. 10; Он же. Творчество на чужбине // Зарницы. 1921. 27 марта. № 4. С. 29; Он же. У стен Константинополя // Зарницы. 1921. 15–22 мая. № 10. С. 17–18; и т.д.

⁴ В. М. Л. [Левитский В. М.] Мечтатели или прохвосты? // Зарницы. 1921. 23 октября. № 25. С. 31.

⁵ Левитский В. «О любви к отечеству и народной гордости» (Беседы). Царьград. 1921. С. 4.

⁶ Н. Ч. [Чебышев Н. Н.] Беседы о национализме // Зарницы. 1921. 23 октября. № 25. С. 32.

пью всю зарубежную Россию в общем чувстве патриотизма, тоске по прошлому, которое в большинстве случаев было недооценено, и горячем призыве верить в будущее нашей Родины и в те великие задачи, которые ей предначертала мировая история», — так отозвалось белградское «Новое время»¹. «Небольшая книжка В. М. Левитского... появилась на свет в Константинополе и является одним из первых итогов той большой внутренней работы по переоценке идейных ценностей, которая шла в Русской армии и вокруг нее после эвакуации Крыма», — отмечала берлинская «Грядущая Россия»². «Эта книжка своего рода покаянные псалмы о том, что мы имели и не хранили, а потерявши — плачем», — писал известный публицист и издатель М. А. Суворин³. Автор рецензии в «Русской мысли» назвал книгу Левитского «наивной, но приятной». Наивной — по «историческому пониманию автора», приятной — благодаря искреннему национальному чувству, которое одушевляло борцов Добровольческой, а затем Русской армии и которое автор пронес через Киев, Одессу, Екатеринодар, Ростов, Новороссийск, Севастополь и в полноте сохранил на чужбине⁴.

В начале 1922 г. Левитский планировал выступить на съезде Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов) с докладом «Идеология русского национализма»⁵, но на мероприятие, проходившее в Германии, приехать так и не смог. Перебравшись вместе с П. Н. Врангелем и его окружением в Королевство сербов, хорватов и словенцев, он некоторое время проживает в Сремских Карловцах и является начальником Информационного отделения штаба Русской армии⁶, а затем, осенью 1922 г., переезжает в Чехословакию, в город Моравска-Тршебова. Долгое время он не может найти работу, выживать удается лишь за счет ссуд, получаемых от Комитета

¹ Библиография // Новое время. 1922. 25 февраля. № 251. С. 3.

² С. О. [Ольденбург С. С.] Новые книги // Грядущая Россия. 1921. 10 ноября. № 11. С. 3.

³ Суворин М. Национализм // Новое время. 1922. 26 февраля. № 252. С. 2.

⁴ С. Р. Валерий Левитский. «О любви к отечеству и народной гордости» (Беседы). Царьград, 1921. С. 68 // Русская мысль. 1922. № 10–12. С. 356.

⁵ Учредительная конференция Русского Конституционно-Монархического Союза // Грядущая Россия. 1922. 25 января. № 21. С. 1.

⁶ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М., 1998. С. 501.

по улучшению быта русских писателей и журналистов¹. «Никаких заработков или поступлений не имею. Живу исключительно на ссуду, из коей 300 кр[он] плачу за продовольственный паек в рус[ской] гимназии, как посторонний, не имеющий места, а 50 кр[он] — за комнату», — писал он в заявлении на получение ссуды². Лишь осенью 1923 г. ему выделяют должность нештатного преподавателя законоведения, философской пропедевтики и истории в местной русской гимназии с зарплатой 350 крон³, но во время каникул Левитскому все так же приходилось выживать за счет вышеупомянутых ссуд. Спасало лишь то, что супруга его, М. А. Левитская, занимала штатную должность в той же гимназии⁴. В 1925 г. Валерия Михайловича избрали штатным преподавателем Русского педагогического института имени Я. А. Коменского, и до 1927 г. он оставался руководителем семинарии по курсу «Охрана детства и детская преступность»⁵.

«Я по-прежнему в Тршебове. Струве в Париж не позвал. Сначала я очень огорчился, а теперь уж ничего. <...> Я все-таки мечтаю туда выбраться, ужасно хочется поработать»⁶, — жаловался Левитский В. В. Шульгину в феврале 1925 г. В начале 1927 г. ему наконец удалось съездить в командировку в Париж для научной работы в Парижском университете и Национальной библиотеке⁷, а в конце года окончательно перебраться в столицу Франции⁸. С этого времени он возвращается к активной журналистской работе: на страницах парижского «Возрождения»⁹, одной из ведущих газет зарубежной России, все чаще появляются его статьи, анализирующие положение в СССР (в этой газете он опублико-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1568. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–6.

² Там же. Л. 8.

³ ГА РФ. Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 112. Л. 8.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 77. Л. 9–9 об.

⁵ Там же. Л. 1–2, 13.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 146. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 112. Л. 2.

⁹ Левитский В. Неизвестный эпизод из биографии генерала Корнилова // Возрождение. 1927. 4 сентября. № 824. С. 4; Он же. В поисках новой идеологии // Возрождение. 1928. 7 июля. № 1131. С. 2; Он же. Программа правого уклона // Возрождение. 1929. 12 февраля. № 1351. С. 5; Он же. Выдумки самостийника // Возрождение. 1930. 19 июля. № 1873. С. 5; и т.д.

вался и раньше, но не так часто и в основном на темы, связанные с детьми¹). Кроме того, Левитский становится постоянным парижским корреспондентом множества русских газет других стран².

В начале 1930-х гг. Левитский тесно сотрудничает с Русским общевоинским союзом (РОВС), читая обучающие лекции для его членов в Париже и других городах Франции. Он выступает с докладами в Свободном политическом клубе, Российском центральном объединении, Русской монархической партии, Союзе галлиполийцев, Клубе русской национальной молодежи, Русском студенческом христианском движении и других организациях³. Известный эмигрантский активист Б. В. Прянишников вспоминал, что Левитский стремился поучать молодежь, «навязывая ей свои отеческие мысли и наставления»⁴. На основе этих лекций в Офицерской школе усовершенствования военных знаний при I отделе РОВС была выпущена книга Левитского «Коммунистическая пропаганда и борьба с нею»⁵. Валерий Михайлович сотрудничал и с «Внутренней линией» — секретной контрразведкой РОВС, причем, по некоторым данным, его доклады о жизни в СССР, читаемые в разных местностях Франции, были прикрытием для работы агента «Внутренней линии»⁶.

Еще с начала 1930-х гг. Левитский выступал одним из инициаторов объединения различных русских национальных организаций, в первую очередь представляющих второе поколение эмиграции. На страницах газеты «Фронт молодых» он призывал эмигрантскую молодежь «все свои силы отдать служению святому делу освободительной национальной революции»⁷. Благодаря такой активной работе Левитский стал генераль-

¹ Левитский В. Дети эмиграции // Возрождение. 1925. 8 июля. № 36. С. 3; Он же. Наши дети // Возрождение. 1925. 19 августа. № 78. С. 3; и т.д.

² Например, см.: Левитский В. Скандал у евразийцев (Письмо из Парижа) // Голос. 1929. 6 февраля. № 39. С. 2; Он же. Ответ ген. Деникина Миллюкову (Письмо из Парижа) // Русский голос. 1934. 28 января. № 147. С. 5; Он же. Тревога за Россию (Письмо из Парижа) // Русский голос. 1934. 11 февраля. № 149. С. 2; и т.д.

³ Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Т. 2: Л–Р. М., 2010. С. 40.

⁴ Прянишников Б. Незримая паутина. 2-е изд. Нью-Йорк, 1979. С. 173.

⁵ Левитский В. М. Коммунистическая пропаганда и борьба с нею. Конспективное изложение лекций 1–6. Париж, 1931.

⁶ Прянишников Б. Незримая паутина. С. 169.

⁷ Левитский В. На путях к национальной революции в СССР // Фронт молодых. Вестник национальной революции. 1930. 23 ноября. № 1. С. 2–3.

ным секретарем Организационного комитета, объединившего представителей младороссов, Российского имперского союза и Национального союза русской молодежи (НСРМ)¹, а впоследствии был избран председателем организационной комиссии I съезда русских национальных группировок, проходившего в Париже с 31 марта по 3 апреля 1934 г. На съезде он, ориентируясь на генерала П. Н. Шатилова и «Внутреннюю линию», начал атаку на председателя РОВС, генерала Е. К. Миллера, требуя замены последнего более молодым лидером и доказывая необходимость политизации Общевоинского союза. По мнению Прянишникова, Шатилов и «Внутренняя линия» стремились провести подконтрольного им Левитского в руководители центра национальных организаций, но вследствие ответной интриги со стороны делегатов от Национального союза нового поколения (бывшего НСРМ, будущего НТС) его кандидатура была отвергнута съездом².

Возглавить (пусть во многом и формально) все активистские организации зарубежья Левитскому не удалось, и он вернулся к основному своему занятию — публицистике. В 1930-е гг. Валерий Михайлович пишет для множества русских периодических изданий, выходящих в разных европейских странах. Так, например, он сотрудничает с софийской газетой «Голос России» И. Л. Солоневича (кроме того, является представителем редакции в Париже)³, часто публикуется в журнале «Армия и флот»⁴.

Основной темой публицистики Левитского остается Советский Союз. Конечно, в его статьях, посвященных жизни в СССР, есть ряд интересных наблюдений, но в большинстве своем они выглядят достаточно наивно. Как более поздние совето-

¹ От организационного комитета // Фронт молодых. Вестник национальной революции. 1930. 23 ноября. № 1. С. 4.

² Там же. С. 209.

³ Левитский В. М. Русские силы за рубежом // Голос России. 1936. 2 июля. № 3. С. 6; В. Л. [Левитский В. М.] Мой блок-нот // Голос России. 1936. 28 июля. № 6. С. 8; Левитский В. М. Наши победы // Голос России. 1936. 4 августа. № 7. С. 7; Он же. По СССР // Голос России. 1937. 11 мая. № 46. С. 3; и т.д.

⁴ Левитский В. Тридцать седьмой год // Армия и флот. 1938. № 1. С. 27–29; Он же. Сталинский провал (По поводу Московского процесса) // Армия и флот. 1938. № 2. С. 27–29; Он же. О синице и журавле // Армия и флот. 1938. № 3. С. 38–39; и т.д.

логи, грубо говоря, пытались выяснить расстановку сил в Политбюро, исходя из расположения советских вождей на Мавзолее во время праздников, так и Левитский, просматривая десятки и сотни официальных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских газет, старался найти в них крупницы правдивой информации, которая поможет понять настроения «подсоветских» людей. «Очень трудно судить, что делается “там”. Не все имеют возможность прочитывать ежедневно, как В. М. Левитский, 147 советских газет»¹, — писал с некоторой долей иронии один из эмигрантских журналов.

В середине — конце 1930-х гг. Левитский за свой счет печатает несколько небольших брошюр-обзоров, часть из них — под общим заголовком «Международное положение, современная Россия и жизнь эмиграции»². Наибольший интерес из них сегодня представляет обзор украинского вопроса. В нем дан сжатый очерк истории темы, описаны события Гражданской войны на Украине, положение УССР и советская политика «украинизации», а также приводится характеристика различных групп украинской эмиграции — от петлюровцев и гетманцев до Организации украинских националистов (ОУН) и католических и униатских структур. Сочинение заканчивается словами: «Россия была, Россия есть, Россия будет!»³

В споре «оборонцев» и «пораженцев», разделившем русскую эмиграцию, Левитский выступал, скорее, на стороне последних, отрицая при этом применимость понятия «пораженчество» по отношению к СССР:

«Оборонец тот, кто готов с оружием в руках защищать свое национальное государство от внешнего врага.

Термин “пораженец” до самого последнего времени не вызывал ни малейших недоразумений и десятки лет употреблялся

¹ Карелели В. 18 лет без императора (Окончание) // Кавказ. 1936. № 2 (26). С. 23.

² Левитский В. М. Советская молодежь (Настроения, требования и действия). Париж, 1935; Он же. Красная власть и белая Россия (Об эволюции Сталина). Париж, 1935; Он же. Планы разложения эмиграции (От «Трестов» до «Комиссий» оборонцев). Париж, 1936; Он же. Что происходит в России. София, 1936; Он же. Что же нам делать? Париж, 1938.

³ Левитский В. М. Что каждый должен знать об Украине. Часть первая. Париж, 1939; Он же. Что каждый должен знать об Украине. Ч. II. Украинская Республика и самостийники за границей. Париж, 1939.

в русской политической литературе. До сих пор пораженцем называли всякого, кто ставил интересы своей партии или группы выше интересов своей родной страны и во имя торжества своих политических или социальных идей сочувствовал или содействовал победе вооруженных сил иностранной армии над армией своего национального правительства.

Понятие пораженчества, таким образом, неотделимо от национальной власти. Нет национальной власти, нет и пораженцев. Советская власть никогда не называла себя национальной властью, наоборот, она неустанно, во всех своих официальных заявлениях, подчеркивала и подчеркивает свой интернациональный характер.

Поэтому по отношению к советской власти не может быть пораженцев в русской эмиграции»¹.

К началу 1940-х гг. бывший либерал-кадет окончательно сдвинулся в крайне правую сторону. Одна из последних его заметок была опубликована в берлинской газете «Новое слово» в сентябре 1940 г. Описывая настроения русской эмиграции в Париже, он отмечал, что «вся основанная масса инстинктивно поняла, на чьей стороне правда и кому принадлежит будущее. Поняла, несмотря на все запугивания, обманы, соблазны». По мнению Левитского, «в юношеские годы русская молодежь подвергалась развращающему влиянию основных устоев демократической жизни: фокстрот, аперитив, ранний разврат», а на эмигрантских верхах «было много левых и масонских персонажей». Теперь же (очевидно, после прихода немцев) начинается новый период, и эмиграция еще раз должна напрячь все свои силы и работать не покладая рук над своей национальной и политической подготовкой, но при этом «всей эмиграции настоятельно необходимы три предварительные меры: "чистка", организация центра и возврат к "добрым нравам"»². Первоначально Левитский считал, что победа Германии над Францией дает русской эмиграции какой-то новый шанс, но затем, похоже, разочаровался в немцах. В последующие годы он, по всей

¹ Левитский В. М. Планы разложения эмиграции. С. 8–9.

² Левитский В. Русская эмиграция (Письмо из Парижа) // Новое слово. 1940. 8 сентября. № 37 (313). С. 2.

видимости, не принимал активного участия в общественно-политической жизни.

Скончался Валерий Михайлович Левитский в Париже 27 апреля 1946 г.¹ Вероятно, он был похоронен на кладбище в парижском пригороде Леваллуа-Перре, именно там спустя 37 лет была погребена его супруга, Мария Афанасьевна.

* * *

Большая часть книги «Борьба на Юге» была написана В. М. Левитским с июля по август и с октября по ноябрь 1922 г. Возможно, в 1923 г. в текст вносились какие-то рукописные правки, т.к. на титульном листе самой рукописи сначала написано «1922 г.», затем переправлено на «1923 г.»². Нами решено оставить все же ту дату, которая стоит в конце рукописи, — 1922 г. Несколько глав («Как мы ехали», «Кубанская станица», «Степь», «На плавнях») были написаны раньше, в 1919 г., и тогда же опубликованы на страницах «Великой России». При написании еще ряда глав автор, очевидно, пользовался черновыми записками 1919–1920 гг.

Левитский пытался пристроить через Шульгина хотя бы часть своей рукописи в парижскую «Русскую газету»³, но безуспешно. В конце концов, оставив надежду на публикацию (из-за тяжелой ситуации на книгоиздательском рынке даже Шульгин не мог опубликовать свои новые книги), он решил продать рукопись в Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА).

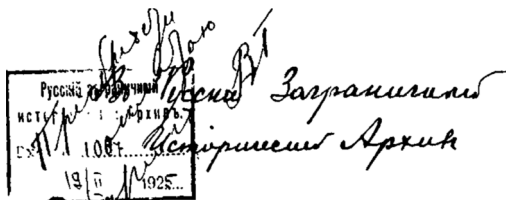
В октябре 1924 г. старый знакомый Левитского по совместной политической работе в Киеве и Одессе Л. Ф. Магеровский, работавший в РЗИА, написал ему письмо, в котором интересовался: «Не сохранилось ли у Вас самого в личном архиве материалов, которые Вы могли бы передать архиву на тех или иных основаниях (за плату и т.д.) с покрытием Ваших расхо-

¹ В годовой день кончины Валерия Михайловича Левитского... // Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2. С. 3.

² Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. В 6 т. Том 4: Л–М. М., 2004. С. 96.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 146. Л. 1.

На предложенные условия
 согласен. Представляю лично
 материал Уступкам Архиву в
 собственности в 1500 экз. Десяти
 Уполномоченным полугриф Л. П.
 Магеровскому.

T-RZIA

06.954

01.5

В. Левитский

11/II-1925...

1500 экз. - 17 экз.

Расписка В. М. Левитского для РЗИА
 11 февраля 1925

Národní knihovna České republiky — Slovanská
 knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního
 historického archivu. Část 6. I.j. 954

дов»¹. Финансовое положение Левитского было тяжелым, и он, очевидно, сразу же согласился продать рукопись и ряд документов, тем самым пополнив свой скудный семейный бюджет.

Рецензию на «Борьбу на Юге» написал известный публицист и историк, эксперт РЗИА В. А. Мякотин (он упоминается в одной из глав книги). Обрисовав политическую физиономию Левитского и отметив, что тот, «отойдя от к.-д. партии, к которой он раньше принадлежал», «примкнул к "национальной" группе В. В. Шульгина», рецензент перешел к оценкам текста. По его мнению, первые две главы про Киев и Одессу сравнительно мало интересны: в них очень мало фактов и решительно преобладают авторские оценки лиц и событий, к тому же субъективные. Зато следующие главы...

«...Следующие главы, начиная с описания Екатеринодара, представляют уже гораздо больший интерес: и в них сильно дает себя чувствовать авторский субъективизм, но вместе с тем в них много и фактического содержания. Автор обстоятельно описывает Добровольческую армию, какой он наблюдал ее в Екатеринодаре, в Ростове и в Крыму, изображает жизнь в тылу, отмечает господствовавшие в нем настроения и отношение к армии, характеризует, наконец, главных начальников армии. И хотя далеко не все в изображении и характеристиках автора можно считать бесспорным, но сообщенные им факты во всяком случае заслуживают внимания, не говоря уже о том, что в его рассказе об этих фактах нашло себе отражение настроение определенной общественной группы».

Также Мякотин отметил, что к воспоминаниям были приложены документы:

«1) копии двух писем командовавшего Кавказской армией генерала Врангеля генералу Деникину от 4 апреля и 29 июля 1919 г. и копия письма генерала Деникина генералу Врангелю от 10 августа 1919 г. Эти письма представляют большой интерес, обрисовывая и положение Добровольческой армии, и отношения двух названных ее вождей в данное время.

¹ Národní knihovna České republiky — Slovanská knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního historického archivu. Část 6. I.j. 954. Письмо Л. Ф. Магеровского В. М. Левитскому от 22 октября 1924 г.

б) обзор ростовской прессы в ноябре 1919 г., составленный Отделом пропаганды Особого совещания, такое же сообщение о кубанских событиях, секретная политич[еская] сводка Отдела пропаганды от 6.X 1919 г. о настроениях на Кубани, неофициальное сообщение о том же, такая же сводка от 17.X 1919 г., шесть номеров "Еженедельного обзора Кубанского отделения Отдела пропаганды" с 9.IX до 4.XI 1919 г. и номер севастопольской газеты "Юг" от 12.X 1919 г. с сообщением о казни Кулабухова. Все эти печ[атные] материалы (кроме, конечно, газеты "Юг"), в свое время считались секретными и печатались в ограниченном количестве экземпляров.

10 января 1925 г. эксперт подписал свое заключение, согласно которому РЗИА следует приобрести воспоминания Левитского вместе с приложенными к ним документами. Была назначена и цена — 200 чешских крон за печатный лист¹. Сама рукопись была оценена в 1000 крон, копии писем Деникина и Врангеля — в 260 крон, секретные сводки отдела пропаганды — в 120 крон, некие «неофициальные сведения» — в 40 крон, сводка «Кубанские события» — в 40 крон, номер «Юга» — в 5 крон, еженедельные обзоры Кубанского отделения Отдела пропаганды — в 30 крон, месячный обзор Кубанского отделения Отдела пропаганды — в 5 крон. Итого — 1500 крон².

Первоначально Левитский хотел получить большую сумму³, но вынужден был согласиться на предложение РЗИА. 11 февраля 1925 г. он написал следующую расписку: «На предложенные условия согласен. Представленные мною материалы уступаю архиву в собственность за 1500 кр[он]. Деньги уполномочиваю получить Л. Ф. Магеровского»⁴.

В 1946 г. рукописи из коллекции РЗИА были переданы в СССР, а газеты, проданные Левитским, вероятно, остались в Праге в коллекции Славянской библиотеки. Ныне рукопись Левитского и приложенные к ней копии писем Врангеля и Де-

¹ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 225. Л. 135–135 об.

² Národní knihovna České republiky — Slovanská knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního historického archivu. Část 6. I.j. 954. Опись материалов, купленных у Левитского.

³ Там же. Письмо Л. Ф. Магеровского В. М. Левитскому от 17 января 1925 г.

⁴ Там же. Расписка В. М. Левитского от 11 февраля 1925 г.

никина хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов»¹. В полном объеме книга Левитского не публиковалась — только отдельные главы из первой части «Борьбы на Юге» и предисловие В. В. Шульгина² (подробнее об этом смотрите в примечаниях настоящего издания).

Оригинальный текст представляет собой машинопись с многочисленными рукописными вставками и правками, сделанными рукой автора³. В подстрочных примечаниях приводятся лишь те вычеркнутые автором из окончательной редакции рукописи предложения и слова, которые содержат в себе потенциально значимую для читателя информацию. Стилистические правки, заключающиеся только в перестановке слов и предложений с одного места на другое, не учитываются; подобные слова и предложения приводятся в той редакции, которую автор считал окончательной. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации; особенности авторского стиля сохранены. Все незначительные опечатки исправлены без оговорок. Авторское деление на абзацы по возможности оставлено без изменений.

В качестве приложения к книге публикуются переписка Врангеля и Деникина (сейчас эти письма широко известны, но в 1922 г., когда писалась «Борьба на Юге», они еще не имели такого распространения), а также две другие работы Левитского: очерк «Бред», впервые опубликованный в 1922 г. в журнале П. Б. Струве «Русская мысль», и статья «Наша интеллигенция и проблема национализма», которая в 1919 г. была напечатана на страницах «Великой России» и должна была войти в качестве главы в так и не выпущенную книгу «Русский государственный национализм».

А. А. Чемакин

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449, 450.

² Левитский В. М. «Борьба на Юге» // Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 238–246; Пученков А. С. «Из подлинно белых рук власть не вырывают...» Истоки и итоги русской революции в интерпретации ее участника // Родина. 2016. № 4. С. 118–121.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 1–129.

Борьба на Юге

**Факты. Люди.
Настроения**

1917-1920

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Так называемая «Борьба на Юге», другими словами, трагедия, связанная с именами Алексева, Корнилова, Деникина и Врангеля, еще не имеет ни своего внешнего историка, ни своего внешнего истолкования, ни Гомера, ни Софокла. Еще не наступило время охватить этот грандиозный процесс общим и верным рисунком, в котором главное будет на первом месте, детали на своем, а автор-историк из норки очевидца, хорошо знающего только свой кусочек, поднимется на высоту, с которой будет разворачиваться вся панорама. Сейчас мы еще в полосе личных переживаний. Иначе не может быть, и этим нечего смущаться.

Ведь для того чтобы интегрировать, надо написать сначала дифференциальное уравнение. Мы — те, кто были в той или иной форме участниками южно-русской борьбы, можем написать дифференциальное уравнение, т. е. записать процесс в бесконечно малых. И от этого, насколько правильно мы его напишем, будет зависеть «интеграл», т. е. глава русской революции, именуемая «Белое движение», представленная не в элементах, а во всей ее целостности.

При этом надо еще помнить, что вполне естественные, но преждевременные наши попытки обобщений,

т. е. интегрирования теперь же, надо рассматривать только как элементы. Ведь эти попытки есть сгущение взглядов участников событий на происходящее. Взгляды эти могут быть правильными или нет, но, во всяком случае, они являлись действительными силами, в той или иной мере влиявшими на развитие событий. Вполне удержаться от обобщений значило бы утаить причины, в силу которых люди поступили так или иначе.

Подходя с этой точки зрения к работе В. М. Левитского, надо признать ее ценной и интересной. В ней есть и лоскутки жизни, выхваченные в разных местах и в разное время (своего рода записная книжка туриста революции), есть и попытки отыскать ключ к большой загадке: почему белые проиграли? Эти попытки, конечно, субъективны. Но они отражают мнения, сыгравшие свою роль, и потому важные и интересные для тех, кто будет творить суд справедливый и нелицеприятный, если таковые когда-нибудь найдутся.

Красной нитью проходит у В. М. Левитского мысль, что истинным виновником нашей трагедии было обывательское равнодушие, легкомыслие и аморальность. Русский обыватель, из-за спасения которого, в сущности, шла борьба, сначала полагал, что лучше всего он спасется, если будет сидеть тихо-мирно. Поэтому вначале, когда Добровольческая армия была действительно добровольческой, он поставлял добровольцев в ничтожном для России количестве. Когда же армия генерала Деникина перешла к системе мобилизаций, мобилизованный обыватель отомстил тем, что выявил свою истинную, далеко не белую, натуру. Вот простое объяснение, которому нельзя отказать в том, что оно подмечает одну из очень существенных сторон происшедшего. Оно же является и ответом на выдвинутые некоторыми политиканами обвинения, будто бы дело погибло от политических причин, от того, что генерал Деникин взял слишком вправо и не слушал «демократической общественности». Хронологически дело испортилось именно тогда, когда «демократическая общественность», т. е. обывательщина, заполнила войска и администрацию. Она внесла в Белое

движение свои обычные качества: неврастеническую раздражительность, непостоянство, озлобленность, нетерпимость, изнеженность, развращенность, расточительность, неодолимую потребность к злословию и злопахательству и полное отсутствие уважения к чужой собственности. Это была та самая русская обывательщина или общественность, которая столько лет сочувственно наблюдала, как политиканы разных мастей подучивали мужика грабить помещика, праздновали убийства министров и городских, отбивали ладоши, рукоплескала тенорам и басам из студенческой молодежи, затягивавшим:

Это время придет,
Наш проснется народ,
Позабудет свою он кручину.
И в леса он уйдет,
И там он найдет
Потолще, получше дубину!..
Эй, дубинушка, ухнем!

Народ «проснулся», дубину нашел и «ухнул»... Только одним концом по помещикам, генералам и министрам, а другим — по этой самой русской интеллигенции, которая столько вызывала и, наконец, вызвала дубинушку. От неожиданного удара мозга обывателя-интеллигента своротились слева направо, но и только: дубинушка не могла переменить сущности, основы его натуры. Поэтому, когда он получил винтовку из белых рук генерала Деникина «для спасения России», он вместо этого занялся делом, более отвечающим его духовной консистенции: вместо одного помещика грабил и помещика, и крестьян, и кого попало. Вместо министров и городских убивал «жидов» и безоружных «коммунистов». А вместо «дубинушки» тайно и явно мечтал о том, как бы перевешать всех «кадетов», разумея под этим именем всех, кто старался обуздать его дикость. Напрасно горсточка истинно белых боролась с этим желтым потоком. Их могла привести в чувство только страшная катастрофа: она и разразилась.

В точности повторилась история Крестовых походов. Высокая идея освобождения Гроба Господня превышала силы немногочисленных истинных крестоносцев. Пришлось опираться на более широкие круги, мобилизовать «общественность». Тогдашняя широкая общественность состояла из «рыцарей», понимавших рыцарство как право пьянствовать, играть в кости, бандитствовать по большим дорогам и дико ссориться между собой. Когда их призвали к святому делу, они его затоптали в грязь.

И тем не менее Крестовые походы навсегда остались в памяти человечества как высокий порыв, зародившийся в нравственных безднах средневековья. Таковую же светлую память оставит после себя дело Алексеева, Корнилова, Деникина и Врангеля. Наша общая ошибка, если можно в этом случае говорить об ошибках, состояла в том, что мы переоценили этот человеческий материал, которым оперировали. Загипнотизированные примерами необычайной доблести настоящих белых добровольцев, мы приписали эти качества и всей обывательщине, которую включили в свои ряды. Мобилизовав эту обывательщину, мы поставили перед ней *сверхгероическую задачу*. Может быть, и естественно, что обыватель не мог ее выполнить.

Большевики победили нас чувством реальности. К концу 1919 года со всякой идеализацией большевистского движения было покончено. «Рай» был погребен ужасами созданной ими жизни, их моральный облик внушал отвращение. Но он внушал и страх. Это большевики поняли. Поняли и использовали вовсю. Террором и дисциплиной они взнуздали русского обывателя и погнали его на белых. Они не ставили героических задач, они не требовали подвига, *они требовали повиновения*.

Повиновение им было оказано.

Приблизительно к этим же выводам, может быть, изложенным не с такой резкостью, приходишь, пробегая и воспоминания В. М. Левитского. Недостаток его работы — некоторая беспорядочность изложения, так сказать, торопливость стиля. Но, может быть, эта манера

органически связана с достоинствами его работы. В записках В. М. Левитского нет ничего выдуманного, накрашенного, нет позы и литературничания. Эти записки безусловно субъективно правдивы, живая же наблюдательность автора делает их не только правдивыми, но и интересными.

Прочитать их полезно для всякого, кто хочет добросовестно вникнуть в то, что было.

В. В. Шульгин

Прага

15 октября 1922 года

ЧАСТЬ I

Киев (1917–1918)²

Первые дни революции

Революция застала меня в Киеве. Вместе с небольшой группой чудесных, чистых людей я усердно работал в Особом суде для малолетних. Теперь даже странно вспоминать, как много душевной бодрости и свежести вкладывалось тогда в новое дело любовного выпрямления «ничьих» детей.

Наш «суд» объединил в одну дружную семью светскую барыню и молоденьких евреек-юристок, европейски образованного генерала и полуграмотного, но с золотым сердцем старика-слесаря.

Работы было по горло. Камера³ жила своей собственной жизнью. В успехе дела не сомневались. Верили и в победу на фронте, благополучно пережив страшную осень 15-го года. А кроме того, все крепко любили свой Киев. Чудесный город, где «каждый камень говорил о величии русской истории».

Война нас утомила. Пришлось организовать помощь детям запасных. За ними со всех концов Юго-Западного фронта посыпались «неизвестного происхождения подростки, самовольно бежавшие в Действующую армию». Позже густой толпой повалили дети беженцев.

Революция свалилась как снег на голову. Первые узнали о ней железнодорожники из телеграммы комисса-

ра Бубликова. В Киеве было совершенно спокойно. Ведь у нас не было ни фабрик, ни заводов. На окраинах сыто и благодушно жили мелкие торговцы, огородники и садоводы. Война им дала кучи денег.

Весть об отречении государя императора Киев прочел с явным недоумением. Власти растерялись. Офицерство сразу попало в невыносимое положение. С лихорадочным нетерпением ждали вестей с фронта.

После манифеста великого князя Михаила Александровича я в Камере объявил, что дело совсем плохо. Все согласились. Надо сказать, что 1905 год, еврейские погромы, незаметно переходившие в провинции в уничтожение интеллигенции, зарева аграрных «иллюминаций»⁴ и вся столыпинская эпопея многому научили киевскую русскую интеллигенцию. Играли роль и местные условия. Мы практически знали, что такое национальная борьба, видели, с какой бешеной настойчивостью работают враги России.

Война окончательно открыла глаза.

Университет, суд, часть адвокатуры, учительство и т. д. твердо знали в Киеве, к каким страшным последствиям может привести новая осада власти в дни войны. Правда, в Распутина верили, недостатки тыла знали, «свободу» любили, серьезно думали, что стоит только дать интеллигенции взобраться на министерские кресла, и все пойдет как по маслу. Но в глубине души сами этого побаивались и желали скорейшей победы на фронте.

Особенно заметна была наша «правизна» и «национализм» на всевозможных съездах в столицах. Москвичи часто нас укоряли «в любви к Столыпину» и «в мало-сознательном отношении к происходящему».

Поездка в Петроград

В Камере меня с неохотой, но все-таки отпустили «поиграть в политику».

Насмотревшись вдоволь на манифестации с красными бантами и парады с угождающими толпе генералами, я в половине апреля уехал в Петроград.

По беженским делам был у князя Львова. Господина министра-председателя мы нашли растерянно бродящим по огромному кабинету с трещащими на столах телефонами. Он чем-то восхищался и за что-то благодарил. Как и что, не помню. Выходя, столкнулись с депутацией пяти католических епископов.

Вот контраст между породистыми, гордыми фигурами и беспомощно мечущимся перед ними серым пиджаком растрепанного представителя тогда еще великого государства твердо засел в сознании.

От Львова поехал к Д. Д. Протопопову. Он занимал какой-то пост в Министерстве внутренних дел. Д. Д. откровенно рассказал о том хаосе, который вызвал на местах приказ об увольнении губернаторов. В 17 губерниях новая власть совсем не действовала, в остальных беспомощно плыла по течению.

Был в кадетском ЦК, когда пришли первые вести об уличных демонстрациях против Милюкова⁵. Через несколько часов лично познакомился со 2-м флотским экипажем, вышедшим на улицу с винтовками бороться с контрреволюцией.

Работа у кадетов

С тяжелым чувством уехал в Киев. Здесь, кроме прочих напастей, объявились украинцы. Они как-то незаметно вылезли из глухого подполья. На первых порах были очень осторожны. На людях безобразили солдаты, и до одури произносили речи в Думе, в театрах, на базарах меньшевики и эсеры. Все местные, бесталанные «серые Жоресы».

Большевики, заметные только немногим, усиленно работали исключительно в различных агитационных организациях, просвещавших Действующую армию. Город съезжился и притих.

Я весь ушел в работу. Был избран товарищем председателя Городского кадетского комитета и тоже начал усиленно заниматься агитацией. С большевиками столк-

нулся сейчас же при организации отправки «литературы» на фронт. Они захватили в свои руки технический аппарат и делали, что хотели.

Поближе пришлось познакомиться и с непрочностью социального положения в крае русской интеллигенции. Это были в огромном большинстве служилые люди. Только тогда выяснилось, какое вообще огромное значение имела государственная власть во всех отраслях культурной жизни страны. Власть ушла, и интеллигенция лишилась опоры. Надо было искать новой. Всюду начали выполнять «скользкие» люди, торопившиеся приспособиться.

На первые места неудержимо лезли самые наглые, самые бесстыжие. Прекословить толпе становилось с каждым днем все непопулярнее. Открылось и еще одно обстоятельство, смягчающее вину многих. Оказалось, что почти весь культурный в крае класс — нищие, в буквальном смысле этого слова. От знаменитого профессора, известного всей России юриста или историка до скромного учителя или доктора — все жили жалованьем, еле сводя концы с концами. На черный день заботливо было скоплено 5–10 тысяч... в военных займах...

Жизнь дорожала. Базар и лавка были неумолимы. Офицерские семьи кое-где уже начинали голодать. С фронта шли дурные вести. Армия умирала. А мой старый, милый Киев, ворча, начал перекрашиваться в красный цвет. Украинцы культивировали политику «чистой подлости».

Вторая поездка в Петроград

Скоро ошарашили телеграммы о новом выступлении большевиков. Как только в Петрограде успокоилось, поехал. Города не узнал. В слабости Временного правительства уже никто не сомневался. «Что-то будет? Что-то будет?» — спрашивали повсюду. Создавались самые фантастические планы. Люди иногда как бы наяву бредили для самоутешения. Плана, вождей, организации не было. Докладывал в ЦК кадетов о положении в Киеве, но всем

было не до того. Только что выступали большевики, ждали новых стычек.

Меня пригласили в комиссию по пересмотру судебных уставов. Рассматривался проект Положения о попечительном суде для малолетних.

На торжественном заседании под председательством товарища министра юстиции Скарятина великолепные курьеры разносили чай. Вдруг мой сосед, старичок-сенатор, с любезной улыбкой протянул мне какую-то тряпочку. Видя мое недоумение, прошептал:

— Поделюсь, берите.

Я развернул, и на стол выпал крошечный кусочек сахара. Эта сцена произвела на меня сильное впечатление. «С таким положением продовольствия далеко не уедешь», — подумал я. У нас, «в глухой провинции», еще не было ничего подобного.

Отличалась от нашей и толпа. Здесь в ней чувствовалась какая-то нарастающая ненависть и озлобление. Правда, всюду томились тысячи людей в очередях.

Выборы

Нужно было спешить домой. В Киеве начиналась полоса всевозможных выборов. Подвиги наших левых во время избирательных кампаний в дни революции заслуживают особого, внимательного изучения. Это дело будущего. Пока опубликованы интересные наблюдения И. Ф. Наживина о выборах в деревне (сначала у нас в «Великой России», а затем уже за границей отдельно)⁶. Городские избирательные кампании еще совершенно неизучены. Киев ничем особенно не выделялся из общей картины. Благодаря украинцам только все было еще грубее, только у нас красовались плакаты: «Брежут они, собачьи головы!»⁷ На предвыборных собраниях русских социалистов обещали каждому ботинки и мануфактуру.

Победили, конечно, левые. Блестяще провалились кадеты на первой же кампании в Городскую думу. Из 80 мест им досталось только 10. Евреи, поляки и украинцы шли

по национальным спискам. В столице Украины оказалось меньше всего украинцев, они были на последнем месте. Неожиданно провел 18 гласных «Русский блок» Шульгина⁸. Провал кадетов характеризовал тогдашнее настроение интеллигенции. Партию оставили не только обычные в Киеве союзники, польские и еврейские буржуазные группы, но и большинство русской интеллигенции, голодовавшей «за блок». Это была нам месть за благоволение к украинцам. Лидеры растерялись. Начались забеги к социалистам. Строились новые планы соглашательства. Нам любезно дали два места в управе. Но толща партии определенно правела. В интеллигентных семьях всюду заговорили о национализме и необходимости организованной национальной самозащиты.

В Центральной раде⁹

К июлю Временное правительство сделало несколько слабых попыток противодействия самостийникам. Они надули, и Керенский подмахнул известное соглашение, признав Раду. Украинцы сделали очередной трюк, пригласив в Раду представителей национальных меньшинств. Получил приглашение прислать 8 или 10 «депутатов» и Киевский областной кадетский комитет. Я усиленно возражал против посылки, но остался в меньшинстве. Решено было попробовать. В число депутатов попал и я. Получив при помощи переводчика от вихрастого малого, «не разумевающего по-московски», красный билет, я 5 августа отправился в «парламент». Рада заседала в грязном театральном зале Народного дома. Обсуждался ультиматум Временного правительства о сокращении числа народных секретарей. Заседание открылось речью профессора Грушевского. Хитрый старик долго жаловался на притеснения и обиды и в заключение совершенно неожиданно отказался от звания председателя Рады. Я внимательно следил за впечатлением в зале. Партер театра, где расположились депутаты, имел 350–400 мест. Половина откровенно

пустовала. Несколько раз пересчитал присутствующих. Налево от прохода, где сидели украинцы, было 117 человек. На креслах представителей меньшинств 42. Все, кроме нас — от различных еврейских партий и организаций. Между тем украинские и даже русские газеты ежедневно уверяли нас, что в Раде свыше 600 народных избранников. Господа украинские депутаты, разложив перед собой солдатские шинели, мирно дремали. Взволнованно шушукались только в первом ряду — лидеры. Их было 11 человек, из них — один священник, остальные — городская и деревенская полуинтеллигенция. Винниченко, Петлюра и прочие власти помещались на сцене.

Грушевский и голос повышал, и паузы выдерживал — не помогало, партер мирно дремал. Наконец председатель фракции эсеров не выдержал и, порывисто сорвавшись с места, побежал будить. Только после его энергичных мер раздалось долгожданное: «Доверяем! Просим остаться!» Грушевский радостно поблагодарил и согласился.

Представление продолжалось. Один за другим выступали представители еврейских фракций с приветствиями. Говорили и на древнееврейском языке. Депутаты сразу развеселились. Теперь уже все лидеры обходили ряды, чтобы прекратить весьма решительные возгласы представителей державного народа по адресу угоджающего меньшинства.

На следующий день я заинтересовался: кто и как выбирал господ депутатов. После некоторых препирательств в «мандатную» комиссию кооптировали от нас А. Г. Безрадецкого. Вечером он пришел в самом веселом настроении. Серая действительность превзошла самые красочные ожидания. Ему сразу удалось установить, что никаких выборов в действительности не было. Депутаты приехали с командировочными бумагами от различных организаций и групп. Ни число «избирателей», ни время <...>¹ указано не было. Отчетливо помню, что благода-

¹ Текст в рукописи поврежден. Вероятно, было написано: «избрания уполномоченных».

ря настойчивости нашего представителя было документально установлено «избрание» депутата города Полтавы (свыше 110 тысяч жителей) членами Совета Украинского клуба. Присутствовавшие полтавцы удостоверили, что в клубе до... 100 членов. Для «выборов» даже не потрудились собрать общего собрания. Таковы были и полномочия депутатов из армии, где, по скромному подсчету Грушевского, было два миллиона сторонников Рады. В таком парламенте нам делать нечего, и на следующий день подали мотивированное заявление об уходе.

Следующие недели все внимание было приковано к фронту. Там рекой лилась кровь офицерской молодежи.

Признаки перелома

Июль и половина августа 1917 года могли быть поворотным моментом революции. Все чаще и чаще упоминалась «Ставка». С надеждой и мольбой к ней обращались все взоры. Удары на фронте оздоровили атмосферу. Начиная оживать офицерство. Из армии потянуло свежим ветерком. Признаки оздоровления увеличились ко времени московского Государственного совещания. Огромное впечатление произвели полные мужества и благородства речи военных и Шульгина¹⁰. Начинали определенно надеяться. Но все это продолжалось недолго.

Корнилов

Первые телеграммы о «мятеже в Ставке» застали всех неорганизованными и растерянными. Надо признать, что это выступление против Временного правительства было выполнено по-детски. Уже по одному тому, как мы узнавали о ходе событий в Ставке и под Петроградом, сразу же было видно, что все обречено на неудачу. Службы связи, телеграфы, телефоны, прямые провода, газеты были в руках социалистов. Создалась невероятная путаница.

Я был в эти дни в Подольской губернии. На митинге в Виннице среди тысячной толпы появилась небольшая группа солдат, которые с явным нетерпением ждали конца моей речи. Дослушав, они вытолкнули вперед здорового детину, который, помахивая стеклом, спросил:

— А скажите, товарищ кадет, какое наказание следует положить изменнику Корнилову, арестованному революционным народом?

В зале стало тихо. Я только что «агитировал» за Ставку.

— Не знаю, это дело суда, — отвечал я, стараясь быть как можно более спокойным, — но, как юрист, могу удостоверить, что во всякой республиканской армии солдат, публично называющий своего главнокомандующего изменником, заплатил бы за это жизнью!

Тысячи голов поворачиваются, несколько секунд колебания, и затем при бурных аплодисментах солдаты исчезают. Так мы узнали об аресте генерала Корнилова. Приняв необходимые предосторожности, я немедленно выехал в Киев. Здесь с возмущением узнал, что председатель Областного комитета Д. Н. Григорович-Барский, ни с кем толком не посоветовавшись, выступил в Городской думе с осуждением Корнилова¹¹. Конечно, сделано это было «исключительно из тактических соображений» и «в интересах фронтового офицерства». Но, во всяком случае, на память потомству к корниловскому делу был приложен отпечаток кадетского копыта.

Примирили меня с партией тогда полные мужества и благородства выступления кадетских газет. Нужно и к Милюкову быть справедливым. Многие ли решились открыто защищать «гнусного изменника»?

Без вождя

В Киеве мы тогда переживали странную двойственность. Город был переполнен «контрреволюционными» элементами. Настроение русских низов, интеллигенции, я уже не говорю об офицерстве, могло быть прекрас-

но использовано. Под руками были колоссальные склады, арсенал, запасы артиллерии.

Все понимали, что Керенский безнадежен. Но не было сильного человека, не было вождя, и это решило все. Офицерство беспомощно металось. У интеллигенции не было сил и умения вести свою местную государственную политику. В результате всех этих шатаний и растерянности большинство русских элементов, защищаясь от украинцев и крайних левых, ориентировалось на Временное правительство. Вернее, даже просто на Россию, на столицы. Так расслаблялись и уничтожались силы. Большевистского настроения в городе еще не было. Фронт плохо, но держался. Близость врага, настоящего, беспощадного, жестокого, еще чувствовалась многими. Напряженное ожидание событий нарастало. Ждали, что будет в Петрограде, в Москве, особенно в Москве. Но время шло. Никто не позаботился обратить внимание на огромные офицерские силы, просачивавшиеся с фронта. Никто не занялся Киевом. Все ждали. И дождались... телеграммы о выступлении в Петрограде большевиков. «Наконец-то! Сейчас им наложат! Слава Богу, давно расправиться пора!» Я выехал в Москву.

В Москве

Мне казалось, что именно там должен organizоваться новый центр. Оттуда придут вожди и директивы. В прочность большевиков не верил, не думал и о возвращении Временного правительства. Ждал кого-то третьего. Кого, и сам хорошенько не понимал.

Остановился у своего коллеги, московского мирового судьи для малолетних Якушкина. Вечером за чаем собралась кадетская компания. Был старик фон Рутцен, профессор Кокошкин (брат Ф. Ф.), еще кто-то. На меня сразу вылили ушат холодной воды. На все мои доводы отвечали:

— А кто их сменит? Кадеты? Эсеры? Неорганизованное крестьянство?

Я растерялся. Смутно чувствовал, что дело не в партиях, а в людях. Что важно только одно — скорее взять палку в руки, но молчал. Присутствовавшие перешли к обсуждению переноса «Русских ведомостей» в Новочеркасск. Москву они считали безнадежной. Это бегство из центра, оставление врагу самых важных позиций меня сильно взволновало.

На следующий день поехал к Ф. Ф. Кокошкину. Ф. Ф. застал в постели. Совершенно издерганный, с измученным, осунувшимся лицом, Ф. Ф. внимательно выслушал мое сообщение о положении в Киеве и предложил мне ехать с ним на заседание ЦК. В особняке князя П. Д. Долгорукова царила полная растерянность и уныние. Усиленно занимались информацией, передавали последние вести из Петрограда. Волновались, но решительных, немедленных действий не предлагал никто. Со стен с укором смотрели на нас энергичные, полные непоколебимой твердости и воли портреты сподвижников Великой Екатерины. Здесь, как и через несколько дней на съезде общественных деятелей, где я слушал доклады генерала Рузского и Брусилова, все парализовал уже отмеченный П. Б. Струве наш органический порок — недостаток революционной психологии. Люди ясно видели, что погибают, но не решались отбросить все привычные формы и начать действовать на свой страх и риск.

Жуткое впечатление зауспокойной службы произвели на меня предвыборные собрания. Помню огромный зал какого-то синемаатографа. Говорил Ф. Ф. Кокошкин. Его тепло приветствовали. Но это было собрание близких. Убеждать их было нечего. Хозяева, вся эта темная, обманутая толпа, не пришла. Она в других местах запасалась билетиками «против войны». Дни выборов провел на улицах. Боролся только две партии. Большевики и кадеты. Исход был до боли ясен. «Кадеты — за проливы»¹², «большевики — за возвращение кормильцев». Так и объяснила мне на Арбате маленькая, милая старушонка. Порадовала, что и она положила большевикам. Перекрестившись, добавила:

— Заждалась моего голубчика. Уж больно, барин, житье пошло чижолое!

Выборы в Украинское Учредительное собрание

В разбитом, переполненном солдатами вагоне еле добрался до Киева. Последующие события общеизвестны. Дождалась ли своего голубчика моя собеседница, не знаю. В Киеве решили произвести свой опыт. Началась подготовка к выборам в Украинское Учредительное собрание. Национальные настроения у кадетов так окрепли, что¹ Волянь предложила мне первое место в своем списке. Рождество я провел в Житомире.

Долгими зимними вечерами местная интеллигенция обсуждала положение. Провинция переживала новый кризис. Даже скользкие, по существу, все же «свои люди» должны были уступить места украинским хамам, наглым, жадным и продажным. Они вербовались из местных отбросов, но главным образом доставлялись из Галиции. Первое время откупались довольно дешево. Но нажим из Киева увеличивался, и работать делалось все труднее. Главное препятствие все же было не это. Мы легко и быстро наладили отношения с чехами, немцами-колонистами, интеллигенцией в городах. Но деревня оказалась за семью печатями. Интеллигенция бежала в города и ютилась по гостиницам. Полуинтеллигенция служила Раде. Писарь, естественно, хотел быть судьей, фельдшер — доктором, десятник — инженером. Все они вообще — стать «властью». Да, кроме того, Рада не забывала и прибавлять к основному жалованию в 50–75 рублей еще 1500 рублей «за информацию и содействие при выборах». По Житомиру все же выборы прошли для меня неплохо. В уездах их прервало наступление большевиков¹³. Местные интеллигентные труженики начали готовиться к новым испытаниям. Я вернулся в Киев.

¹ Зачеркнуто: «вопреки распоряжению Главного комитета».

Первая осада Киева

Через несколько дней загрели пушки. Наступал Муравьев. Сначала было жутко. Затем обтерпелись. Много бродили по городу, бросаясь в подворотни при близких разрывах. Вечером в кругу семьи слушали этот своеобразный концерт перелетов, недолетов, попаданий. Украинская батарея стояла против дома, и нас не забывали.

Много раз потом в течение этих лет мне приходилось переживать бомбардировку беззащитных городов. Есть какая-то своеобразная прелесть в этих жутких днях. Все мелочи уходят. Опасность объединяет. Люди искренни, просты, сердечны. Мозг работает с лихорадочным напряжением. Точно перед исповедью старается все припомнить, понять. Проверяешь себя и других. Близкие становятся особенно дорогими. Волнуют и в то же время успокаивают дети. Все равно, свои или чужие. Смотришь на них недоумевающие личики и все думаешь: они еще долго, долго останутся на земле. Увидят другую жизнь. Не может быть, чтобы и она не удалась, как наша. А как светлеет все кругом, когда у них берет верх ничем не истребимое, законное желание «все-таки поиграть». Смотришь на куклы, мяч, волшебный фонарь и легко, ясно и покойно станет на душе.

Когда шрапнель начала беспрерывно рваться над нашим домом, и я приносил еще теплые пули, ударившие в простенок, с 4-го этажа к нам принесли грудного ребенка. Крошечная, розовая ручка, упрямо выцарапавшаяся из-под одеяла, черные точки глазенок обрадовали всех. В квартире сразу стало тепло и уютно.

А снаряды все рвались и рвались.

Так шли дни за днями.

Странное время переживали тогда русские. Обе борющиеся стороны были нам одинаково враждебны. Кто бы ни победил — были не наши. И все-таки, чем больше разрушали большевики город, чем чаще на улицах поднимали трупы, тем настойчивее в головах слабых и сомневающихся крепла мысль: а «они» все-таки русские!

Большевики

Наконец дождались. Первыми вошли сибирские стрелки. Были грубы, но довольно миролюбивы. За ними ввалились банды уже настоящих «товарищей». Полились потоки крови. Как всегда, было убито и замучено беззащитных и мирных людей в два раза больше, чем нужно было бы для защиты города при умелом командовании.

Русская интеллигенция честно расплачивалась кровью за все свои ошибки и преступления. Но все же город заняли ненастоящие коммунисты. Главное, у них не было еще своей «услужавшей» интеллигенции. При первых же попытках наладить хоть как-нибудь жизнь им пришлось обратиться за помощью к местным людям. Опять полезли сговорчивые и удобные. В свою новую роль они вошли не сразу, действовали нерешительно и озираясь. Уверенности в прочности своего положения у них не было. Удалось, например, спасти жизнь Шульгину. Со мной же произошел такой случай. Рано утром меня вызвал перепуганный швейцар: «Солдаты требуют!»

Я вышел. В вестибюле меня окружили человек 17 с винтовками, пулеметными лентами, офицерскими саблями. Всё как полагается. Сразу узнал старых знакомых. Это были карманщики из воспитательной колонии, помещенные туда окружным судом. В ранней молодости некоторые имели дела и у меня.

— Что угодно? Паспорта из старых дел? В Камеру приходите!

Этого они никак не ожидали.

— Так точно! Теперь слобода, — начал один. Другие с видимым облегчением подхватили.

— Так идите, сейчас и я туда же.

Радостные улыбки:

— Покорнейше благодарим, господин мировой судья. Я захлопнул дверь.

— А грозились убить! Страсть, как шумели! — изумился швейцар, отпирая дверь. — Уговаривал. Куды там? Не позовешь, двери высадим!

Упразднение суда

— Нас упразднили. Мы уволены, — сообщали мне со всех сторон, когда я пришел в наш съезд.

— И прекрасно, нужно только деньги выцарапать.

— Да, но дела велено передать секретарям, — волновались мои милые старики, боясь ответственности «за целостность казенного имущества».

— Кому нужны теперь ваши дела?

— Ну, а все-таки!..

И они деловито начали обсуждать важные вопросы о денежных книгах, векселях и т. п.

— Комиссар приехал! Требуется председателя!

Председатель попросил меня присутствовать при разговоре.

Комиссар «юстиции» оказался студентом, сыном нашего частного поверенного, с которым я где-то встречался на митингах.

Он был сильно смущен. Нерешительно протянул мне руку и не знал, с чего начать.

— Я левый эсер, не большевик, — объяснил он, как бы оправдываясь, — временно согласился...

— И отлично, — успокаивал я, — ваш декрет нам известен. Нужно только урегулировать счета...

Еще после каких-то извинений перед председателем, старым судьей кристальной чистоты, которого уважал весь Киев, он тут же подписал все ассигновки и уехал, не решившись даже выйти в зал общих собраний.

В моей Камере дело обошлось и того проще.

— Все распоряжения будет делать старшая попечительница, — сказал я секретарю. — В Камеру вы должны являться по-прежнему. Арестованные все равно будут.

И действительно, на следующий же день милиционеры и красноармейцы начали доставлять моих старых друзей.

— Примете? Ну, слава Богу, вот спасибо, барышня, — радовались представители новой власти. — Еле вас нашли. Только извините, на бумаге четыре, а притащили двух.

— А остальные? — спрашивала попечительница.

— Хохлы да бабы проклятые на базаре прикончили. Эти поменьше, так нам жалко стало, отбили, да и к вам.

Нашу крепкую, любовью спаянную организацию большевикам так и не удалось разрушить. Деньги у меня были еще от Временного правительства. Украинцы, конечно, не дали нам ни копейки. Все остались на своих местах.

С необыкновенным достоинством вел себя мой приют для девочек-проституток. Еще в начале революции, когда Временное правительство объявило свою нелепую амнистию, забыв о воспитательных учреждениях, я вынужден был по настоянию прокурора Палаты объявить девочкам о прекращении всех их дел и о «свободе». Своими руками приходилось разрушать с таким трудом налаженное дело.

Но проститутки оказались умнее Керенского. На следующий день от всех, кроме одной, я получил «прошения». «Слободы» они «не хотят», «просят по-старому». «Как Вера Эмильевна скажет». Так и теперь: большевистский комиссар был прогнан с насмешками.

Много раз после этого рвались над Киевом снаряды. Были немцы, гетман, Петлюра, опять девять месяцев безобразили большевики. Наконец Киев был взят добровольцами. В конце августа 1919 года, приехав на несколько дней в Киев из Ростова, я был огорошен приглашением посетить свой приют.

Мне устроили сердечную встречу. С нескрываемым изумлением я смотрел на этих здоровых, веселых девушек, наперебой рассказывавших, как у них все по-прежнему, как они воевали с комиссарами, как В. Э. защищали.

А ведь два-три года тому назад это была толпа жалких оборванных уличных проституток, назойливо предлагавших каждому прохожему за полтинник вдоволь издеваться над их детским телом.

И все это сделала любовь одного человека, их воспитательницы госпожи В. Э. Бренсенсен. Где сейчас эта необыкновенная женщина? Может быть, уже давно перестало биться ее чуткое сердце, не выдержав этого потока крови и грязи, что и сейчас мучает милый, старый Киев?

Немцы

Большевики продержались около трех недель. Скоро отыскался след петлюрин, и в город бесконечной серо-синей лентой потянулись «приглашенные» немцы.

Киев сразу ожил. Первое время немцы были очень корректны, внимательно изучая окружающее. На подмостки были выпущены украинцы. Они вообразили себя настоящими актерами и ставили спектакль за спектаклем. К ним сейчас же пристроились и наши социалисты. Немцы быстро определили их удельный вес и начали искать опоры в других кругах. Вот тут-то и началось самое ужасное и самое позорное из всего, что пришлось пережить за революцию. Этот незабываемый процесс *«всеобщего киевского раздевания»*.

Немцы ловко начали с поощрения спекуляции. Спекулировали тогда всем: сахаром, хлебом, денежными знаками, лесом и т. п. Когда аппетиты разгорелись, немцы пустили в оборот свои товары. Они спекулировали страхом перед большевиками, привязанностями к движимому и недвижимому имуществу, всеми видами украинизации, социализации и пр. За успокоения, за обещания, за сочувствие им охотно отдавали не только сахар и хлеб, но и честь.

Гетман

Когда обе стороны после ряда сделок хорошо узнали друг друга, перешли к планам. Начали, как и с украинцами, с народного спектакля. На этот раз был выбран цирк. Первые роли были отданы «хлеборобам». Вторые любезно согласились исполнять самые настоящие русские люди. Решено было выбрать гетмана всея Украины. Составили заговор. Первую часть его, свержение Рады, провели без участия русских. Просто пришел немецкий отряд, кого надо разогнал, кого следовало взял с собой. Украинцы и пикнуть не посмели. Киев сиял. Вторая часть была сложнее. В особняке бывшего предводителя дворянства Безака на Елизаветинской ежедневно заседала

небольшая группа заговорщиков. Они очень конспирировались, но больше «для интересности», как говорят дети. Бояться им решительно было нечего: дом Безака и днем и ночью охранялся немецкими караулами. На заседаниях, кроме хозяина, бывали Лизогуб, Вишневский, Бутенко (бывший управляющий Подольской железной дорогой), Сахно-Устимович, Гижицкий, бывший полицмейстер Горностаев. Из немцев присутствовали майоры Генерального штаба Альвенслебен¹⁴ и Гаазе. Самый спектакль был поставлен довольно умело. Был созван съезд «хлеборобов», мелких земледельцев, в огромном большинстве крестьян. Съезд не был посвящен в «планы». Выборы же гетмана произошли так. К одному из русских офицеров вечером приехал бывший член Государственной думы Гижицкий, вынул из кармана 5000 рублей и заявил:

— Наберите тридцать человек «для дела». Пока пусть только ежедневно являются в назначенное вами место. Опоздавших исключайте. Платите по пятнадцать рублей в день и выдайте 100 рублей единовременно.

Желающих нашлось сколько угодно.

— Отбою не было. Я с ними строго, чуть опоздал, кандидатом замену, — рассказывал мне сам антрепренер.

Через несколько дней им объявили, что их проведут в цирк, где они по данному знаку должны кричать: «Гетмана нам треба! Гетмана!» «Если кто будет возражать, спустите с лестницы, не считаясь ни с чином, ни со званием». Все и было исполнено в точности. «Кричали честно», — как сами потом, смеясь, рассказывали эти замечательные русские люди.

В переговорах о гетмане принимал участие и кадет А. К. Ржепецкий и многие, многие иные. Сразу же после цирка и торжественного благодарственного молебствия на Софийской площади начались позорнейшие переговоры о вступлении кадетов в украинское министерство. Это была последняя глава моего кадетского романа. Сдались мы не сразу. Хотя нам было прекрасно известно, что Василенко и Ржепецкий уже давно согласились и заседают в кабинетах под охраной тех же немецких часовых, но пробовали бороться.

В Городском комитете нас сильно поддерживали. На ряде собраний настроение было явно не в пользу «соглашателей». Но в конце концов они одолели. «Реальные политики» цепко держались за возможность «настоящей государственной работы». Провинция требовала мест и денег. Быстро вернувшиеся к нам евреи — концесий и предприятий. Мы, может быть, и их бы побороли, но тут подоспел сам Милюков. Со свойственной ему чуткостью он сразу же уверовал во всемогущество немцев.

На заседаниях и на частных совещаниях он «с цифрами в руках» всех уверял, что немцы возьмут Париж. Эта «идейная» поддержка сильно укрепила позиции дельцов. Среди рядовых членов партии у немце-украинцев все же большинства не было. Честно до конца был против них и председатель Городского комитета П. Э. Бутенко. На партийных собраниях открыто заговорили об «измене». Тогда было решено созвать съезд. В ход пустили все. Гутник привез с собой из Одессы целый вагон каких-то молодых людей. Из провинции вызывали искателей мест, протекции у «своих министров», просто перепуганных обывателей. После ряда переговоров, с большими трудностями в конце концов Милюкову удалось добиться от съезда согласия на оставление членов партии в правительстве.

Интересно отношение немцев. Сначала они съезд разрешили, затем запретили, вновь разрешили, но прислали соглядатая. Вообще, были о нас, видимо, лучшего мнения, чем мы оказались в действительности.

Итак, не устояли и кадеты. Теперь уже никто не мешал торжеству «победителей». Киев стал столицей. В Германию потянулись поезда с продовольствием и вообще с «излишками», нам, очевидно, не нужными. Правительство, конечно, не смело и пикнуть. Улицы залила густая толпа петроградцев и москвичей. Все стремились устроиться, спекулировать, повеселиться. Всюду можно было слышать восторженные рассказы о зашитых бриллиантах, жемчугах. Всех интересовала валюта. Настроение у приезжих было праздничное. Страшно нравился Киев, но больше манила Европа. «Там так хорошо можно

будет отдохнуть, подлечить нервы, просто пожить “культурной жизнью”». Иногда вздыхали о Париже. О России почти не говорили. Имя Добровольческой армии даже не упоминалось. Восхищались немцами. «Они такие умные — все устроят». Таково было настроение большинства вырвавшихся «из большевистского ада». О предложении борьбы нельзя было и заикнуться. Очень скоро дома, в которых не принимали немцев запросто, были наперечет. Но все-таки были. Число уверовавших в немецкое всемогущество «политиков» было велико.

— Только опираясь на немецкую армию можно создать у нас элементы государственности, — публично говорил тогда товарищ председателя Областного кадетского комитета Н. П. Василенко.

Правда, через год с небольшим он же, в сентябре 1919 года, писал в «Киевской мысли»: «Только Добровольческая армия может спасти Россию»¹⁵.

Позорно вела себя и крупная буржуазия. Люди капитала и промышленности объединились в пресловутый «Протофис»¹⁶ и всячески заискивали перед немцами. Князь Голицын, председатель этой организации, пресерьезно уверял, «что занятие Киева русской армией отныне невысказано». Немцы, учитывая настроение, создавали новые комбинации. Они уже использовали украинцев, выбросив затем, как лимон, ловко «надули» хлеборобов. Теперь начался роман с правыми.

По Киеву забегали «конспираторы» с готовыми проектами восстановления монархии при помощи немцев. Выпустив их в публику, немецкое командование начало потихоньку разговаривать с большевиками.

Эти «монархисты» произвели в городе страшный шум. Старались очень, и нужно признать, имели успех. Иногда даже смущали самих немцев. «Париж будет взят», — говорил солидный немец в избранном обществе. «Они возьмут Париж через пять дней, такой-то говорил, сам слышал», — звонили солидные русские. Проходила неделя. Париж не брали. «Наше положение блестяще, но безнадежно», — помню, как-то проговорился уже очень высокопоставленный немец. «Их положе-

ние блестяще», — повторяли наиболее восторженные, и организовали «Клуб самоубийц», по меткому выражению Шульгина¹⁷.

Что, если бы теперь опубликовать полный список этих достойных граждан нашей несчастной Родины? Не стоит. Не время сводить старые счеты, но помнить об этом позоре нужно. Его последствия иногда сказываются еще и теперь.

Надо сказать правду, как не опустошали край немцы, но всего взять не могли. Жизнь кипела. Беженцы быстро восстанавливали свои силы. Новые предприятия росли как грибы. Город был переполнен. Денег появилось у многих кучи. Магазины были переполнены. Театры делали небывалые сборы. Но это был нездоровый рост, непрочное благополучие. В основу их был положен вражеский план расчленения России и игра на своекорыстии отдельных групп. Это и погубило все. А главное, безнадежно испортило людей. Все жизненные соки огромного края пошли не на укрепление здоровых в национальном отношении элементов, а на питание огромных гнойников предательства, равнодушия и жадности. Не Екатеринодар и Севастополь, а Киев и Одесса привели нас на чужбину. Не в кубанских степях, а при немцах в Киеве и у одесских французов нанесены были смертельные раны русской государственности.

Русскому делу изменила интеллигенция и буржуазия. Крестьянской или казачьей, конечно, Россию создать было нельзя. Немецко-гетманский Киев демонстрировал отсутствие чувства национальной гордости у культурных верхов. Здесь они покорно согласились служить врагам России. Своим нравственным авторитетом освятили издевательства над русской государственностью и культурой. «С горящей на лице пощечиной пошли целовать хлыст, их отхлеставший», — как говорил Шульгин. Они и виноваты в последующем. В самом деле, развращающее влияние поведения «верхов» в Киеве было огромно. Оно сбilo с толку среднюю интеллигенцию. Внесло разлад в среду молодежи, поманив возможностью устроиться, пристроившись. Внесло страшный разлад

в офицерство. Из Киева вышли люди, умеющие служить при десяти режимах и привыкшие чуть ли не ежемесячно принимать присягу. Киев и Одесса воспитали толпу, радостно кричавшую:

— Ура! Наши победили! Какие «наши»? Наши... те, что победили!

Нелегко мне пришлось в эти дни немецко-гетманского процветания родного, по существу всегда глубоко русского Киева. Я воспитывался и вырос в кадетской среде. В университете еще организовал кадетскую фракцию, вынес тяжелую борьбу с левыми. Мне было до боли ясно, что кадеты в Киеве умерли. Заменить их было нечем. Других организованных ячеек у русской интеллигенции не было. Создавать их было поздно. Отдельные живые люди или испуганные отходили в сторону, или безденежно искали новых путей. Большинство русской интеллигенции потеряло почву под ногами. Появились даже отдельные сторонники «умеренной украинизации края».

Встреча с Шульгиным

Я сам находился в полном недоумении. В это время совершенно неожиданно мне сообщили, что со мной хочет поговорить Шульгин. Его я до того времени не встречал никогда. Полное рыцарского благородства поведение Шульгина при первых большевиках, отказ от украинского подданства, выступления в Городской думе и на выборах — все это создало ему в то время широкую известность.

В небольшом кабинете старого особняка на Караваевской я встретил довольно высокого человека с некрасивым подбородком и приветливыми, каким-то теплыми глазами. Он сразу заявил, что знает о моей борьбе с украинскими тенденциями у кадетов, что сейчас все национально-стойкие русские люди должны быть вместе и поэтому предлагает мне принять самое деятельное участие в созданной его ближайшими сотрудниками газете «Го-

лос Киева». Свой «Киевлянин», как известно, он закрыл в день прихода немцев, не желая пользоваться великодушием врагов. В конце беседы В. В. [Шульгин] сообщил, что завтра уезжает на Дон¹⁸.

«Голос Киева»

Так я стал «газетчиком». В редакции я застал небольшой, но дружный кружок. Всем делом умело и спокойно руководила Л. В. Могилевская (сестра В. В.). Редактировал газету Д. П. Данилычев. Передовые писали Е. А. Ефимовский и я. Постоянными сотрудниками были А. А. Пиленко, А. Д. Билимович, П. М. Богаевский, К. Лабенский¹⁹, А. Ежов¹, позже Н. Н. Чебышев и др.

Газета не была продолжением «Киевлянина». Постепенно я вошел в различные уголки жизни старого пихновского²⁰ особняка, и мне, как новому человеку, сразу же бросились в глаза те огромные опустошения, которые произвела в среде прежних киевляninцев немецкая ориентация. Шульгин был глубоко одинок. Большинство из прежде близких ему людей пировали в стане победителей. Почти все мы пришли в газету со стороны. Нас объединяла верность национальной России и ее союзникам.

Газета пользовалась большим успехом. Тираж доходил до 20 тысяч в одном только Киеве. Почему нас терпели немцы? Существовал анекдот, что будто бы полицейские власти заявили, что в случае нашего ареста они не ручаются за спокойствие города. Вероятно, это только анекдот, но нас не трогали, хотя и следили по пятам.

Кроме газеты, мы скоро занялись и политикой. Около нас образовалась группа, которая все росла. Организован был Южно-Русский национальный центр²¹. Он начал работать в тесном контакте с московским²². В него вошли В. В. Шульгин (выбран заочно), председатель. Члены: профессор А. Д. Билимович, профессор П. М. Богаев-

¹ Зачеркнуто: «жена В. В.».

ский, профессор Г. В. Демченко, С. Г. Грушевский, Е. А. Ефимовский, В. М. Левитский, А. И. Савенко, А. В. Стороженко, Е. Г. Шульгина. На наших заседаниях присутствовали приезжавшие из Москвы М. М. Федоров, Волков, И. П. Демидов и др. А также представители Добровольческой армии генерал-лейтенант Ломновский, полковник В. П. Барцевич, В. Д. Карамышев и др.

Мы усиленно готовились к созыву Южно-Русского съезда. Не запрети его Игорь Кистяковский, может быть, и удалось бы организовать стойких русских людей нашего края. Но это я уже забежал вперед.

Как я уже сказал, Шульгин был глубоко одинок. Мастера политической стряпни, любители комбинаций и люди шкурных интересов считали его фантазером и даже «чужаковатым». Но начатая им пропаганда организованного отпора насильственной украинизации встретила живой отклик в сердцах тысяч русских, разбросанных по всему краю.

Рядом с редакцией был маленький пихновский особняк. И вот туда-то потянулась непрерывная лента людей всех возрастов и положений. Жена В. В., его сестра, кто-нибудь другой, все вместе целыми днями «принимали». Сюда шли за советом, за помощью, для связи, просто поговорить по душам. Когда в городе что-нибудь случалось, с парадного, со двора, из редакции шли новые и новые люди. Если когда-нибудь в России будет могучая Национальная народная партия¹, она должна будет признать своей колыбелью этот белый домик на Караваевской. Там именно делались первые попытки объединить людей, в которых со страшной силой проснулась любовь к своей несчастной Родине и желание отдать ей все свои силы.

Этот же домик с каждым днем все прочнее и прочнее связывался с Добровольческой армией.

Нам приходилось нелегко. Но мы не унывали. Укрепляло сознание, что борьба не кончена. С невероятными трудностями доставали французские газеты и с лихора-

¹ Первоначально написано: «Национально-демократическая партия».

дочным вниманием следили за Западным фронтом. Все больше верили, все сильнее надеялись. Ведь союзники сражались «за себя и за нас».

Приспособившиеся смотрели на нас с явным сожалением. Кругом еще по-прежнему прикапливали марки, обсуждали проекты уставов новых банков, обществ, предприятий.

Немцы отступают!

Вдруг — немцы отступают! Это были дни незабываемого восторга. Многие из нас прямо ошалели. Носились по городу как угорелые. Наше положение сразу окрепло. Со всех сторон к нам потянулись «перелеты», торопясь перестраховаться.

Дальше события развивались, как на фильме. 31 октября наш «Голос Киева» опубликовал приказ генерала Деникина о принятии на себя общего командования всеми вооруженными силами на Юге России²³.

Полковник Генштаба Барцевич (расстрелян большевиками в 1920-м) с газетой в руках бросился к себе на квартиру, надел форму и явился к украинскому военному министру. Барцевич потребовал немедленно признать генерала Деникина. Министр так растерялся, что начал уверять, что он всегда был верным присяге русским офицером, что конечно и т. д. Барцевич предложил сейчас же сообщить в офицерские дружины разрешение вывесить русский национальный флаг. Это было немедленно исполнено²⁴.

«Приказ» произвел в городе ошеломляющее впечатление. Всюду появились русские флаги. Правительство растерялось. Только министр иностранных дел Г. Е. Афанасьев догадался по телеграфу запросить Ставку. Оттуда ответили, что такого приказа издано не было. Кто его сочинил, так и не знаю. Но остановить событий уже было нельзя. Гетман издал манифест о федерировании Украины с Россией. Всем было ясно, что борьба неизбежна. Ни самостийники, ни немцы с этим помириться не мог-

ли. Немцы все время держали самостийников в резерве и еще раньше потребовали освобождения Петлюры из тюрьмы. Когда же 2 ноября появился «русофильский манифест», кнопки были нажаты.

В Белой Церкви объявилась Директория²⁵, объявившая гетмана вне закона и призывавшая к восстанию. Новая кровавая резня подготавливалась с лихорадочной быстротой. Немцы любезно предоставили повстанцам все свои склады оружия и амуниции. В Киеве они объявили нейтралитет. Для защиты города никаких серьезных мер не принималось. Все время немцы всячески противодействовали наборам и комплектованиям. Да и офицеры-то все были русские и под чужим флагом умирать бы не пошли. Теперь работа закипела. Запись в офицерские дружины шла успешно, но времени было так мало, что многого сделать не удалось. Давало себя знать и сильное моральное разложение интеллигенции.

Командиры офицерских дружин по телеграфу просили о зачислении их в Добровольческую армию. От Екатеринодара ждали быстрых и ясных распоряжений. Увы, их не последовало. Только 4 ноября была получена первая телеграмма. Генерал Деникин писал генералу Ломновскому: «Приказываю: 1. Объединить управление всеми русскими добровольческими отрядами Украины, причем всемерно согласовать свои действия с интересами края, направляя все силы к борьбе с большевиками и не вмешиваясь во внутренние дела края. 2. Войти в соглашение по вопросам образования единого фронта, единого командования и единого представительства на международной конференции. В основу соглашения Добровольческая армия ставит 3 условия: 1. Единая Россия, 2. Борьба с большевизмом до конца и 3. Верность договорам с союзниками при полном отказе от германской ориентации».

Как мог все это выполнить генерал Ломновский? У него не было ни авторитета, ни средств, а главное, решимости и энергии. Из Екатеринодара не потрудились прислать никого. Все повисло в воздухе. Немцам, конечно, такая программа не могла понравиться, и они продолжали принимать «свои меры».

Вторая осада Киева

Киеву начала угрожать непосредственная опасность. Восстание разрасталось. При помощи немцев самостийники поднимали крестьян, пользуясь ненавистью их к гетману как ставленнику немцев. Немцам во что бы то ни стало нужно было помешать союзникам проникнуть в край, и они шли на все. Местами они допускали даже стрелять в них из ими же отданных ружей. Киев начал готовиться к осаде. Нашу редакцию осаждали офицеры: что делать?

Южно-Русский национальный центр после горячих прений согласился выпустить воззвание к русским людям с призывом стать на защиту родного Киева от петлюровских банд²⁶, но скоро многие пожалели об этом шаге. Дело явно не клеилось. Не только Екатеринодар не понял серьезности положения и важности удержания Киева. В самом осажденном городе был полный разброд. Гетман больше всего заботился о сохранении своей власти, боясь Деникина. Потихоньку он даже разговаривал с самостийниками, имевшими в городе ряд конспиративных квартир. Немцы продолжали вести свою линию. Они обнадеживали Петлюру, но не теряли связей и с большевиками¹.

5 ноября гетман без сношений с генералом Деникиным назначил командующим всеми вооруженными силами Украины генерала графа Келлера. Это был честный и храбрый человек. Только что он начал приводить в порядок дело обороны, как сам был неожиданно уволен. 12 ноября его место занял генерал-лейтенант князь Долгоруков, крайний правый, неаппативший генерала Деникина и его армию. Накануне его назначения в Одессе появились французы. Энергичный консул Энно немедленно начал переговоры по прямому проводу. Немцы пустили в ход все средства, чтобы им помешать. Они не дали вагонов, перехватив телеграмму и послав свою, для пере-

¹ Зачеркнуто: «Еще задолго до этого ими ставились всевозможные препятствия организации гетманом войск».

возки союзных войск. В Одессе была сочинена подложная телеграмма от имени Энно, предлагавшая гетманскому правительству начать мирные переговоры с Петлюрой. В ее составлении приняли [участие], к сожалению, и некоторые из видных «бывших русских».

Конечно, при таком положении дела все более и более запутывались. А тут еще генерал Деникин так легкомысленно отверг сделанное ему 9 ноября предложение «командировать в Киев делегатов на конференцию для разрешения вопросов, связанных с восстановлением единства России и будущего ее существования».

Долго от него не было никакого ответа. Наконец 16 ноября была получена телеграмма. Генерал Деникин сообщал о «согласии на участие в конференции, если она будет собрана в Екатеринодаре или Симферополе, [при условии] отказа от обсуждения отношений к Центральным державам и исключения из числа членов конференции Грузии, как ведущей унижительную для русского имени политику». Кроме него, приглашение было послано союзному командованию, Дону, Кубани, Тереку и Грузии.

Как можно было на этой конференции не обсуждать отношения к Центральным державам, войска которых тогда еще занимали девять русских губерний, этого, вероятно, не мог бы сейчас объяснить и сам генерал Деникин. Это была какая-то непонятная боязнь выйти со знакомого проселка на шоссе¹. Мы только руками разводили.

Но не только эта недальновидность, отсутствие размаха и политической сметки генерала Деникина вредили делу. Его прямота, честность и благородство испугали «скользких» киевлян: они начали спешно укладывать чемоданы. Особенно перепугались крайние правые. Связавшись с немцами, достаточно наблудив, они не на шутку боялись Екатеринодара. Поразительно легкомысленно держали себя и беженцы. «Ну что ж, Петлюра так Петлюра, лишь бы не большевики. Как-нибудь проживем!»

¹ Зачеркнуто: «Типичная политика уездной примадонны, а не крупного государственного деятеля».

Не произвели на них должного впечатления и слова председателя большевистской мирной делегации товарища Мануильского. Умный большевик с непередаваемым цинизмом заявил сотруднику нашей газеты: «Я не вижу необходимости мешать Петлюре помочь нам взять Киев. Ровно через месяц с этого самого балкона я буду приветствовать полки Красной армии!»

Развал увеличивался с каждым днем. Медленно, но наверняка Киев вели к гибели. Умирать ему на этот раз не хотелось, уж очень обидно было: под боком союзники, в Екатеринодаре русская армия. Молодежь решила бороться. Опять полилась кровь. Как всегда, у нас, вся тяжесть борьбы легла на плечи небольшой группы самых честных.

Из города с 650–700-тысячным тогда населением только 2000–2500 человек вышло в поле на его защиту. Остальные выжидали событий. У Петлюры сил не было. Горсточка раздетых, голодных офицеров держалась целый месяц. Фронт был в 5–10 верстах. Днем и ночью гремели пушки, а Киев веселился. Улицы были полны прекрасно одетой толпой. Театры были набиты. О фронте почти никто не думал, кружась в каком-то бешеном вихре спекуляций и детского легкомыслия.

Мы все свои упования возлагали на союзников. До последнего дня с часу на час ждали их наступления на Киев. Печатали и комментировали телеграммы Энно. Заготовили приветственные статьи на французском языке. Набрали их. Теперь грустно и смешно вспомнить. Увы, союзники медлили. Почему, мы терялись в догадках. Наконец, получили от Шульгина письмо из Одессы, поразившее всех нас. В. В. писал, что Киев будет сдан большевикам, что положение Одессы очень тяжелое и предлагал нам всем вместе с его семьей немедленно выехать к нему. Мы колебались. 2 декабря в город вошли петлюровцы²⁷. Как потом оказалось, немцы совершенно неожиданно объявили гетманскому правительству, что ими заключен с Петлюрой договор, по которому они решили сдать ему Киев.

Итак, борьба была еще раз проиграна.

Конечно, главная доля вины за это падает не на немцев, не на гетмана — их поведение было совершенно естественно, а на генерала Деникина и его представителя. Здесь опять сказался недостаток революционной психологии и неумение учитывать создавшуюся обстановку. Отписались и успокоились. Генерал Ломновский вел себя так, что позволил даже в ночь с 22 на 23 ноября себя арестовать. Правда, генерал князь Долгоруков милостиво освободил его через несколько часов, но этот арест официального представителя Добровольческой армии произвел самое удручающее впечатление на офицерство. Да и что мог сделать этот растерявшийся генерал без средств, без людей, без авторитета? Генерал Деникин не учел, какие перспективы раскрываются в связи с близостью союзников, при использовании огромных военных ресурсов Киева, колоссальных запасов продовольствия, и людей, и всех богатств края. Нужно было при первой же телеграмме о «русском» перевороте в Киеве прислать вполне авторитетных лиц для выяснения обстановки на месте, а затем принять все меры для переноса центра борьбы сюда или в Одессу.

Отъезд

Все случившееся меня прямо ошеломило. Я не знал, что делать. Вдруг решился, бросив на произвол судьбы семью, бежать. Как хватило сил сделать это — не знаю. Киев опять захлестывала грязная волна предательства и обмана, и жить здесь было невыносимо. Мои милые старики в Съезде смотрели на меня с изумлением и пробовали отговаривать. Не помогло. Через два дня, в 5 часов утра, я начал тихонько собираться. Проснувшись от возни, моя маленькая девочка недоумевающее простилась со мной. Жена, мать и старушка-няня старались сохранять спокойствие. Я в успокоение бормотал о союзниках¹. Жена имела мужество ответить:

¹ Зачеркнуто: «Ехать решено было в Одессу».

— Что бы ни было, оставаться тебе нельзя. Маму и девочку я как-нибудь прокормлю. Поезжай с Богом. Только нас не забывай!

В мокрое, холодное утро я пробирался по пустынным улицам.

Самое ужасное — это было осознание полного одиночества. Весь Киев, вся интеллигенция, все 20 тысяч «нейтральных» офицеров оставались. Формула: «Наши те, что победили» — прочно засела в головах. Точно густой туман нездоровых болотных испарений заволок сознание.

На душе что-то оборвалось. Настойчиво, как зубная боль, сверлила мысль: «Что-то придется пережить оставшимся?!»

ЧАСТЬ II

Одесса (декабрь 1918 — март 1919)

Дорога

Ехали благополучно, т. е. около двух суток просидели в грязном, переполненном вагоне, развлекались рассказами о расправах повстанцев, о расстрелах, о порче мостов, пути и другими произведениями современной русской железнодорожной литературы. Конечно, подвергались бесконечным обыскам, допросам. Но остались живы, сохранили пальто и багаж — несколько пар белья, больше, к счастью, ничего не взяли.

Подсели еще несколько беглецов¹. Все, кроме меня, ехали по подложным документам. Я храбро показывал по-украински написанный в Съезде отпускной билет. Не нравилась печать «с курицей», т. е. двуглавым орлом, но не тронули. Усиленно искали офицеров. Требовали оружие.

Медленно, но без крупных задержек двигались вперед. Наконец у самой Одессы увидели французского часового. Пришли в восторг. Мои спутники бурно его приветствовали.

У всех было настроение жульверновских героев, попавших на Луну. С вокзала поехали в какой-то постоя-

¹ Первоначально написано: «Со мной ехали З. Г. и Е. А. Ефимовские, к нам подсели еще несколько беглецов».

лый двор, а оттуда в 17-й № «Лондонской» гостиницы к В. В. Шульгину. Его мы застали встревоженным и подавленным. Он только что потерял близкого человека²⁸. Наше положение было ужасно. Мы должны были ему сообщить о смерти его старшего сына Василька, неделю тому назад убитого при защите Киева.

После первой же беседы с В. В. от нашей восторженности не осталось и следа. Да, радоваться было определенно нечему. История украинско-эсерско-французского романа и позорнейшая капитуляция союзников перед большевиками темна и загадочна¹.

Положение Одессы

Общее положение Одессы в то время (половина декабря 1918 года) было таково. Около месяца тому назад, пользуясь всеобщим замешательством, петлюровцы сделали попытку захватить город. Но как раз в это время, 13 ноября, появился на рейде первый союзный миноносец. 5 декабря в город вошли французские войска. В тот же день в «Лондонской» гостинице состоялось совещание. На нем присутствовали французский консул Энно, Шульгин, Ненюков, Степанов, Эрдели.

Долго судили и рядили. Наконец Энно предложил установить «зону французского влияния» (квартал перед гостиницей) и избрать русского начальника. По совету Шульгина он на эту должность предложил генерала Гришина-Алмазова. Его тотчас же вызвали. При условии немедленно сообщить о происшедшем генералу Деникину он согласился. Так было положено начало освобождению Одессы.

Решено было город освободить. Гришин-Алмазов тотчас же отправился на «Саратов», стоявший в порту с офицерами, эвакуировавшимися в Новороссийск, и приказал немедленно идти в город. Первые цепи пошли сейчас же. В два дня город был очищен. Полномочия генерала

¹ Зачеркнуто: «Могу рассказать только то немного, что знаю».

Гришина-Алмазова подтвердил еще французский генерал Бориус.

Сразу же началась невероятная каша. Единой власти не было. Французы распоряжались самостоятельно. В городе остались петлюровские власти. Гетманцы, поляки, эсеры, крайние правые. Все наперебой забежали перед французами, представляли проекты, клеветали на Добровольческую армию. Екатеринодар, как всегда, молчал, посылая обиженные телеграммы и чего-то выжидая. Социалистическая Дума из кожи лезла, стремясь из рук французов получить «всю полноту власти».

Большевики развили бешеную пропаганду среди французских солдат и матросов. Город начал голодать. Поляки с лихорадочной поспешностью формировали свои отряды, с благословения французов расхищая наши запасы снаряжения, ружей, лошадей.

Решающий голос, конечно, принадлежал французам. Но... На этом «но» и следует остановиться. В Новороссийске, Екатеринодаре, Севастополе, Ростове — все речи первых представителей союзников немедленно оканчивались одни призывом: «Да здравствует Великая, Единая, Неделимая Россия!» Ту же программу «верности» искренне поддерживал в Одессе господин Энно. Но у своих он поддержки не встретил. Скоро его и совсем отстранили, позже обвинив даже в самозванстве, и он поехал «к больному отцу». Вся полнота власти перешла в руки чрезвычайно подозрительного еврея, офицера французской службы господина Фрейденберга. Он-то и сдал благополучно Одессу большевикам.

Почему это случилось? Обыкновенно говорят о взятках, подкупе. Взятки тогда брали сильно, но не в них дело. Ведь в те дни заседал мирный конгресс. Раздалась крылатая фраза Клемансо: «Россия не существует!» В Версале, видимо, поняли, что тот мирный договор, который был приготовлен, может быть подписан только без России. Наше появление было признано несвоевременным. Наше усиление — прямо опасным. «Отсутствующим» предложили совершить увеселительную поездку на Принцевы острова²⁹.

Одесские события можно объяснить, только признав, что берлинские идеи Рорбаха об обессиленной, разодранной на части России тогда вдруг многих соблазнили в Париже.

Ибо, конечно, на свой страх и риск отдельные французские офицеры всего этого проделать не могли.

Мы сразу же почувствовали, что усиление Добровольческой армии, признание ее командования единственным представителем России признавалось не соответствующим видам и намерениям Парижа.

Вот почему в приглашении на Принцевы острова генерала Деникина поставили не только на одну доску с грузинскими эсдеками, Дашнакцутюном³⁰, уфимской и киевской Директориями, но и с большевиками.

В историческом радио об этом даже любезно сообщалось, что пока «не выяснен только вопрос о приглашении также на правах полноправных членов плехановцев, грузинских федералистов и представителей еврейской и татарской национальностей». Одним словом, собирали по принципу «числом побольше, ценой подешевле».

Но вернусь к рассказу. В этой крупной игре русские люди продолжали играть скверную роль. Они окончательно сбивали с толку французов своими жалобами, доносами, грызней. На приеме генерал д'Ансельм с отчаяньем сказал Шульгину:

— Сегодня у меня было тридцать семь человек, и вы первый, который не ругает ни генерала Деникина, ни Гришина-Алмазова!

Быт

В первые же дни нашего приезда решено было издавать газету. Пока искали типографию, бумагу, я присматривался к городу, в котором был в первый раз. Благодаря местному мировому судье для малолетних (нас всего в России было шесть человек, мы все поддерживали личные отношения и часто виделись) я сразу же попал в дома старожилов. Много городов мне пришлось

посетить за эти годы, и, странное дело, чем дальше, тем все менее подготовленной к принятию участия в борьбе была окружавшая центры Белого движения жизнь. Так и здесь. Одесса, по сравнению с Киевом, была шагом назад. Национальная борьба здесь еще более ослабляла силы интеллигенции. Да и их-то было много меньше. Зато, несомненно, здешняя интеллигенция была много богаче. Город почти не подвергся еще разграблению. Быт очень напоминал Киев год назад.

Сильное влияние на психологию оказывала близость границы. Как живем? А очень просто, отвечал на мой вопрос один из аборигенов. Знаете одесскую заповедь: «Имей знакомого итальянца или яхту, и благо тебе будет на земле»?

О продолжении борьбы своими силами не думал никто. Смена режимов уже успела развратить, да кроме того, все были убеждены, что начинается большая игра, и запасались местами в зрительном зале. В семейных домах усиленно танцевали, пели, ходили в театр, ухаживали.

Был кружок, живший высококультурной, но совершенно довоенной жизнью. Среди бронзы и картин екатерининского времени нас знакомили с новыми переводами древнегреческих поэтов, пели бабушкины романсы, великолепно играли на двух концертных роялях. Незадолго до эвакуации демонстрировали в мастерском исполнении лучшие части только что законченной одним из присутствовавших партитуры православной вечерни. Здесь если и готовились к завтрашнему дню, то только укладывая чемоданы. Близость Европы чувствовалась во всем. Все привыкли к удобствам и терялись при первых же серьезных лишениях.

Приехавшие держались особняком. Жили по-цыгански. Каждый день табор увеличивался. Кого тут не было! Большевики, украинцы всех видов, социалисты, киевляне гетманско-немецкой выделки, крайне правые. Мы держались особняком. Все, кроме нас, шумели, требовали, поучали, забегали. Совсем в сторонке, как-то сбоку жалась небольшая группа настоящих хозяев, добровольцев, свою кровью и доблестью отстоявших город.

Национальная комиссия

Пока шли приготовления к выпуску газеты, мы занялись организацией «Подготовительной по национальным делам комиссии»³¹.

Мы ставили себе задачей собрать и издать материалы и документы для освещения современного положения национальных движений в России с русской точки зрения. Дело было задумано широко. Комиссия должна была состоять из 15 самостоятельных отделов. В Одессе успели только издать документы по Бессарабскому вопросу да начать печатанье «Малорусского сборника»³².

Личный состав Комиссии был таков: председатель В. В. Шульгин, товарищи председателя профессор И. А. Линниченко и В. А. Степанов (Екатеринодар), в Одессе его заменял профессор П. И. Новгородцев. Секретарь президиума В. М. Левитский, его помощник Н. Н. Ладомирский. Председателем общего отдела был Е. П. Ковалевский, бессарабского — А. Крупенский, малорусского — И. А. Линниченко. Положение об автономии Новороссии должны были выработать местные профессора Г. И. Танфильев, Б. М. Ляпунов, Г. Л. Стадников, Н. К. Могилянский и др.

К сожалению, вечные эвакуации и распыление сил участников помешали Комиссии выполнить взятую на себя задачу¹. Теперь все издания Комиссии и собранные ею материалы, по-видимому, погибли.

Газета «Россия»

9 января вышел первый № нашей «России». В нем было напечатано открытое письмо Шульгина Петлюре. Газета имела такой успех, что письмо пришлось сейчас же выпустить вторым изданием. Со второго же номера началась упорная борьба с колонизаторскими тенденция-

¹ Зачеркнуто: «Только профессору А. Д. Билимовичу удалось в Ростове издать свою работу "О делении Южной России на области"».

ми союзнической политики. Статьи Шульгина производили большое впечатление. Он писал («Россия», № 4): «Дорогие друзья. Извещаем вас, что мы не негры, а русские. Из этого следует, что колониальная политика у нас не пройдет. Россия будет иметь монархию или республику соответственно тому, что ей нужно. Но ни монархии из Берлина, ни республики из Парижа — дорогие друзья — у себя не потеряем!»³³

В ответ на приглашение на «веселый пикник» на Принцевы острова, «где соберутся оскорбленные друзья и торжествующие предатели», «Россия» заявила: «Антанта приглашает нас: 1. Заключить перемирие с Лениным и Винниченкой. 2. Усесться за одним столом честным и свободолюбивым Деникину и Колчаку с изменниками и палачами из Совдепии и Украины. Антанта признает Великую русскую революцию. Что это значит? Это значит, что измена Ленина и Винниченко ныне санкционирована. Кого мы будем благословлять, а кого проклинать, через 10 лет пусть подумают те, кто ныне устраивает веселый пикник»³⁴.

Через несколько дней по городу распространилась новая сенсация: французы берут под свой протекторат украинскую Директорию. Это было как раз в те дни, когда со станции Дачная был доставлен вагон с 32 обезображенными трупами зверски замученных петлюровцами офицеров и солдат русской армии. В № 10 «России» было напечатано: «Мы считаем, что имеем право и долг говорить неприкрашенную правду не только врагам, но и друзьям. И потому мы заявляем, что мы не понимаем новой французской политики. Для тех, кто хочет разделить Россию на сферы влияния, разумеется, украинцы удобнее. Русские в этом случае крайне неприятны, ибо все время будут твердить о единой России»³⁵.

После этих статей нам сказали, что дальнейшей нашей «вредной деятельности» не допустят. Прошло несколько дней, и, действительно, 7 февраля (по новому стилю) мы получили бумажку на французском языке следующего содержания:

Командование Союзных сил
в Южной России
2-е Отд.
С. Р.³⁶

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

По распоряжению французского командования газета «Россия» закрыта на 8 дней. Срок считать с 8 февраля.

По распоряжению начальника штаба
Начальник С. Р. Одессы
Командир Эскадрона (подпись)

Сначала, как оказывается, решено было, перечислив все наши преступления, объявить о закрытии газеты при особой церемонии на площади при звуках фанфар. В последнюю минуту испугались и подсунили «служебную записку». Я не называю фамилию офицера, подписавшего этот замечательный документ. Он был в редакции и умолял не позорить его честное боевое имя. Ему приказали подписать.

На следующий день от редакции газеты «Россия» был выпущен лист, в котором были напечатаны французская «Записка», протест Гришина-Алмазова против подрыва авторитета русских властей закрытием газеты, последняя статья из «Киевлянина» и передовая, в которой Шульгин заявлял, что возобновит газету только тогда, «когда наша совесть позволит нам снова считать французов такими же искренними друзьями, как и год назад»³⁷.

Даже теперь, после всех пережитых за границей унижений, перечитывая №№ «России», не можешь понять, как за эти строки можно было закрыть русскую газету в русском городе, только что освобожденном доблестью и кровью русской армии!

Борьба партий и французы

Конечно, наш листок расхватили в два часа. Всячески выражали нам сочувствие и пр. Делали это рядовые обыватели. «Политики» этого удара по национальному само-

любию не почувствовали. Все шло по-прежнему: забежали, делили, нашептывали. Создавали новые комбинации. Сразу появились два кандидата в гетманы. Господина Котова-Коношенко выдвигали уцелевшие хлеборобы. Генерал Бискупский выдвигал себя сам³⁸. Правые отличились еще раз. 17 февраля на многочисленном собрании по организации Монархического блока они доказывали, что врагами истинных монархистов являются 1. Союзники и 2. Добровольческая армия и все партии и общественные организации, ее поддерживающие. Происходило все это на глазах у французов.

А Екатеринодар опять все медлил и медлил. Наконец, якобы на смену Гришина-Алмазова, был назначен генерал Санников. Он приехал «сместить», но был добровольно признан Гришиным. Неожиданно они вместе сели на пароход и уехали. Остаться им действительно было унижительно. Полковник Фрейденберг дошел до того, что публично заявил с негодованием:

— Русские круги претендуют еще на какую-то гордость!

Колонизация продолжалась. Появилась давножданная Директория, или Триумвират, назначенный помимо генерала Деникина. Это были генерал Шварц, Андро и Рутенберг (эсер, убийца Гапона). В их руки была передана французами власть. Обыватель встретил все эти перемены совершенно спокойно. Его настроение метко выразил Мятлев: «Остался я без подштанников / И мне все равно, / Правит ли нами Санников / Или Энно»³⁹.

В первых числах марта ко мне в комнату вошел Шульгин.

— Через месяц Одесса будет сдана большевикам, — резко и нервно начал он. — Не возмущайтесь. Я знаю на верное. Через несколько дней еду в Анапу. На Пасху приезжайте.

Я энергично протестовал. Город был забит союзными войсками. В порту стояла огромная эскадра. Валялись груды мяса и товаров.

— Не может быть, — говорил я, — ведь это же всемирный скандал. Победители не согласятся на такое унижение.

В. В. не сдавался.

— Я знаю, — продолжал он. — Во французских войсках идет бешеная большевистская агитация. Правильный курс политики потерян. Они бросят все и позорно сбегут.

Наступление большевиков

Через два дня он уехал. Мы остались, растерянные и подавленные. Город мучился от дороговизны и безвластия. Как всегда, в последний момент, когда нужно было идти умирать, вспомнили о добровольцах. Никогда не забуду теплого солнечного дня 5 марта. На Соборной площади служили всенародное торжественное молебствие. Добровольцы шли на фронт. Площадь была переполнена народом. После молебна раздался призыв: «Родине нашей, Великой России, ура!» Долго гремело и переливалось «ура». Затем узкой лентой, окруженные со всех сторон толпой, благословляющей, совавшей пакеты с хлебом, деньгами, потянулись добровольцы, верные своему долгу до конца⁴⁰. Фронт был уже, кажется, верстах в 30–40 от города. С ними ушли греки и часть французов. В первом же бою французы оставили 3 танка. Это произвело ошеломляющее впечатление в городе. Наши, конечно, дрались честно. Генерал Тимановский смеялся, что ему французы только мешают.

В городе было уже тревожно. Жила во всю только биржа, обратившаяся в толкучку. Среди одесситов там можно было ежедневно наблюдать суетившихся представителей всех союзных войск. По-прежнему безобразили пьяные матросы. На несколько дней, наконец, появился сам Франше д'Эспере. Он, с одной стороны, дал указания генералу Шварцу работать в полном контакте с генералом Деникиным, с которым он все не мог увидеться, а с другой, одобрил заигрывания с украинцами.

В конце концов французы заключили соглашение с украинской Директорией. Переговоры вели Галип, Марголин, Мацневич, Шемет. Уже по временам была в городе

слышна канонада, а формирования новых добровольческих частей по-прежнему встречали со стороны французов всевозможные препятствия. Больше того, в последний момент генерал Шварц приступил к формированию особой «Народной армии». С невероятной быстротой расплодились бесчисленные новые штабы. Наших офицеров в них сманивали даже с фронта. Народная армия в бой так и не вступила. При первых же слухах о приближении большевиков она разбежалась, а штабы благополучно отбыли в Константинополь.

Союзники уходят

Скоро уже всем стало ясно, что конец действительно близок. «Союзники уходят!» — кричали обезумевшие люди. Невероятное стало действительностью. Приказ об эвакуации Одессы застал всех врасплох. Началась паника. Власти растерялись. Сперва успокаивали. Затем начали всем желающим любезно выдавать билеты на несуществующие пароходы. Большевики не дремали, сняли команды, портили машины, не давали грузить уголь. Порт представлял из себя что-то среднее между ярмаркой и сумасшедшим домом.

Самое ужасное в этих кошмарных картинах эвакуации — это дикая смесь подлинного, глубокого горя и отвратительной жадности, когда толстый, желтый чемодан упрямо преграждает путь к спасению женщинам и детям. Потолкавшись в порту часа два, я увидел, что уехать не придется, и пошел к профессору Линниченко. Возвращался вместе с П. И. Новгородцевым. Обсуждали вопрос о немедленной перемене квартиры и о подложных паспортах. Вдруг я услышал знакомый голос. Кто-то кричал. Это были мои друзья. Оказалось, что они уже более часа разыскивают меня по всему городу. «Сейчас же в порт! Ваши вещи уже уложены. Офицеры В. В. нашли пароход!»

Я бросился к ним. А через час уже мирно таскал плетенки с углем на борту «Батума».

Как мы ехали⁴¹

Ночью вышли на рейд. «Батум» оказался небольшим военным транспортом. Шел в Новороссийск. На борту имели 58 тысяч артиллерийских снарядов. В последний момент подобрали еще баржу с 18 тысячами снарядов. Погода, как при всех эвакуациях, была идеальной. Море сверкало и ласкало. На рейде кипела жизнь. Дымила союзная эскадра. Сновали лодки, катера, буксиры. Я долго не мог прийти в себя. Таким диким казалось, что вся эта огромная масса кораблей, людей, войск всех национальностей уходит под напором жалкой, оборванной шайки негодяев.

С берега доносился гул артиллерии. Все знали, что это пробивается в Румынию горсточка добровольцев генерала Тимановского, брошенная на произвол всеми.

Пассажиров у нас было не так много. Мы расположились на палубе и еще долго смотрели на эту жуткую картину унижения победителей. Наконец пошли. Часа через два капитан созвал нас и потребовал беспрекословного исполнения всех его распоряжений. Мы, конечно, поклялись свято блюсти морские законы. Ничего дурного никто и не предполагал. Машины работали исправно. Погода не портилась. Одесса быстро затягивалась дымкой. Сюрпризов не ждали. Но скоро они посыпались.

К вечеру стало известно новое распоряжение капитана: «Угля мало. Баржу бросить». Чтобы она не попалась в руки большевиков, решили сжечь. Застопорили машины. Бросили якорь. Подтянули баржу к самому пароходу, и два офицера обильно полили ее палубу керосином, натаскали дров, зажгли. Раздалась команда: «Поднять якорь, полный ход назад!» И вдруг зловещая новость: лебедка не работает. От баржи не отойдем. На носу встревоженно забегали. Баржа пылала в двух аршинах от нашего борта. К лебедке и якорной цепи бросились офицеры. Возня усилилась. Дыхание ужаса пронеслось над пароходом. Так рядом со смертью мы простояли минут 10–15. Все впились в эти синенькие, красные, белые огоньки, весело бегавшие по палубе баржи. Не могли от них оторваться. В голове как-то похолодело. Ноги стали тяже-

лыми-тяжелыми. Сознание все реже пронизывала надежда: «А вдруг?»

Первые, ленивые вздохи машины, начавшей работать, показались каким-то чудесным гимном солнцу и жизни. Якорь поддался. Мы полным ходом уходили от пылавшей баржи. Оказалось, что кто-то начал портить лебедку, но не успел. Английская баржа с железом обшитой палубой дала нам время исправить повреждения. Только минут еще через двадцать мы увидели соединивший море и небо огромный огненный столб.

«Спаслись!» — ликовало сердце.

— Все равно потопят, — успокоил меня знакомый полковник. — В последний момент на наш пароход сели коммунисты, получив приказание во что бы то ни стало не пустить снарядов в Новороссийск.

Переволновались за день так, что, несмотря на эти новости, мирно уснули. Следующий день прошел спокойно. Наступил чудесный весенний вечер на Черном море. Ровная синяя ширь, и в вышине необъятный персидский ковер неба, сверкающий и радующий душу. Долго любовались его переливами. Заснули поздно. Вскочил я на рассвете от сильного толчка. Весь корпус парохода вздрогнул и сильно покачнулся. «Тонем!» — в ужасе кричали впереди. Все заметались. «Идем ко дну! Нарвались на камень!» «Где шлюпки?» «Шлюпки! Капитана!!!» Мы бросились на нос. К небу, шипя и хлопая, понеслись красные ракеты, кого-то извещая о нашем несчастье. Через несколько минут все выяснилось. Мы действительно наскочили на камень. Со свистом рвалась вода в огромную пробоину. Нас заставили разгружать трюм от снарядов. Опасности не было. Море по-прежнему было тихо. Саженьях в ста высилась скала. Мы были почти у берега. Полковник оказался прав. До Новороссийска снаряды не доедут.

Не прошло и 20 минут, как вдалеке показались две белые полосы, быстро приближающиеся. «Эскадра! Спасены!» — кричали мы, бросая тяжелые ящики. И действительно, скоро уж ясно было видно, что два военных судна летят к нам с невероятной быстротой. Еще через

8–10 минут, сразу уменьшив ход и все еще покачиваясь и брызгаясь, к нам подходили, сверкая чистотой, английские «дестроеры»⁴². Вдалеке показалось новое облако серого дыма, быстро черневшее. К нам шел английский крейсер. Англичане потребовали к себе капитана и выборного от пассажиров, объяснив, что наблюдали за нами всю ночь. «Что за странное судно, бродившее по севастопольским минным полям. Как вы не взорвались?» — искренне удивлялись они. Оказалось, что мы у Балаклавы.

На все объяснения и оправдания капитана они только недоумевающе пожимали плечами. Но вот подошел и крейсер¹. Он оказался прелестным новеньким судном, совершавшим свое первое плавание.

Через несколько минут вся наша палуба наполнилась веселой толпой английских матросов. Закипела работа. Красный, толстый боцман с поразительно сильными руками быстро распоряжался. Нам объяснили, что с камня снимут, подведут пластырь и на буксире попробуют отвести в Балаклаву. Но один за другим, как ниточки, рвались стальные тросы, а мы не двигались. Вдруг все замерло. На борт легко и умело поднимался высокий, стройный моряк с расшитым золотом козырьком. Это был командир крейсера. Он быстро осмотрел «Батум» и отдал какие-то новые распоряжения. Замелькали флажки. С крейсера загремел катер, матросы забежали как муравьи, и огромный канат начал медленно уходить в воду. Его закрепили и после нескольких сильных толчков «Батум» хрипло застонал и медленно начал сползать с камня.

Мы, как умели, благодарили. Одна из дам все же успела отличиться. Как сейчас помню ее красивое, породистое лицо и почтительно склонившегося к ней английского матроса. Она что-то быстро говорила ему по-английски. Что, я не слышал. Вдруг матрос покраснел, сделал какой-то отчаянный жест правой рукой и громко, задыхаясь от негодования, оборвал:

— Английские моряки, сударыня, за спасение людей денег не берут!

¹ Зачеркнуто: «Монтерез».

В Балаклаву англичане вытребовали из Севастополя плавучую мастерскую. Появились водолазы и нас начали чинить. Мы как дети радовались земле, гуляли, объедались копчеными окуньками, осматривали генуэзские развалины. Так прошло два дня.

Когда я вечером 27 марта вернулся из города на пароход, ко мне подошел П. Т.⁴³ и заявил:

— Вы можете мне не верить, но я утверждаю, что сегодня ночью «Батум» будет потоплен. Сейчас же едем в Севастополь.

— Как, ночью?

— Да, немедленно. Может быть, еще успеем.

Я предупредил нашу редакцию. Через час мы уже тряслись на двух линейках по пыльной севастопольской дороге.

При въезде в город нас задержал французский патруль. Вероятно, редко так радуются аресту, как радовались мы. Были в диком восторге: «Ну, теперь уже доедем. Арестантов не бросят». Патрульным мы показались очень подозрительными, и нас с торжеством, под усиленным конвоем доставили в комендатуру. Мы ликовали. И действительно, после переговоров с французским офицером нас опять под конвоем отправили в порт. Бродя в темноте, мы были остановлены окриком уже русского часового: «Стой, стрелять буду!» Мы его сердечно приветствовали. Выяснилось, что мы у борта «Шилки». Увы, «Шилка» нас определенно принимать не хотела. Но это был день необыкновенного везенья. В последний момент к нам на линейку примостился А. И. Ксюнин. Дежурный офицер на «Шилке» оказался его знакомым еще по Петрограду. Переговоры сразу приняли дружественный характер, и через десять минут мы уже мирно дремали на палубе.

Рано утром любовались величественной картиной прощания английского адмирала с командирами судов всех национальностей, переполнявших порт. Гремел салют, пестрели флаги, неслись звуки гимнов. А огромный дреднот, быстро и ловко повернувшись на месте, быстро шел в открытое море. Боже мой, сколько здесь было судов! Казалось, каждое из них легко могло бы отстоять

красавец Севастополь. Но, увы, все потянулись за адмиралом. Такого унижения военной силы я больше в жизни никогда не наблюдал. Стали собираться и мы. Уходя, успели удостовериться, что под утро у «Батума» действительно кто-то разрезал пластырь, и он затонул. Все вещи пассажиров погибли. Сами они с невероятными трудностями успели добраться до Севастополя, оставив трех человек во время перестрелки с восставшими местными большевиками.

На «Шилке» было весело. Вся команда состояла из пассажиров. Ехали гардемарины, кадеты, гимназистки, много военных и моряков. В общей массе выделялась группа «тихих социалистов» во главе с Мякотиним. Они ехали в «генеральскую сатрапию» для контакта, координаций и коалиций. Настроение парохода было далеко не социалистическое, и какому-то Иорданскому из их компании пришлось, в виду угроз, долго ходить по пароходу, собирая подписи под удостоверением, что он не предал Деникина, и подробно описывать приметы настоящего, которого он, видимо, хорошо знал⁴⁴.

Наконец показался Новороссийск. Было пасмурное утро. По горам ползли облака. Дул резкий, холодный ветер. Природа как бы сразу хотела дать нам почувствовать, что мы находимся в стране героической борьбы за Великую Россию, борьбе беспощадной и тяжелой.

Ласкового, богатого красками крымского моря здесь не было. Бухта отливала серо-синеватой сталью.

Мы вышли на берег. Справа горная цепь вся заволокалась тяжелыми, темными тучами. Было сыро и холодно. Все жались друг к другу.

— Тут и жить? — недоумевающее произнес чей-то задорный детский голосок.

Да, у этого сурового профиля гор, под этим свинцовым небом нам суждено было оставаться. Другого места не было. Только здесь еще раз делалась попытка освободить из рук палачей Родину-мать¹.

¹ Первоначально написано: «освободить из рук палачей Новую, Честную Россию».

ЧАСТЬ III

Екатеринодар (20 апреля — 2 августа 1919)

Первые впечатления

Во исполнение предсказания Шульгина я провел Пасху у него в Анапе и только 2 апреля поехал в Екатеринодар. С тяжелым чувством подъезжал я к городу. После опытов Киева и Одессы я знал, что это последняя ставка, ставка на немногих. Центры вышли из борьбы. Она оказалась не по силам ни рядовой интеллигенции, ни буржуазии. Большая дорога из Киева и Одессы вела прямо в Париж и Берлин. Все пароходы лучше из Одессы ушли в Константинополь. «Кто со мной, тот к Колчаку», — писал генерал Шварц и, конечно, никуда не уехал. Вся его компания весело проживала награбленное на Принцевых отсровах. По екатеринодарскому «проселку» побрели только одиночки-чудаки да люди, которым все равно деваться было некуда.

От города сразу же повеяло глухой провинцией, сытой, спокойной, но и тупой. Это была не прочная база, а случайная стоянка, даже несколько сконфуженная высоким званием неожиданных пришельцев. Организация тыла армии была из рук вон плоха. Все дело держалось на нескольких отдельных людях, толкавшихся на пяточке. Мое знакомство с ними началось так: «Вот идите прямо, и, если встретите плохо одетого старика, с четверкой

табаку под мышкой, жующего “лаваш” (лепешка), подходите смело — это и есть Львов».

Через две минуты я в точности исполнил данную инструкцию и назвал свою фамилию. Н.Н. сердечно меня приветствовал. Поселился я у него. Комнату достать не было никакой возможности. На следующий день сидел за одним из круглых столов Кубанского собрания. Здесь ежедневно бывали Н. Н. Львов, Н. В. Савич, С. Н. Маслов, Н. Н. Чебышев. Где-то на частной квартире вместе обедали В. А. Степанов, В. Н. Челищев, М. М. Федоров, Н. И. Астров, П. И. Новгородцев. Это было так называемое «преступное скопище кадетов».

У себя питались «домашними обедами» генералы Деникин, Драгомиров, Лукомский, Романовский. «Буржуями» считались Бернацкий и Соколов, почему уже не помню. Вот и все тогдашние екатеринодарские первые ряды.

Вся остальная Россия отсутствовала. Остались под большевиками, бежали дальше, чем следовало, или выжидали, собирались, сомневались, присматривались, выясняли. Так или иначе, но налицо была ничтожная кучка. Правда, над всем Екатеринодаром еще чувствовалось благотворное влияние только что почивших вождей. Великая Россия имела здесь достойных представителей: в подземелье Екатерининского собора мирно почил генерал Алексеев, а на берегу Кубани высоко чернел деревянный крест на том холме, где перестало биться львиное сердце генерала Корнилова.

Оставшиеся, свободно размещаясь за одним небольшим столом, к тому же ухитрялись чуть ли не ежедневно спорить, не соглашаться, ссориться. Печать оторванности, обособленности лежала на всем. Мы были не дома. Даже право на вход в Кубанское собрание нужно было исхлопотать у представителя независимой Кубанской державы.

Конечно, были крупные люди на фронте, и среди них первый — генерал Врангель. Но это не меняло общей картины. В военной среде еще сильнее чувствовалась тяжесть только что понесенных потерь, сознание забро-

шенности, равнодушия одних, предательства большинства. Это настроение ярко сказалось в речах самого генерала Деникина. 4 сентября 1918 года в Новороссийске он говорил: «Как отнеслись к выступлению генерала Корнилова широкие круги русской интеллигенции? Одни не приняли участия, считая ортодоксальность параграфов и пунктов выше счастья Родины, другие боязливо отошли в сторону. Только отдельные лица пытались выручить нас из беды. Армия молчала!»

Позже в Харькове: «Год и восемь месяцев тому назад мне в качестве беглого арестанта пришлось проезжать Харьков, здесь я был как затравленный волк. Прошло полтора года, и какой контраст!»

И, наконец, после взятия Таганрога: «Сердечно благодарю за ласку и привет. Полгода тому назад Таганрог встретил меня пулями, вчера — хлебом и солью!»

До сих пор никто не решился опубликовать полного списка участников Ледяного похода⁴⁵. Это самый страшный обвинительный акт против всего культурного класса России. В самом деле, кто откликнулся на призыв? Два-три представителя общественности, десяток генералов, несколько сот офицеров, юнкеров, кадетов, гимназистов, 20–30 врачей, сестер милосердия, чиновников и лиц самых неожиданных профессий. Вот и все. Особенно показательны данные о возрасте участников 1-го похода. У меня их нет сейчас под руками. Но хорошо помню, что это была самая молодая армия в мире.

Буквально армия нищих. Вы помните, какие средства дала Алексееву вся Россия? Сколько прислали Москва, Киев, Петроград, Ростов? Списки жертвователей в пользу армии тоже уже пора опубликовать, рядом с данными о внесенных этими же лицами суммах по требованиям большевиков.

Немудрено, что усталые и хмурые екатеринодарцы не так уже сердечно встречали «новичков», бродивших, как мухи, присматриваясь, изнывая от безделья. Я сразу же получил приглашение сотрудничать в «Великой России» и в первый же день был посвящен в «тайны» фронта. Армия в эти дни (20-ые числа апреля) вела

упорные, тяжелые бои. На Пасхе дело было совсем плохо, но об этом знали только немногие. Сильно нажимали большевики на Дон. Добровольцы несли большие потери. Но в успехе дела не сомневался никто. В Екатеринодаре только я узнал, какая огромная сила — «дух», выкованный в стальную полосу лишениями в кубанских степях. Здесь была полная противоположность Киеву и Одессе. Там было все необходимое для победы, не было веры, и потому не было и успеха. Добровольческий Екатеринодар верил, и потому побеждал.

Газета «Великая Россия»

Итак, я снова «газетчик». «Великая Россия» сыграла такую значительную роль в истории борьбы, что на ней стоит остановиться подробнее.

Газета была основана В. В. Шульгиным и Н. Н. Львовым. История ее возникновения такова.

В июне месяце 1918 года, вернувшись из Ледяного похода, Львов приехал в Киев. Увидев, как все «кувыркаются» перед немцами, он начал усиленно звать Шульгина на Дон издавать газету.

29 июля Шульгин выехал в Новочеркасск, где опять встретился с Львовым. Армия тогда подходила к Екатеринодару. 2 августа Екатеринодар был взят. 6-го «редакция» была уже там.

В тот же день Шульгина принял генерал Алексеев. Верховный главнокомандующий был уже сильно болен. Но и в постели он работал весь день. Его штаб состоял из четырех офицеров. В ящике письменного стола был 1 миллион рублей, чему он сильно радовался: недавно еще там было только несколько тысяч. Мысль о газете он приветствовал. Составленный Шульгиным проект «Особого совещания»⁴⁶ он передал Драгомирову, а его просил вплотную заняться газетой.

15 августа вышел первый № «России». Все необходимые расходы были произведены из средств Шульгина и В. Г. Иозефи. От армии не взяли ни копейки.

Газета имела шумный успех. Тираж с 4–6 тысяч скоро поднялся до 8 и доходил иногда до 10. Это сразу же поставило газету на первое место.

Совещание у М. В. Алексеева

После 4-го № Шульгин получил записку от генерала Алексеева с просьбой прийти поговорить. В назначенный час он застал генералов Алексеева, Деникина, Романовского и Драгомирова. Генерал Алексеев начал так:

— Некоторые находят, что «Россия» взяла слишком резкий курс. Вот вы, Антон Иванович, скажите.

Деникин заявил, что, конечно, писать можно все, но не так. Вот, например, вы пишете «чернь». Это напрасно раздражает. Романовский с ним согласился. Драгомиров, возражая, указал, что смелый и убежденный тон дает силу. Пример — Киев.

Отвечая, Шульгин заявил, что не позволяет себе обсуждать вопрос по существу. Он приехал служить армии. Если ее руководители считают его статьи вредными, он их писать прекратит. Причем сделает это без скандала, завтра же. Его прервал Романовский:

— Нет уж, завтра вы обязательно напишите про донского атамана. Черт знает, что он выделяет!

Резюмировал «прения» Деникин. Он выразительно махнул рукой и заявил:

— Ну, пишите, что хотите. Только объявите, что вы не официоз.

Так «Россия» получила свободу⁴⁷. Каждый день жирно печаталось, что «Россия» издание частное и совершенно независимое, ни в какой мере не может почитаться выразителем взглядов и видов правительства». Никто этому не поверил, хотя это была чистая правда. 29 октября Шульгин уехал в Яссы, а 3 декабря газету закрыло Кубанское правительство «за выражения, оскорбляющие достоинство верховной власти в крае, Чрезвычайной краевой рады, а также за недопустимые сравнения и произвольные наименования этого высокого учреждения, что вызывает

анархию и укрепляет большевизм»⁴⁸. Постановление это было подписано А. Кулабуховым. Типографию опечатали.

12 декабря вышел первый номер «Великой России» под редакцией А. А. Васильева и А. А. Лампе. Издателем значился Н. Н. Львов.

В этом составе, т. е. буквально трех человек, не считая репортеров, я и застал редакцию в апреле 1919 года.

Политическая программа газеты

Прежде чем перейти к изложению дальнейших событий, напомним вкратце политическую позицию газеты. Прежде всего, газета решительно высказалась за монархию. Вот несколько выдержек из статей Шульгина в первых номерах газеты.

«Что в России будет царь, на этот счет у нас нет никаких сомнений» («Россия», № 2).

«Спешить с провозглашением монархии совершенно не целесообразно. На наш взгляд, оскорбленная династия может снова занять свое место во главе Российской державы только после того, когда весь народ на коленях будет молить Бога о том, чтобы ушедшие цари вернулись. И будет величайшей мудростью со стороны сознательных монархистов как можно дольше сдерживать себя, чтобы совершить провозглашение монархии только тогда, когда под нее будет подведен действительно прочный базис, т. е. когда просветлеют мозги русской обывательщины от конца до края бывшей Российской империи» («Россия», № 3).

«Мы говорили уже неоднократно, что монархисты нашего толка насильно восстанавливать монархию не хотят. Мы считаем, что Россия придет к монархии путем исключений. Вкусив прелести социалистической республики, отведав удобства самостийничества, испытав прочность правления комитетов членов Учредительного собрания и проделав опыты с директориями, Россия, как зрелый плод, упадет к престолу конституционного монарха» («Россия», № 42)⁴⁹.

Резко отгородилась газета от крайних правых, заявив: «Лучший способ водворить в России республику — это реставрировать русскую монархию немецкими руками. В Киеве мы присутствовали при открытии клуба самоубийц».

После оценки телеграммы Краснова императору Вильгельму была воспрещена продажа «России» в Области Войска Донского.

Одновременно «Россия» печатала резкие статьи против Учредительного собрания и «демократии».

Н. Н. Львов противопоставлял опошленному понятию демократии понятие народа как объединения людей, связанных между собой единством языка, веры и многовековой истории. Никогда не скрывала газета и ужасного положения современной России. «России нет, — писал Н.Н., — русское царство разрушено, создалось звериное царство низкой и подлой человеческой толпы. Пустыня, покинутая человеком, где не слышно голосов, а раздаётся протяжный вой волков, карканье ворон, слетевшихся на добычу, крик хищных птиц и шипение ядовитых змей».

Эти статьи производили сильное впечатление. Началась яростная травля Шульгина и Львова, писались доносы. Львов именовался и князем, и обер-прокурором Синода⁵⁰, а эсерская «Родная земля» торжественно объявила его человеком, «лишенным всякой искры Божией».

Отношение к Раде

Но больше всего внимания сразу же пришлось газете уделять кубанским самостийникам. В обозе генерала Алексеева прибыло в Екатеринодар кубанское правительство во главе с господином Бычом. Началась игра в самостийность. Создалось Кубанское Учредительное собрание, — Чрезвычайная краевая рада, Законодательная рада (парламент), организовались министерства. Небольшая группа уездных политиков всеми средствами стремилась захватить в свои руки всю власть в крае. Началась безудержная демагогия в станицах, пропаганда

в рядах казачьих войск, быстро усилившая дезертирство. Скоро дело дошло до организации вооруженного восстания на Тамани.

Одновременно самостийники лихорадочно искали союзников. Председатель Рады Рябовол слетал в Киев, где вел переговоры с немцами, с гетманом, с петлюровцами. Затем начались заигрывания с Грузией. В Екатеринодаре даже появился украинский «посол» — барон Боржинский, вскоре уличенный в переговорах при посредстве члена Рады с петлюровцами по прямому проводу. «Неосторожно» были сообщены сведения о союзнических войсках и многое другое.

11 ноября, в день приезда союзников, из Рады вышли представители армии после принятия декларации правительства о передаче верховной власти «Союзному совету», о полной независимости Кубани и т. п. Но тут-то самостийники и провалились. С резкой отповедью им выступили представители фронтового казачества. Твердо и решительно стали на сторону армии союзники. Все интриги Быча против атамана генерала Филимонова успеха не имели, и 18 декабря ему пришлось уйти.

Новое правительство сразу же село между двух стульев, но действовало осторожнее и умнее.

«Россия» и «Великая Россия» вели энергичную борьбу с «Быче-Волами» (Быч и Рябовол), отмечая чрезвычайно своеобразное понимание самостийниками основ демократизма и парламентаризма. Действительно, «парламент» у кубанцев был замечательный. Он закрывал газеты («Россию», «Единую Русь», «Кубанец», «Кубанский край» и многие другие), в официальных заседаниях обсуждал газетные статьи, полемизировал с их авторами, принимал и отменял свои постановления, грозил, пугался, приносил извинения, опять грозил и т. п. После убийства председателя Рады Рябовола в Ростове был, например, принят такой «закон»: «Закрывать все газеты, когда-либо нападавшие на Рябовола, выслать всех их редакторов, закрыть все отделения Освага (Отдела пропаганды)». Исполнить такое постановление, конечно, не могли. Генерал Лукомский мне сказал: «Пусть по-

пробуют». Не посмели и попробовать. Вся эта «законодательная» деятельность носила чисто агитационный, полубольшевистский характер. По торжественным дням Рада пышно приветствовала Добровольческую армию, а в будни разлагала армию и всячески затрудняла и без того тяжелое положение.

Главные действующие лица Рады хотели захватить в свои руки всю власть, создать в крае своеобразную словную олигархию. Особенно интересным документом, рисующим истинные их намерения, является так называемая «Кубанская Конституция». В параграфе 3 этого документа было напечатано буквально следующее: «Права граждан определяются особым законом».

Закон этот так, конечно, и не был издан. В действительности царило полное бесправие. Рада и правительство арестовывали без суда, высылали, запрещали въезд, вообще делали все, что заблагорассудится. Критика нашей газеты приводила кубанский парламент иногда в состояние полного иступления.

Но наши твердо стояли на своем. В ответ на безобразные сцены опечатания типографии, угрозы редакторам и т. д. в первом номере «Великой России» Львов писал: «Социализм, федерализм — все это пышные костюмы, прикрывающие внутреннее убожество и полную бессодержательность мелких людей. Они со всем готовы примириться, на все пойдут, но не прощают одного — когда их действия не встречают громких аплодисментов. Рукоплескать мы никогда не будем!»⁵¹

Перемены в редакции «Великой России»

Пока шла эта самостийническая возня, тяжелая борьба продолжалась: 26 декабря, наконец, удалось объединить командование в руках генерала Деникина. Кубанский атаман начинает бороться с дезертирством. 9 января получают первые вести об адмирале Колчаке. Генерал Врангель быстро очищает Северный Кавказ. Вместо Краснова выбирают Богаевского. Добровольцы

идут спасать Дон. Таково было положение ко времени моего приезда из Одессы.

Не успел я хорошенько оглядеться, как оба редактора «Великой России» решают идти на фронт. А. А. Васильев поступает в Донской партизанский отряд, а А. А. Лампе назначают в Оперативное отделение штаба генерала Врангеля. Положение газеты сразу же становится критическим.

12 мая Львов делает мне предложение взять на себя редактирование «Великой России», и 14 мая газета начинает выходить под моей редакцией¹. Я вплотную подхожу к екатеринодарскому периоду русской истории. Знакомлюсь с людьми, с бытом, с условиями борьбы.

Главные действующие лица

Много пришлось видеть и пережить интересного. Это было чудесное, незабываемое время, необыкновенные люди. Я не вел дневника. Да все равно бы потерял при последующих эвакуациях. После сыпного тифа многое забыл, расскажу уцелевшее в памяти. Жили так. Газета имела прекрасную типографию. Работали дружно. Все хозяйство вел милейший И. М. Кинг. Изумительно преданный делу и трудолюбивый человек. До смешного аккуратный и честный. Я был совершенно один. Получал втрое больше главнокомандующего, но жил в пустом полусарае. Спал на столе. Ходил в костюме, сшитом из мешков. Все мое имущество состояло из четырех смен белья. В редакции проводил все дни. Вечер и часть ночи — в типографии. Армия шла вперед, и даже как-то в голову не приходила мысль об усталости или об отдыхе. Три месяца до Ростова пролетели незаметно.

¹ Первоначально написано: «12 мая Львов делает мне предложение взять на себя редактирование "Великой России". Я ставлю условие, чтобы его подпись стояла рядом с моей для сохранения "преемственности". Он соглашается. Особым письмом подтверждены все мои полномочия в редакции и конторе, и с 14 мая газета начинает выходить под моей редакцией».

Я не буду останавливаться на характеристике военных и правительственных верхов. Это лучше меня сделают другие. Отмечу *«главных действующих лиц»*, на которых почему-то до сих пор так мало обращают внимания. Это *рядовое офицерство, настоящие кубанцы, обыватели местные и приезжие и их неограниченный повелитель... Господин Сыпной Тиф.*

Рядовое офицерство⁵²

Добровольцы? Сколько сотен перебывало их у меня! Как живые, встают эти худые, оборванные, грязные фигуры с молодыми, часто сконфуженно-улыбающимися лицами. На ногах остатки обуви. Френч тщательно застегнут и еще заколот, чтобы отсутствие рубашки не так бросалось в глаза. После сырых окопов в Галиции или под Ригой, с товарищеским «плевком в душу», маленькими горсточками или в одиночку пробирались они сюда. Семья брошена на произвол судьбы среди безбрежного моря пресмыкающихся, спекулировавших, болтавших. Брошена на милость обнаглевшей, дикой толпы.

Сами «как-то» остались живы¹. Самое замечательное у них — глаза. Иногда ласковые, иногда холодные, но всегда ясные.

Как жилось им на Кубани? Не буду говорить о лишениях и опасностях на фронте. Их они давно уже перестали замечать. Но в Екатеринодаре? Здесь все были твердо убеждены, что офицер обязан выносить все, «что Господь ниспошлет». И они выносили, безропотно, молча, съезживаясь и уходя в себя. И когда вы присматривались к ним поближе, то поражала не храбрость в бою, не минуты красивого подъема, не твердость в штыковых атаках. Самым удивительным был этот повседневный «екатеринодарский героизм». Рядовой офицер-доброволец глубоко презирал все свои старые привычки и навыки. Неудомимо, в невозможной грязи, с тысячами вшей, валяясь

¹ Зачеркнуто: «Через неделю опять на фронт».

по сараям и откосам, обедая в «обжорке», он незаметно делал свое дело. Не роптал. «Извинялся» за костюм. За белье: «Разрешите оставить, ни одна прачка не берет, придется как-нибудь самому». Ухитрился после двух-трех лет службы в «ту» войну и Кубанского похода остаться прапорщиком. Никогда не иметь денег. Почти все настоящие герои екатеринодарского периода носили один отличительный знак — это заплаты. Я видел их всюду. Неумелые, самодельные, они мирно уживались рядом с белым Георгиевским крестом, со старенькими нашивками о ранениях и истрепанными погонами.

Я помню тщательно заштопанный передник и старенькое коленкоровое платье на девочке с тремя нашивками на рукаве и Георгиевским крестом. Этими «оборванцами», собственно, и держалась армия. В Екатеринодаре их гоняли по канцеляриям, старались «зажать» у них последние деньги, презирали и подтягивали. Для них не было места в реквизированных гостиницах. Не было приличной столовой. Обедали (их семьи и туда не пускали) в каком-то бывшем синемотографе на грязных кухонных столах. Ели и пили из жестяных кружек и мисок. Через два часа после обеда говаривали с огорчением: «Удивительно, опять есть хочется, а денег нет!»

Эта совершенно непонятная скаредность Деникина и полупровокаторская тупость Бернацкого, всегда оттягивающего самые необходимые ассигнования, сыграли крупную разлагающую роль. О них почему-то принято умалчивать!

Очень скоро ко мне в редакцию ежедневно начали приходиться совершенно незнакомые офицеры. Первая фраза выговаривалась твердо и быстро: «Капитан К. или поручик С. просил вам кланяться». Затем выдерживалась более или менее продолжительная пауза, за которой неизменно следовало: «Господин редактор, разрешите у вас переночевать. Не беспокойтесь, я как-нибудь, привыкли!» Так у меня организовалась ночлежка или «офицерское собрание на Красной»⁵³. Я взгромождался на стол, а вокруг в самых живописных позах располагались они. Среди них и наш «старик», т. е. Львов, когда его из номе-

ра выгоняли знакомые¹, пользуясь его деликатностью. Начинались разговоры.

Чем жили эти герои «защитного цвета»? Что было у них на душе?"

Прежде всего, бесспорно, что в окопах еще антинемецкого фронта произошли глубочайшие изменения в психологии огромного большинства офицеров. Фронт действительно готовил испытанных, много продумавших работников для новой России. Революция безжалостно уничтожила и заплевала первые ростки нового мирозерцания русской интеллигенции. В душе образовался какой-то провал, на дне которого в хаотическом беспорядке торчали обрывки старого и нового. Над всем преобладало сознание своей оторванности от окружающей жизни, расхлябанной, развратной и подлой. Мои собеседники не были реакционерами. Но идеализация прошлого стала для них непреодолимой, стихийной потребностью. Это не были люди, выдающиеся по своей культурности и образованию: кадровые офицеры, недоучившиеся студенты, юнкера и кадеты. Средний класс, спасавший Россию и триста лет назад. Они плохо понимали многое из окружающего, но ими руководили какие-то таинственные, казалось, навсегда умершие традиции. Природным чутьем они инстинктивно понимали национальные потребности родной страны. Революция внушила им органическое отвращение ко всякой партийности. Ни эсеры, ни кружки монархистов-заговорщиков или своекорыстных буржуазных групп не имели никакого успеха в среде фронтового офицерства.

Ненавидели они и самостийников всех мастей, видя их своекорыстие и мелочность. Россию, Новую, Великую, любили всем сердцем. Отношение к родине, пожалуй, всего точнее можно передать формулой П. Б. Струве: «Новая жизнь и старая мощь».

¹ Первоначально написано: «дочь или знакомые».

² Зачеркнуто: «Что принесли они с собой с "того" фронта? Что им дала революция? Постараюсь ответить на эти вопросы».

Глубоко волновали их картины тыловых безобразий. Они еще на Великой войне научились презирать саботаж тыловой волокиты. Киев и Одесса дали незабываемые сцены из жизни «валютчиков» и «визников». Постепенно нарастала ненависть: «Мы мучаемся, они устраиваются. Мы умираем, они бегут!»

Мысль работала с лихорадочным напряжением. То там, то здесь проскальзывали ноты отчаяния: «Поймите же, жизни нет!», «Все гибнет, лучше поскорее умереть!»

Или: «Живу только на фронте!», «Замесим новое на крови», «Так ничего не будет» и т. д.

Странно было видеть молоденьких юношей, не читавших газет, сторонившихся людей, ругавших и Европу, и Россию. Они в окопах, в поле или в лесу в длинные, бессонные ночи, мучаясь в лазарете, решали один вопрос: *что будет «потом»?* Конечно, их-то убьют. А вот после?

Ответ в огромном большинстве случаев был один: «Бог все видит». «Так нужно»¹. Жизнь принадлежит «другим». Каким, не знали. Только не этим. Новым. Не скоро. Нам нужно умирать. И они умирали.

Каждый день мне приносили вместе с поклонами и письмами маленькие измятые бумажки. Карандашом очерчена рамка и фамилии. Ночлежников и других, совсем незнакомых. «Напечатайте всех. Тоже хорошие были ребята». Все «сыграли в ящик». Иногда еще короче: «Угробило!» Мы печатали и ходили в собор. Панихиды в Екатеринодаре служили непрерывно. Среди длинной вереницы их помню одну, молились об упокоении раб Божиих: «воина Татьяна, воина Евгении, воина Юлии, воина Веры, воина Тамары, воина Александры...»

Чтобы составить себе хоть приблизительное понятие, во что обошлась только борьба на Северном Кавказе, напомним: в Екатеринодаре из 68 гимназистов-добровольцев 1-й гимназии в живых остался один, из 80 2-й — семеро, из всех учеников 6-го и 7-го классов Екатеринодарского реального училища — девять и т. д.¹¹

¹ Зачеркнуто: «Они обречены».

¹¹ Зачеркнуто: «Эти сведения мне сообщил их законоучитель».

Самые ужасные моменты переживал фронтовой офицер после ранения или заболев тифом. Тяжело раненные часто оставались, силясь из последних сил выстрелить себе в рот. Это не всегда удавалось. Тогда приходилось умирать у красных, в страшных мучениях. В лучшем случае неделями валялись в грязной соломе, в нарывах и гное.

В лазаретах в первое время были «очереди» на койку, на перевязку, на лекарство.

Редакцию засыпали письмами: «Лежим на земле. Многие гибнут из-за запоздалых перевязок. Нет белья. Нет ваты. Нет бинтов, просто куска полотна» («Россия», № 45).

«Владею одной истлевшей гимнастеркой и одним сапогом» («Великая Россия», № 105).

«За неимением обмундирования приходится валяться в лазарете» («Великая Россия», № 109) и т. д., и т. д.

30 января 1919 года во всех газетах появилось письмо А. Н. Алексеевой такого содержания: «Я принуждена ударить в набат. Ежедневно в Комитет скорой помощи поступают ходатайства и просьбы от отдельных лиц и от целых воинских частей, все о том же... о смене белья. Люди вверенного мне полка повально заболевают тифом. Нет не только второй смены белья, но вообще белья на себе. Таких писем лежит много передо мной. В складе нет и ста смен. И за это белье заплачены огромные, спекулятивные цены.

В последний раз делаю попытку достучаться до самосознания граждан. Пусть вам не жаль гибнущих молодых сил, воинов, врачей, сестер милосердия, но пожалейте хоть самих себя, хоть собственных своих детей. Хотя бы из чувства самосохранения дайте рубашку не имеющему ее. Я прошу у вас только по одной штуке белья!»

И после этого крика отчаяния собрали немного. Зато огромное впечатление в рядах армии произвел ответ на это письмо господина Григорьянца («Великая Россия», № 135):

«Вы почти одиноки. Где общество? Где они? Разве не видят? Не понимают?

Почему вы должны мерзнуть на улицах? Гибнуть от недоедания? Ходить зимой без пальто? Не иметь белья?

Посмотрите кругом! Ведь идет дикая и беззастенчивая вакханалия. Люди озверели. И Вы полагаете, что они дадут добровольно? Нет, глубокоуважаемая Анна Николаевна.

Чтобы спасти глупца иди подлеца, надо употребить насилие!»

Насилие употреблено не было, и все осталось по-прежнему¹.

Грязные среди белых

Но, конечно, не все имели мужество выносить лишения до конца: голодовки, морозы, тиф. Уже давно сияло весеннее солнце, а тиф не только не сдавался, а требовал все новых и новых жертв. Здесь мы подходим к самому ужасному, если не погубившему все, то многое. Среди белых появились грязные. В ногу с голодными и нищими пошли грабители.

Прежде всего, нужно установить, что на Кубани не грабили. Самостийники следили за каждым шагом добровольцев. Цензуры не было. На верхах сидели правители, не останавливающиеся ни перед чем, чтобы унижить деникинцев. И что же? За все время пребывания армии на Кубани был опубликован только один случай «грабежа добровольцев». Это было при взятии города Луганска. Было произведено расследование. Оказалось, что ни одного добровольца там не было. Город был взят донскими казаками.

Отрицать не буду: нищета, грязь и заброшенность озлобляли и портили офицеров. Но позорные страницы своей истории армии пришлось пережить значительно позже. Это «красноармейский» рейд генерала Мамонтова, подвиги Шкуро и безобразного маленького харьков-

¹ Первоначально написано: «Насилие употреблено не было, и рядовой офицер по-прежнему терпеливо переносил все».

ского Нерона, генерала Май-Маевского. Обо всем этом дальше. Пока отмечу, что все это было тогда, когда рядом с уцелевшими одиночками-екатеринодарцами шли десятки и сотни бывших красноармейцев, петлюровцев, гетманцев и других.

Но первых грабителей я все-таки видел уже в Екатеринодаре.

В большом гастрономическом магазине группа пьяных офицеров быстро забивала ящики с вином. Хозяин волновался.

— Чего боишься, кавказская морда? — грубо спросил его один из офицеров. — Не заплатим? Смотри!

Он расстегнул английскую сумку и бросил на прилавок золотой портсигар. Через минуту вся банда с шумом оставила магазин. Эта сцена была так необычна для Екатеринодара, что армянин не решился даже взять в руки портсигар. Я его так и оставил, растерянно смотревшим в след грабителям.

Огромное большинство по-прежнему честно несло свой крест до конца. Это было уже после взятия Харькова. Скоро Екатеринодар начал заметно пустеть. Армия уходила далеко вперед. Фронт как-то ушел от нас. Чувство сознания непосредственной опасности изгладилось.

Потери

Доходили только сведения о потерях. Они были велики, немногие знали их истинные размеры и понимали, что каждого из погибших заменить будет нечем. «Такого не найдем, — говорил мне один из командиров. — Полковников и генералов у нас сейчас сколько угодно, но таких поручиков и капитанов нет». А ими и держались.

По-прежнему мы вставали под звуки похоронного марша. По Красной улице с раннего утра ходил оркестр. Пройдя два или три квартала, возвращался вновь к одному из лазаретов и снова проходил. Так хоронили избран-

ных. А в те же дни кругом, в тучный чернозем, в песок или глину кое-как, наспех зарывали еще теплые тела их менее счастливых соратников, заботливо сравнивая яму, чтобы тела не были осквернены. Сколько таких безвестных могил на Кубани, на Дону, в Сальских степях, на всем огромном просторе Юга России?

Мытарства раненых

Убитые сразу считались счастливыми.

Самое страшное, самое унижительное начиналось для рядового добровольца после тяжелого увечья или раны. После его смерти — для его близких. Иметь семью при деникинских окладах было абсолютно невозможно. Но жизнь брала свое, и семьи, хотя и у немногих, были, были и дети. Какие-то канцелярские крысы сочиняли возмутительные законы о пенсиях. Это было чистое издевательство. Пенсия вдове была определена в 40–50–80 рублей в месяц. Это тогда, когда прожиточный минимум давно перевалил за полторы тысячи рублей. Кроме того, были установлены всевозможные категории: убит сразу, умер от ран, умер от болезней и т. д. Я однажды посвятил этим «твердым ценам на кровь» резкую статью. На следующий день ко мне явился офицер и вручил бумагу. В ней было напечатано следующее: «На № “Великой России” от... На статье о новом пенсионном уставе главнокомандующий собственноручно положил резолюцию: “Скверно. Генерал Деникин”». Действительно, было не только скверно, но и позорно. Чем объяснить эту скаредность до сих пор не знаю. Но положение создавалось такое, что инвалидам или нетрудоспособным членам семей убитых буквально приходилось идти на улицу и просить милостыню. Помню такой случай. Пятнадцатый раз раненый прапорщик в бессознательном состоянии попадает в лазарет. Решают, что с ним возиться нечего, и за ноги волокут в мертвецкую. На грудь припиливают бумажку с датой смерти. В мертвецкой он приходит в себя. Выползает. Его кладут в пала-

ту. Молодой организм побеждает, и он начинает ходить. Его сейчас же выбрасывают на улицу. Денег ни гроша. Что делать? Он идет к А. Н. Алексеевой и предъявляет свое собственное удостоверение о смерти. Алексеева дает ему 200 рублей «на погребение брата». На эти деньги он и кормился, живя у меня.

Подобных случаев можно привести сколько угодно. Не говорю уже о том, что и в лазаретах в первое время частенько голодали...

Так жили, работали и умирали первые добровольцы! Кто посмеет бросить в них камнем? Кто?

В гостях у настоящих кубанцев

Когда кривляния самостийников в Раде меня окончательно вывели из себя, я решил познакомиться поближе с настоящими кубанцами и поехал в степь. То, что я там увидел, меня глубоко взволновало. Я сразу попал в другой мир. В суровую среду «сторожевых станичников», привыкших нести тяжелую службу государеву. Это были крепкие, цельные русские люди. В первый раз я встретил еще в Екатеринодаре. Как-то по той же Красной улице шла группа кубанцев в своих красивых красных башлыках с дорогим старинным оружием. Они вышли из Атаманского дворца и шли впереди. Вдруг я заметил быстрое замешательство, кубанцы подтянулись и замерли. Навстречу нам шел высокий седой генерал.

— Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство! — весело закричали казаки.

Генерал остановился и, о чем-то поговорив, пошел дальше. Казаки долго смотрели ему вслед, видимо, сильно взволнованные встречей.

— Кто это? — спросил я, подходя.

— А то наш Савка. Всю германскую войну с нами в окопах прел. Потому и зовется Савка Вшивый. Такой генерал! С ним и умирать весело!

Они наперебой начали рассказывать про его храбрость и простоту. В глазах засветилась какая-то детская

радость и ласка. Это был генерал Пржевальский, уже после взятия Крыма поднявший восстание на Кубани. Вскоре после этой встречи я поехал по станицам.

Кубанская станица⁵⁴

Это город-сад. Всюду приветливые, здоровые лица. Много детей. Широкие, зеленые улицы сходятся к площади. В центре — огромный храм с мраморным иконостасом и новенькими, неприятно парадными образами. Только по задним уголкам его сохранились прелестные резные кресты, старинные фонари и иконы для крестного хода на палках. У самого входа уцелела покосившаяся хоругвь, на которой еле можно было разобрать контуры потускневшего драгоценного старинного шитья.

Служат степенно, не торопясь. В церкви много старух с тонкими, морщинистыми губами, одетых в просторные платья и пестрые, восточного рисунка шали или черные платки. С паперти чудесный вид. Кругом море садов, разбросанных на несколько верст. Станица привольно раскинулась по равнине. На горизонте — силуэты унылых гор. Ближе — необозримая ширина кубанской степи.

Из церкви мы пошли к приятелю одного из моих спутников. Через два-три квартала, спотыкаясь на изломанных деревянных тротуарчиках, мы очутились на обширном, заросшем травой дворе с прилегающим к нему садом. Хозяин и хозяйка встретили нас просто и приветливо. Несмотря на очень скромный костюм, сразу было видно, что мы попали к привыкшим к достатку людям.

В парадной комнате домика было прохладно. У образов виднелись широкие полосы тонкого, с замысловатым узором кружева. За кроватью с горами пышных подушек виднелся, переливаясь темной гаммой чудесных цветов, персидский ковер.

Понемногу мы разговорились. Странно было слышать рассказы о штыковых атаках, о жестокостях большевиков, сидя в садике в такой мирной обстановке, среди веселых, бойких детей. Они-то и дали повод вспомнить

о пережитых ужасах. Шестилетний «Митро», рабски следуя вековому обычаю, желая установить со мной дружеские отношения, нерешительно протянул мне правый кулак. Я хотел, разгибая пальчики, научить мальчика приемам правильного рукопожатия, но растерялся, увидев, что его ручонка вся обезображена глубоким шрамом, стянувшим всю ладонь и остатки пальцев.

— Уж больно палили, проклятые, — пояснила мать. — Митро играл, ручонкой-то помахивал, тут ему шрапнель и угодила.

Сразу все притихли.

Затем хозяин начал рассказывать. «Еще на заводе, где я служил приемщиком, давно заметно стало, чего большевики хотят. А как приехал в станицу, вижу, дело совсем плохо. Стали мы, хозяева, промеж себя переговаривать: “Что делать?” Все согласны стали: надо ждать сынов с похода. Видим, все хуже, а ждем. Тут и начали наши с фронту ворочаться. Собрали митинг. Кричат: “Надо всех вас, старых чертей, порезать! Потому все вы, черти, монархисты и образования настоящего не понимаете!..”

Видим, все равно пропадать. Большевики уже верстах в пятидесяти объявились. Собрал я тогда ночью, кто поумнее, стариков больше. Признали: держать фронт. Вышли в поле. Два офицера с нами были, один наш, а другой неизвестно откуда взялся — прохожий. Слышим, они уже ближе. Утром, сказывали, наступать на станицу прибираются. Думаем, надо свои дома от врага уберечь. Не бывало еще, чтобы казачье добро грабить дозволялось. Набралось нас человек двести. Ударили, отогнали верст на тридцать. Перекрошили их видимо-невидимо. Ну, думаем, будет передышка. Обрадовались. К вечеру сзади стреляют. Прибежал станичник и говорит: и в Екатеринодаре большевики. Правительство наше вышло из города. Видим, дело дрянь. Надо, значит, и нам бежать. Места кругом знакомые. Каждый кустик с детства обойден. Взял я винтовку, узелок и пошел по реке.

Большевики кругом так и кишат. Кто из наших покажется — убивают. Один черкес помог. Совсем я ослаб. В аул свернул. А тут большевики и набежали. Стою,

молчу. Знакомый черкес им и говорит: "Маленький был, с лошади упал". Немой, значит. Вертели, вертели, поверили, не тронули. Пополз дальше. Нашел в леску своих. Стали дальше пробираться. Плохо было. Я с японской войны на фронтах. Терпеть приходилось. Но все-таки там все честь честью. Тут тебе фронт, а тут тыл. А здесь ни минуты покоя. Бьешь большевиков, сколько хочешь, пока рука подниматься перестанет, сделается, как свинцовая, смотришь, с другой стороны насаждают. Совсем круто пришлось. Кто помоложе, винтовку бросил да в лес. Самая малость нас осталась — думали, конец. Простились. Коня "добыл", еду по степи, а сам думаю, что я такое и зачем на свет Божий народился. Такие глупые мысли лезли, ей Богу. А в голове шумит, вроде, как больной сделался. Все думалось, скорей бы хоть убили.

Вдруг прибегают два черкеса и говорят: генерал с офицерами на пригорке. Мы не поверили, пристрелить даже хотели. Эти штуки уже знали. Они в ногах валяются, лопочут: сами видели.

Часа через два, а может и больше, вижу, как во сне, очень я уже ослаб, — из-за леса три казака показались, с ними офицеры. В самом деле они. Вот уж радость была. Поехали вместе.

А через три дня я с генералом Корниловым, царствие ему небесное, презамечательной храбрости был человек, весь берег вдвоем облазили. Его Высокопревосходительство сами переправу осматривали — я показывал...

Много нашему брату терпеть приходилось, а как в этом походе — никогда. Отчаянность спасала. Лютые стали. Деваться все равно некуда, ну и щелкаешь "товарищей"...

Рассказчик умолк. Видимо, даже для него, не привыкшего к сентиментальности, было неприятно вспоминать подробности беспощадного уничтожения «товарищей».

Наконец он пересилил себя и таким же спокойным, неторопливым тоном заговорил, чертя прутиком по песку. «Я так думаю. Человеческому судье на дано нас судить. Время очень особенное. Только сам Господь рассудить нас может. Вот возьмите, например, меня. Бывало

строишь “товарищей” в затылок, да и бьешь по пяти человек одной пулей. Стараешься, чтобы не запачкало. А то рубишь, пока в силах. Очень уже я тогда серчалый был. А кто скажет, что виноват? Довели до этого. Сам вроде зверя сделался. Думаете, легко было? Бьешь дней по десять кряду, изломаешься. Самому все думается — хоть бы тебе скорее конец пришел. Надоело очень...»

Смуглое, нерусского типа лицо рассказчика как-то посерело, глаза остановились, он глубоко вздохнул и молча старался кончиком прутика достать маленького, игравшего на половике котенка.

Желая вывести всех из неловкого положения, его жена неестественно сердитым тоном заявила: «Нашел, что вспоминать! Проси гостей пройтись до яблоньки». Рассказчик очнулся и быстро встал. Встали и мы.

Степь⁵⁵

На следующий день мы отправились в степь. Я был в первый раз в кубанской степи. Высоко забравшееся солнышко немилосердно жгло, с удовольствием поглядывая, как со всех сторон к нему тянулись сочные, темно-зеленые листья, пышные колосья, громадные круги подсолнухов. Мы долго бродили узенькими тропинками. Богатства, видневшиеся вокруг, успокаивали издерганную городом душу.

Степь жила. Всюду были люди. На дорогах возы. В зелени баштанов то там, то здесь мелькали широкие соломенные шляпы. Местами наши тропинки залегли в узеньких коридорчиках между высокими стенами какого-то метелочного проса, похожего на гаолян. Затем шли среди громадных плантаций подсолнухов. Тогда все кругом было залито золотисто-шелковыми цветами на фоне темно-зеленой листвы. Наконец показались деревья.

— Теперь недалеко и до Кубани, — сказал наш спутник. — Это наши сады. Желающие сюда выходили. В семьдесят первом году указ царский вышел: «По степям сады и виноградники разводить». Мы по той вон

полосе и засадили. Лет с десяток, как виноград-то пропал, а то вдоволь у каждого было.

Вдали послышался собачий лай. Еще через десять минут мы подходили к фруктовым садам.

— Указы нынче ни во что, — недовольно возразил один из бывших с нами казаков. — Может быть, и отберут. А я 18 лет на хуторе работаю.

— А могут отобрать? — спросил он меня, хмуро нагнув на глаза папаху. Я старался его успокоить, но, видимо, не совсем удачно.

— Времена нынче не те, всяк чужое норовит зацепить. «Так» не отдадим, — мрачно и серьезно пояснил он в заключение.

На хуторе нас поджидали сыновья хозяина, милые, приветливые подростки. Младшему было лет 14–15.

— Тоже товарищам не спускал, — сказал отец, ласково потрепав его по плечу. — Две недели по камышам меня разыскивал, нашим обед носил, ихних не миловал.

Парень сконфуженно улыбнулся.

Ужином угощали мы. Хозяин потчевал нас только душистым хлебом, замешанным на пахтанье⁵⁶ от масла. Он напоминал пасхальную сдобную булку. Мои спутники, желая завтра чуть свет начать охоту, завалились спать. Хозяин, соседи и я пошли посидеть на дворе. Дул сильный ветер, спасавший от комаров. Луна куталась в обрывке туч. Деревья встревожено шумели. Невдалеке мрачно поднимались остатки валов старинной турецкой крепости. Все молча дымили папиросами. Говорить не хотелось. Рядом белела хатка, огня не было.

— Что-то сосед ваш рано притих? — спросил я.

Все сразу оживились.

— Его нет. Он с «товарищами» шляется, — ответил сидевший поодаль молодой казак.

— И раньше блудил, а теперь ему конец, не вернется, — подхватил другой.

Я начал расспрашивать и узнал удивительную историю о скрывшемся казаке. Его судьба, видимо, интересовала всех. Рассказывали охотно.

Иван Семенюк был хорошим, зажиточным казаком. Только жаден очень. Еще в Петербурге все коммерцией занимался. С «товарищами» снюхался давно. Полгода где-то ездил, потом в станице объявился.

Вот тогда и случилось то, что волновало всех моих собеседников. Они тогда по камышам прятались. Думали отсидеться до холодов. «Товарищи» бесчинствовали страшно. Комиссар занялся преследованием семей беглецов. Начались обыски. Как-то рано утром «товарищи» нагрянули к одному из рассказчиков. Дома были одни дети. Перерыли все. По зову соседей прибежала с огорода хозяйка. Смотрит, всем распоряжается свой, казак Иван. При ней сам сундук с ее приданым перевернул. Она и говорит: «Как же вы, Иван, по чужим чуланам без хозяев шарите?» Молчит. Взять ничего не взял. Очень уж на него казаки сурьезно смотрели. Велел только передать, что как хозяин вернется, поймают и порешат. После бегства «товарищей» казаки долго и подробно обсуждали поступок Семенюка. Единогласно было решено с ним *кончить*. Оскорбленный хозяин принял все меры к розыску преступника. Страшно обрадовался, узнав, что Иван в екатеринодарской тюрьме.

— Ну, думаю, слава Богу, — рассказывал он, — теперь не буду себе беспокойства из-за жуликов устраивать. Поехал в город, разыскал. Есть, говорят, такой. Полчаса начальника тюрьмы просил к нему допустить. Не разрешается. Уж как просил! Велел в воскресенье наведаться. Два дня в городе проживался. Пришел, опять не пустили. Такое несчастье!

— Почему вам так хотелось его видеть? — вырвался у меня наивный вопрос.

Неодобрительно покосившись, рассказчик спокойно ответил:

— Чего на него смотреть, голову оторвать хотел! Да ничего — не уйдет, прикончим.

Я посмотрел на суровые лица этих внуков покорителей Кавказа и понял, что это не шутка, не угроза, а бесповоротное решение, которое будет непременно приведено в исполнение. Так когда-то, должно быть, отстанвали

неприкосновенность своего жилища и упрямые англичане, пронеслось у меня в голове.

Рассказ о Семенюке всем напомнил недавнее прошлое. Разговор опять оживился¹, и в нем принял участие и молчавший до того дядя хозяина, старый конвоец, живший на хуторе за главного. «И откуда эта самая отравка пошла, — начал он, немного растягивая слова и часто отплевываясь. — У нас в прошлую зиму такой случай был. Сажу я у кума Спиридона. Хороший казак, раньше знамя носил, хозяин замечательный, в пчелах понимает — первый сорт. Пост был. Не более недели до Рождества. Ужинать хозяйка собирала. Вдруг дверь как распахнется, смотрим, сын Спиридонов с фронта. Да выпивши. Лба не перекрестил. Отца с матерью не уважил. Прямо к столу. Смеется: “К ужину угодил, только мы теперь без водки не кормимся”. Бумажки вытащил, да к се-стренке: насчет самогона. Мать к нему, а Спиридон: “Не тронь, пусть сбегает”.

Выпил он, а языком так и чешет. Царя-покойника с государыней уж так поносил, и на счет свободы разное выговаривал. Спиридон сидит сурьезный, водки не тронул, потому [что] пост. Сына не останавливал. Тот, было, примолк, а потом опять. Про Николу-угодника непотребно выразился. Спиридон как бы встать хотел, однако усидел. Я жду, что будет. Ванька все пуще, хвалился иконы на дрова расколоть, потом умаялся, да и задремал. Посмотрел на него Спиридон, да и говорит: “В хате очень жарко стало, помощи, кум, Ваньку перенести”. Взяли мы его, да на скамеечке в садку и положили. Там и кончился».

Что такое? А очень просто. Мороз был. Похоронили Ваньку, как полагается. Только Спиридона к земле немного притянуло. Один сын был. И сейчас ходит немножко как тронутый. По ночам, говорят, не спит, все молится. Мать, известно, баба, рекой разливалась. И кто этого самого Ваньку испортил, казак был настоящий? Спиридон

¹ Первоначально написано: «Казачи еще кое-что вспомнили из его подвигов, и постепенно разговор опять оживился».

ему на войну коня тысячного справил. Кинжал с шашкой — в руки взять приятно...

Казаки молчали. С Кубани потянуло сыростью. Пора было на ночлег.

На плавнях⁵⁷

Было еще совсем темно, когда меня разбудили. Долго шли по мокрой траве. Колени ныли от холодной росы. Комары настойчиво напоминали о торжестве злого начала в мире. Мой спутник немилосердно ругал правый сапог, жавший ему ногу. Казаки шли молча, изредка перекидываясь отдельными фразами. Только на самом берегу Кубани мы остановились у развалин турецкой крепости. «Турок не помним, — сказал один из казаков, — а вот черкеса мой батька картечью палял. Как вдарим, сказывал, так он с коня и валился. Будто вал вокруг всей станции шел, а теперь кругом русская земля».

«Промеж себя воюем!» — и он не то иронически, не то довольно усмехнулся. Направо серела Кубань. Прямо расстилалась в предрассветном сумраке огромная низкая равнина, покрытая камышом. Это были плавни. Мы спустились с горы и начали внизу ломать себе ноги, спотыкаясь на комках засохшей, как камень, глины. Поглощенный всецело перескакиванием, я не заметил, как мы попали на пригорок, и остановился пораженный. Прямо против меня, за краем зеленого моря камышей, поднималось солнышко. От него во все стороны шли широкие, голубовато-серебряные полосы, окаймленные темно-зеленым бордюром камыша. Это были «ёрчики» — узенькие и длинные озерки, не заросшие зеленью. Было так красиво, что и казаки не протестовали против остановки. «Что, хороша наша вольная Кубань?» — спросил меня один из них. Вольная Кубань без кавычек⁵⁸ была великолепна.

Потом я отбилсЯ от своих спутников, они разбрелись в поисках не подозревавших людского коварства диких уток.

Долго медленно шел, опустив голову, по берегу узенького «ёрчика». Вдруг невдалеке стена высокого камыша

раздвинулась, и из нее, тихонько шурша, выползла крохотная лодочка со старым казаком.

Он быстро подплыл к какому-то странному сооружению вроде рога изобилия, как изображают его на вывесках. Я подошел. Казак вопросительно глядел на меня, очевидно, считая мое присутствие при дальнейшем необязательным. Я поздоровался и назвал фамилии моих спутников. Это сразу его успокоило. Не торопясь, казак снял меховую шапку, долго крестился, укрепил лодку и, наконец, медленно опустил в завитушку своего сооружения небольшой сачок. Через минуту десяток крупных рыб тщетно старались выпрыгнуть из лодки. Старик опять опустил сачок. Через полчаса лодка была полна.

— Экая у вас благодать, — сказал я, когда казак рваным мешком заботливо прикрывал рыбу.

Но рыболов был недоволен.

— Второй год палят, всю рыбу разогнали. То ли раньше было! А первое, не для кого работать. Четверо сынов у меня — пес знает, где шляются. — Он оттолкнул лодку и исчез в камышах так же неожиданно, как и появился.

На обратном пути казаки мне говорили, что лучше всего «ёрчика» перекопать и выпустить воду, тогда рыбу собирают в мешки и везут на подводах. Только грязно очень, хлопцы — те любят.

Вечером мы отдыхали на причудливой формы стволе вырванного весенним разливом дерева. Компания увеличилась еще двумя местными казаками-охотниками.

Полчища уток понесли столь незначительные потери, что охотникам скоро пришлось вспомнить о политике.

— Своих раздавим — пустяки, — говорил нам хозяин. — Главное, граница велика, не усмотришь. Мелкота осмелела — все лезут. На что смирные у нас аулы были, теперь шумят. Опять казакам всех на свои места расставлять придется¹.

Вспоминали былое величие России. При упоминании об императоре все сразу притихли... «Господь — ему судья!»

¹ Зачеркнуто: «Другие тоже больше всего говорили об общерусских задачах».

«Эх, как бы теперь революцию замыслили... Мы бы им, чертям, глаза протерли бы!..»

Быстро холодело. Резкий крик цапли нарушал тишину. Кругом не было никаких признаков человеческого жилья. Чем-то первобытным, суровым и сильным веяло от фигур живописно раскинувшихся казаков.

— А я так полагаю, — сказал старик, поднимаясь, — еще туго придется. Народ ослаб, туману напущено, вроде как в болоте погибает.

И помощи настоящей нету...

Домой шли быстро. Эти не выдадут, думал я, стараясь не отставать. Так вот они какие, настоящие кубанцы. Вот какова их вскормившая вольная Кубань...

Перед самым отъездом в Ростов я еще раз имел случай встретиться с настоящими кубанцами. 2 августа Екатеринодар праздновал годовщину своего освобождения. Из собора двигалась процессия с десятками старых боевых знамен, императорами пожалованных войску. Но самыми замечательными реликвиями были старики-кубанцы, несшие булавы, перначи и пики. Такой галереи красавцев-воинов больше я не видел никогда. Из-под седых бровей, пышных папах, в оправе из сложной сети морщин поблескивали полные какой-то суровой правды жизни, по-детски ясные, и в то же время «сурьезные» глаза. Затянутые фигуры были стройны и изящны. Шли степенно, без театральной выучки или показной торжественности. Вечером в городском саду пели старинные казачьи песни. За столом заслуженный генерал сидел рядом с урядником. Все одинаково чувствовали себя свободно. Это был свой особый «ратный» мир. Люди, много раз видевшие смерть на близком расстоянии, не способные быть рабами.

Интеллигенция и обыватель

Добровольцы и казаки были главными действующими лицами. Не уступала им по значению и серая масса обывателей — местных и приезжих. Это не были

граждане, организованная или неорганизованная демократия, как любят их величать, а именно обыватели. Они в значительной мере направляли события. Влияние серой обывательщины у нас обыкновенно недооценивают. А между тем достаточно вспомнить Россию 1914 и 1917 годов. Какая огромная разница! А ведь власть почти что та же, политические партии одинаково бессильны, ненациональны, безжизненны. Изменилась под влиянием самых разнообразных причин психология именно рядового обывателя, и он-то и позволил разломать все.

Во все время борьбы на Юге обыватель продолжал играть первые роли. Его настроение менялось не раз, но все время было глубоко враждебно самой идее длительной, тяжелой борьбы. В первый период, в Киеве и Одессе, обыватель ценой каких угодно унижений желал добиться только одного — чтобы его оставили в покое, дали ему отдохнуть, позволили заняться своими «очередными» делами. В Ростове, Новороссийске и Севастополе, ограбленный и запуганный, он уже просил у армии помощи. Вернее, требовал мест, денег, товаров, транспорта, власти, школ, того же покоя. Все время обыватель не хотел сам выступить в роли активного участника событий. Екатеринодар был поворотным пунктом в обывательской психологии. Сначала обыватель и здесь хотел жить «своим домом». «Уж больно эти войны очертели!» Согласен был даже откупиться. Правда, при этом безбожно торговался. Позднее, при появлении беженцев, были предъявлены первые требования.

Сам по себе Екатеринодар был город состоятельных, хорошо кормленных мещан. Много было и недавно разбогатевших купцов. Интеллигенция, как везде, была экономически бессильна и сильно забита. Она честно поддерживала армию и несла большие жертвы. Впереди всех шла молодежь. В семьях происходили тяжелые драмы. Мальчишки решительно заявляли о своем уходе на фронт. Знал случай, когда один за другим уходили и гибли все дети, и с последним пошел и отец. Как сейчас помню 16-летнего Васю, умолявшего отпустить.

— Я знаю, — всхлипывая, говорил он, — тебе жалко маму и Надю. Я сам за тебя пойду. Пусть только мамочка не сердится и благословит.

Мама в конце концов благословила. Вася сиял. Его убили в первом бою.

Но «образованные» в Екатеринодаре были наперечет. Тон задавали мещане и купцы. На первых порах и они прекрасно относились к армии. Поссорили их реквизиции, мобилизации и дороговизна. Лишения терпеть они явно не хотели. Органически непонятен им был аскетизм первых добровольцев. «Почему их не оденут? Не кормят? У них никогда нет денег! Это не армия, а черт знает что такое!» — возмущались они. Сами любили основательно покушать, поспать, одеться, «как в Ростове», сделать жене или невесте «маленький ювелирный подарочек». Больше всего на свете ценили «спокой».

Мининых в Екатеринославе так и не оказалось, несмотря на все принятые меры розыска. Общественные начинания, рассчитанные на сочувствие широких слоев населения, неизменно проваливались.

Иногда дело доходило до курьезов. Так, известный екатеринодарский миллионер В. М. Хоруженко⁵⁹ подписал при сборе в пользу армии 4000 рублей. Затем передумал и подал письменное ходатайство о разрешении ему исправить цифру «4» на «3». Еще более богатый господин Сахав пожертвовал купон от ренты в 2 рубля 37 копеек, и т. д.

Достаточно напомнить, что в Екатеринодаре не было ни одного лазарета, содержавшегося на пожертвования частных лиц. А богатых людей там собралось масса. Незадолго до прихода добровольцев какой-то проходимец Макс Бронштейн объявил «стрижку буржуев». В назначенный час к нему явилась тысячная толпа желающих стричься. Он социализировал бумажники, снимал кольца, часы. Не дал только *один* человек и пошел жаловаться к комиссару. Там ему объявили, что Бронштейн самозванец, и послали патруль его арестовать. Ловкий жулик успел скрыться с 4 чемоданами, набитыми всевозможными ценностями. Сами екатеринодарцы признавались, что

Макс собрал в два раза больше А. Н. Алексеевой и других за все время пребывания армии на Кубани.

Конечно, винить екатеринодарцев не приходится. Это были люди, просто не доросшие до понятия самопожертвования и самодеятельности.

Приезжие были во много раз их интеллигентнее... и хуже.

Их рассуждения были чрезвычайно характерны. Они, видите ли, прежде всего, пострадали из-за добровольцев. В Петрограде, Москве и Киеве у них брошено имущество. Армия им *должна*. Их убытки необходимо «компенсировать». Они согласны и здесь остаться и даже работать в тылу, конечно, но за приличное вознаграждение.

Приехало довольно много и рядового чиновничества, умевшего только строчить исходящие и записывать входящие бумаги. С претензиями было больше. Была, впрочем, немногочисленная группа профессиональных политиков — демократов и недемократов. Настроение у них было одинаково обывательское. Эти все больше всего любили почет и уважение. Требовали, пока не устраивались. Поучали и наставляли до отъезда на отдых в Крым или на побережье.

Приезжий обыватель облепил армию толстым слоем тыловых учреждений, они росли со сказочной быстротой.

Общее настроение обывателей долгое время было паническое. Всякая телеграмма о неудаче на фронте повергала их в отчаянье. За вечерним чаем спешно вырабатывались новые планы. Так же быстро они приходили в восторг. Живой, органической связи с армией у них не было. Само по себе понятие подвига им было малопонятно. Культ героев просто скупен. Никогда не забуду такой сцены.

Соединенный комитет каких-то организаций устроил пароходную прогулку на могилу генерала Корнилова. Поехал и я. Пароход был переполнен. Масса почтенных отцов семейств и маменек с детьми живописно группировались вокруг кульков, узлов и самоваров. Наконец

пристаем в полуверсте от чудесного холма с высоким деревянным крестом. Толпа бросается на берег. Минут через десять положение выясняется — большинство здесь же, у самой воды, принимается за кульки и бутылки. Парочки решительно направляются в лес. Мы ждали, когда же будет осмотр фермы и могилы. Наконец распорядительницы заволновались. Мы быстро собрались. Увы, это организовались на берегу танцы. Под звуки вальса мы отправились одни. Осматривая домик, в котором был убит генерал Корнилов, я спросил у дежурного офицера:

— Сколько было посетителей?

— Сегодня много, человек 25–30.

У могилы мы долго сидели вдвоем с английским корреспондентом.

А приехало человек 400.

Показательны были и всевозможные торжества и молебны по случаю побед на фронте. Бывали всегда одни и те же лица. Человек 200–300. Обыватель в таких делах не участвовал.

Парады любила молодежь, кто посolidней предпочитал оперетку. Билетов на Пионтковскую часто нельзя было достать, несмотря на бешеные цены. На этой почве у меня и завязались первые знакомства с солидными домами. «Дайте ваши билеты, все равно не ходите». При этом выражалась полная преданность направлению нашей газеты и восхищение перед моими публицистическими талантами. В благодарность присылали корзинки с персиками и абрикосами. У себя в семье екатеринодарец во все время пребывания армии жил прекрасно. Теснили его реквизиции, часто зря, но стол, одежду и необходимые вещи имели почти все. Приезжие, за редким исключением, во всем старались подражать местным уроженцам. Впрочем, прочно обосновывались в Екатеринодаре по преимуществу бедняки. Валютчики ориентировались и перебирались в Крым или за границу.

В противовес армии обывательское настроение было чисто «реставрационным». «Как раньше и никаких, нас

теперь не проведешь». «Революция — глупость и обман. Мы должны вернуться на свои места». «Довольно крестьяне побезобразили, пора и честь знать. Нас нужно вознаграждать за все, иначе через пять лет "они" опять революцию устроят» и т. п. Армия, по их мнению, была чем-то вроде судебного пристава, посланного для принудительного исполнения судебного решения.

Эта упрощенность обывательской психологии причиняла генералу Деникину много хлопот. Сердечного единения между ними никогда не было. В Екатеринодаре армия не была ни классовой мстительницей, ни поверенным по обывательским имущественным делам. Да и обыватель не отождествлял себя с армией. Обычно он был недоволен: «Я еще посмотрю, мне что-то ваш Деникин последнее время не нравится!» Впрочем, нужно признать, что в Екатеринодаре с обывателем и не церемонились. Он был в полном загоне. Его наступление на армию и покорение ее под ножи началось в Ростове. Там он развернулся вовсю и начал позорнейшую эпопею шкурничества, трусости и бегства с поля сражения.

Тиф

Единственным всеми признаваемым в Екатеринодаре владыкой был сыпной тиф. Тифом болели все. Смертность от него была колоссальна. Условия содержания больных непередаваемы. Скоро из армии тиф распространился по станицам. Там умирали целыми семьями. Весной 1919 года по улицам Екатеринодара всюду бродили изможденные фигуры выздоравливающих. Число умерших, кажется, не известно никому. Можно только со всей категоричностью утверждать, что никакая другая армия в мире не могла бы выдержать такой эпидемии. Во время ее разгара лучше всего выявились наши неспособности к организации и деловой работе¹.

¹ Первоначально написано: «лучше всего выявилась истинная природа российской общественности».

Ругались и суетились все, но делать никто ничего не делал. Я уже приводил письмо А. Н. Алексеевой «о рубашке». Обыватель остался равнодушным и к нему. Правда, тифа он боялся, но предпочитал уповать на «авось». Каждый день в газету приносили заметки об изгнании тифозных из квартиры, о краже у них вещей и пр. Через несколько дней и этих квартирных хозяев тащили в больницу, но ничего не помогало. Даже и смертельная опасность не объединила русских людей. Учреждения армии, кубанцев, Городская дума, правые и левые — все работали врозь. В отчаянии опускали руки перед обывательской тупостью и легкомыслием. Когда уже люди умирали сотнями, власти все еще спорили о пределах компетенции, оберегали преимущества и привилегии. *Общества не было.* Тиф еще раз подчеркнул бесспорный факт, с которым никак не могут примириться наши партийные политики: *в дни Гражданской войны у нас не было общества, общественного мнения, организованных общественных сил.* У отдельных общественных деятелей не было нравственного авторитета. Все они были бессильны. Слушались, и то очень плохо, только палки. В страшные дни тифозной жатвы это стало ясно каждому непредубежденному человеку. Медицинский персонал тоже не встретил никакой общественной поддержки. А в его среде были люди поразительного самопожертвования. Они гибли у всех на глазах. Умирали спокойно. Помню рассказ о смерти фельдшерицы Веры Серебренниковой. В самый последний момент к ней вернулось сознание. Она долго всматривалась в лица окружающих и среди них узнала свою родную сестру. Лицо умиравшей нахмурилось, и она сказала: «Зачем ты здесь — твое место в лазарете!» Были госпитали, в которых весь персонал вымер. Это в Екатеринодаре, в прифронтовой полосе эпидемия еще была сильнее.

Таковы были главные действующие лица екатеринодарского периода русской истории. С ними наша армия пошла освобождать родную землю. С ними она побеждала, с ними и откатилась назад.

Пленные

У нас до сих пор любят распространяться о решающем значении настроения крестьянских масс. Прежде всего, крестьянства как единой, однородной массы в жизни давно уже нет. Наиболее сознательные элементы в первый период борьбы были, безусловно, на нашей стороне. Не везде, конечно, одинаково. В Екатеринодаре была довольно распространена теория, которая проводила резкую грань между крестьянами губерний производящих и губерний потребляющих. Уверяли, что за нас только первые. Вторые рассчитывали будто бы при помощи похода на Юг достать там хлеба. Я не принадлежу к сторонникам этой своеобразно марксистской теории. Но все же разница в настроениях крестьянского Юга и Севера бесспорна.

От выводов и обобщений воздержусь. Для народников всех мастей приведу отрывок из случайно сохранившегося у меня опроса захваченных под Царицыном пленных¹.

Вот что говорил летом 1919 года высокий, худой, покрытый толстым слоем грязи, босой детина лет двадцати пяти:

«Мы с Перми. Мобилизовали красные. Ничему не научили и погнали на фронт. Тут нас в скорости адмирал в плен и забирает. Стали мы у него служить, и на большевиков наступаем. Посадили нас на телеги, едем. Приехали в деревню. Большевиков видимо-невидимо. Спрашиваем: "Братцы, неужели воевать будем?" А они: "Чаво воевать, надоело". "Тады сдавайтесь!" Так мы с ними и замирились.

Едем дальше. До такого места доехали, большевиков тучи, и сдаваться не хотят. Нас самих и забрали.

Погнали сюды. Сперва по городам маялись, голодно было и без одежды. Потом одежду выдали и на фронт погнали.

Стоим мы туточки за пригорком. Наскакивают казаки. Пикой, саблей размахивают. Очень боязно стало.

¹ Зачеркнуто: «За точность передачи ручаюсь».

Не стреляем. Они ближе. Кричат: "Вы чаво, черти!" Да по матушке. "Жидов нет?" "Никак нет, все православные". "Тогда разговаривать нечего. Винтовки в землю тыкай, сапоги сымай и, у кого керенки, вытаскивай!"

Все в точности исполнили. Он к тебе подъезжает, сейчас за сапоги, тебя по морде, раз, два. Керенки взял и к следующему. Хлебушка не дали ни крошки, погнали дальше. Очень теперича притомились, Ваше благородие¹.

Во все время рассказа тысячная толпа сочувственно вздыхала⁶⁰.

На Юге таких у нас не было! Напомню еще, что в момент общего наступления большинство армии состояло из таких и им подобных пленных. А кто знает, сколько офицеров и солдат по несколько раз сражались то у белых, то у красных? Да и вообще, если уже говорить о настроениях масс, что общего имела с коммунизмом вся толща Красной армии? Ведь курсанты и коммунистические части появились много позднее¹.

Конечно, только после многих лет, когда будут опубликованы все материалы, можно будет распределить роли между намеченными мною главными действующими лицами кровавой Гражданской войны, выяснить их взаимоотношения и точно определить степень влияния на события.

Последние дни екатеринодарского периода

Уже с июня окончательно определился крупный успех армии. Скоро выяснилось, что дело переросло Екатеринодар. Центром он больше быть не мог. Хотели переезжать в Севастополь. Потом передумали и выбрали самую неудачную из всех комбинаций: гражданские учреждения перенесли в Ростов, штаб — в Таганрог.

С половины июля город начал быстро пустеть. В Ростов решила перебираться и наша редакция, одновременно подготавливая отделение газеты и в Харькове.

¹ Зачеркнуто: «Над всем этим стоит задуматься».

Перед самым отъездом произошел такой инцидент.

Ко мне явился инженер и рассказал, что штаб срочно потребовал на фронт строившиеся на заводе кубанского правительства бронепоезда. Он тщательно осмотрел их и нашел в скрепах брони искусно замазанные деревянные клепки. Заявил по начальству. Главное артиллерийское управление все же настояло на составлении акта о полной боевой готовности поездов, и завтра они будут отправлены на фронт. Копию акта об исправности поездов и образцы деревянных клепок он мне передал. Я распорядился все сообщенное напечатать. Уже с раннего утра в редакцию забежали встревоженные штабные офицеры. Часов в 10 ко мне явился полковник из Артиллерийского управления и заявил, что «они» будут настаивать на немедленном предании меня военно-полевому суду, если я не соглашусь дать подписку о решительном опровержении. Я отказался, заявив, что копия акта осмотра и деревянные клепки у меня в столе. Он долго не хотел уходить, наконец ретировался. Я начал отдавать необходимые распоряжения на случай немедленного ареста. До вечера пробыл в редакции. Никто не являлся.

На следующий день я уехал. Уже в Ростове получил от Главного артиллерийского управления длиннейшее опровержение. К нему был приложен акт о признании поездов *негодными*.

Все у нас напечатанное объяснялось «явным и неосторожным недоразумением».

Опровержение это целиком зачеркнула донская цензура.

Так мы распрощались с Екатеринодаром. Уезжали с радостным сознанием, что окончательная победа близка. Все верили в чудесное воскресение России. Нам тогда казалось, что самое тяжелое уже далеко позади. На душе было легко и спокойно.

ЧАСТЬ IV

Ростов (4 августа — 27 декабря 1919)

Город

Большой, переполненный людьми город. Все напоминало, казалось, невозвратное прошлое¹. Сразу после своего стола в пустом сарае попал в роскошную квартиру директора Волжско-Камского банка, где и поселился вместе с Н. Н. Львовым. Начались хлопоты по устройству газеты. С трудом нашли плохонькую типографию. Редакцию приютило Русское собрание⁶¹, хотя и с неохотой. Находили, что мы недостаточно правы.

«Великая Россия»

15 августа вышел первый номер «Великой России». В передовой я писал:

«Два года как борется кучка героев с шайкой негодяев. Кругом на тысячи верст расстилалось вонючее болото, ко всему приспособляющееся и ко всему равнодушное. По всей стране торжествовал свою победу знаменитый лозунг: “Наши победили! Наши те, что победили”. Русские партии, русские газеты и русские общественные деятели

¹ Зачеркнуто: «Точно в другой мир попал».

так бояться юбилеев. Возьмите любую газету и прочитайте статьи год-два тому назад. И, несомненно, с чувством безгливости вы отбросите лживые, приспособляющиеся листы. Сегодня наш юбилей. Ровно год тому назад вышел первый номер нашей газеты. С чистым сердцем и спокойной душой «Великая Россия» сегодня предстанет перед своими новыми читателями. Мы не приспособлялись. «Великая Россия» говорила: «Лживая и гнусная человеческая толпа», — в то время, когда все трепетали перед лозунгами демагогов.

«Великая Россия» требовала диктатуры, когда шли разговоры о 3- или 5-членной директории.

«Великая Россия» всегда была верна союзникам в то время, когда... Стоит ли вспоминать?

Мы никогда не колебались в нашем решении поддерживать Добровольческую армию. Мы не рукоплескали победителям, не приспособлялись, не защищали ничьих шкурных интересов»⁶².

Газета пошла довольно хорошо, но той роли, которую она играла в Екатеринодаре, не имела. Довольно распространено мнение, что «Великая Россия» пользовалась помощью Главного командования. На самом деле было так. Весь екатеринодарский период газета давала чистый доход. Заплатив за три месяца жалование всем не захотевшим ехать в Ростов служащим редакции и конторы, выплатив «премии» сотрудникам, перевезя редакцию, я еще получил остаток в 78 тысяч рублей. Не считая долгов конторе. В Ростове все устраивали на свой счет¹.

На собственные несколько десятков тысяч, конечно, в Ростове мы не могли конкурировать с местными богатейшими газетами вроде «Приазовского края». Фронт был, к тому же, далеко. Наши старые читатели подходили к Киеву и Полтаве. Телеграф и почта почти не работа-

¹ Зачеркнуто: «После уже приезда П. Б. Струве были получены небольшие паевые взносы от А. А. Кокорева, А. В. Кривошеина и др. Первый раз издательство получило ссуду от командования только в последний месяц новороссийского периода. Когда точно, не помню, ибо болел сыпным тифом. Мои обязанности исполнял профессор Н. Н. Алексеев».

ли. На железных дорогах сидели большевики, грабители, разворовывавшие наши посылки.

Состав редакции в Ростове был такой: редактор В. М. Левитский, издатель Н. Н. Львов. Ближайшие сотрудники: Н. Н. Чебышев, Н. Н. Алексеев, А. А. Зноско-Боровский, А. Д. Билимович, И. Ф. Наживин, князя Е. Н. и Гр. Н. Трубецкие и В. В. Шульгин.

Военные корреспонденты: полковник Генерального штаба А. А. Лампе (Киев), Д. Тихобразов (Таганрог), А. А. Гоерц (Донская армия) и В. М. Мельницкий (Таганрог). Постоянный корреспондент в Крыму профессор Г. В. Вернадский.

С первой половины октября П. Б. Струве стал главным редактором и председателем редакционного комитета, С. С. Ольденбург — секретарем редакции и заведывающим иностранным отделом, до сих пор у нас сильно хромавшим.

Поездка в Киев

Первое время я плохо разбирался в новых условиях работы. Все помыслы были в Киеве, где осталась семья. С часу на час ждали его освобождения. Поздно вечером 18 августа в типографии появился офицер.

— Вы редактор «Великой России»? Таганрог требует к телефону. Только лично и сейчас.

Сомнений больше не было, так со штабом мы условились еще в Екатеринодаре. И действительно:

— Сегодня наши войска вошли в Киев. Поздравляю! Когда едете? Послезавтра отправляем прямой поезд с денежными знаками. Билет у финансистов достанете... Доброго пути!

Под звонкие крики мальчишек: «Подробности взятия Киева», я уехал.

Поездка в Киев меня многому научила. Сразу же пришлось столкнуться с поразительным произволом и самоуправством. С нами ехали два вагона денег, дозарезу нужных армии и населению. Товарищ министра финансов

и целый ряд военных и штатских должностных лиц. С отправкой поезда спешили страшно. И что же? Стоим на какой-то станции час, два. На следующей — опять. Все недоумевают. Наконец в Знаменке нас держат десять часов. После долгих и бурных объяснений товарища министра финансов с комендантом удалось установить, что задерживают наш поезд по специальному распоряжению занимающего какой-то высокий пост инженера Новицкого. Он, видите ли, ждет жену из Кисловодска и рассчитывает нас с ней догнать. Он и распорядился под всякими предложениями задерживать нас в пути. Я о его подвигах написал⁶³, но, кажется, без всякого успеха. А ведь нас задерживали как раз в районе восстаний. Деньги могли разграбить каждую минуту. Несколько станций пришлось ехать под охраной пулеметных команд, а в одном месте требовать даже бронепоезд. Проезжали недавно освобожденные места. Разрушение было полное и, конечно, не инженеры Новицкие могли все это восстановить. Станции были забиты измученной оборванной интеллигенцией, возвращавшейся в родные места. Наконец под Черкассами мы встретили первых киевлян. Они нам рассказали печальные новости. Тысячи убиты, оставшиеся голодают.

Надо признаться, что не только мои спутники, но и я, знавший много лучше их истинное положение на фронте, совершенно не представляли себе размеры разорения освобожденного края. Я ехал к семье с тремя фунтами какао и коробкой бисквитов. Счастливая Кубань и заваленные съестным базары Ростова так затуманили наши головы. Мы только теперь сообразили, что появление с какао и бисквитами легко могут принять за издевательство. Спасли благодетели рода человеческого, именуемые мешочниками. За две донские тысячи какой-то дезертир быстро разыскал мешок крупчатки. Мы его с торжеством втащили в вагон и затиснули под скамейку. Мои спутники таким же способом запаслись салом. Тогда шутили, что теперь едем на твердом основании и что нас встретят с цветами.

Родной Киев произвел на меня угнетающее впечатление. Со дня его освобождения прошла уже неделя,

но жизнь не налаживалась. Базары были пусты. Фунт черного хлеба стоил 140 рублей. Все постарели, осунулись. Оправиться от только что пережитых ужасов было нелегко. На залитых кровью дворах Чека еще носился тяжелый трупный запах. Интеллигенция продолжала голодать. Моя мука и какао имели шумный успех. Робко пробивались первые ростки жизни. Увы, кое-где появились и признаки знакомого по Ростову тылового разгула. Со всех сторон передавали и о безобразиях войск. Еще не отчаивались, верили, что образуется. Через несколько дней меня просили сказать несколько слов на торжественном вечере в Купеческом собрании в честь армии. С эстрады я увидел многотысячную, прекрасно одетую, веселую толпу. Было продано 15 000 билетов^{1,64}. Отдельные офицеры потонули в море панам, модных шляп, шикарных костюмов. Ничего не напоминало ни о кровавой борьбе, ни о подвигах Чека. Это был особый мир, живущий по своим, нам неизвестным законам. Всюду за столиками шли разговоры о Крыме, об отдыхе, о взятии Москвы и конце борьбы.

На следующий день меня поймал на улице полковник В. П. Барцевич. Он временно исполняющий обязанности начальника Государственной стражи.

— Возвращаетесь в Ростов?

— Да, через два-три дня.

— В таком случае сейчас же идем ко мне.

Он усадил меня за свой письменный стол и сказал, уходя:

— Вернусь через час. Читайте все, от вас секретов нет.

Через час у меня болела голова и холодели ноги.

Я добросовестно читал, и ужас и отчаянье вливались в сердце. Пробовал брать бумаги с левой стороны стола, с правой, вытаскивал из папок. Везде было одно и то же: сплошной вопль о насилиях, грабежах, мошенничествах, кражах. Действующие лица были разные: доктора, инженеры, интенданты, контрразведчики, торговцы, коопе-

¹ Зачеркнуто: «Это были все старые посетители симфонических концертов».

раторы, штабные офицеры, опять контрразведчики, железнодорожники и пр., и пр. Все грабили склады, частные дома, насиловали, воровали.

Барцевич вернулся. Мы молча посмотрели друг на друга.

— Одолеем? — спросил я после большой паузы.

— Нет, — с горечью отвечал он. — Никто не видит, что погибаем. Настоящей власти нет. Нужен дикий террор или хоть маленькая кучка честных, решительных и храбрых. На террор Деникин не решится, а честные трусливы и беспомощны. Я сам уйду, здесь сумасшедший дом. Не хотите ли проехать со мной в тюрьму? Она битком набита всеми, кроме большевиков.

От поездки в тюрьму я отказался. Расстались мы в самом мрачном настроении. Телефон настойчиво шипел о каком-то новом подвиге контрразведки. Бедный В. П. беспомощно повторял:

— Сейчас доложу. Продолжайте следить. Прием меры. Не беспокойтесь!

Через три дня я уехал с семьей в Ростов. Киев делал большие успехи. Театры были уже переполнены, рестораны и сады обратились в толкучку. Тротуары были забиты празднично-настроенной, беспечной толпой. О большевиках никто не думал, а они спокойно сидели во всех почти военных учреждениях и упорно делали свое страшное дело. Офицеры или занимались канителью «реабилитации», или недоумевали, получив вместо жалованья несколько бумажек на табак. Их семьи продолжали продавать вещи. Штабы пухли, как от водянки.

Опять не дома

В Ростове весь ушел в газетную работу. Постепенно выяснилась знакомая по Кубани картина. Армия снова была не дома. Вместо Рады безобразил Войсковой круг. Господа депутаты какими-то таинственными нитями были соединены с шайкой хищников, крупных и умных, кубанских «саломасников». Об их подвигах пусть расска-

жут лучше меня знающие местные условия. Тема «Самостийничество и грабеж в дни гражданской войны» еще ждет своего исследователя.

Масса времени и сил уходила на мелочную борьбу с местными самолюбиями и аппетитами. Сильно чувствовалась оторванность штаба, засевшего в сонном Таганроге. Город наполнялся массой новых лиц из освобожденных городов. Все они привезли с собою кучи местных нужд, обид, требований.

Общее положение

Постепенно выяснялись все новые детали безотрадной картины тогдашней «белой» России. Ростовский период борьбы еще совершенно не изучен, а между тем только он делает понятным многое из дальнейшего. Именно в Ростове быстро запутывался клубок сложных, противоречивых интересов и настроений антибольшевистской России. С каждым днем вступали в процесс новые люди и силы, менялся состав армии, сказочно росла территория. Со всех сторон собирались неудовлетворенные надежды, обманутые ожидания, упорно плелась хитрая сеть интриг, своекорыстия, жадности.

Взятая на себя армией задача освободить в несколько месяцев и вернуть к государственной жизни огромные пространства в сотни тысяч квадратных верст сама по себе была по плечу только гению невиданного в мире размаха и творческой силы. Гениев у нас не было. Во главе армии стояли честные, чистые русские люди, не искушенные в политике и плохо приспособившиеся к новым условиям. Их облепила мелкота, подталкиваемая прохвостами или сбитыми с толку книжными политиками.

«Общественные круги» Ростова усердно работали над проектами Южно-Русской Федерации, основными законами, положениями о Палатах, реформах, глубоко перепахивающих весь социальный уклад жизни. Спорили о диктатуре, о принципах децентрализации власти,

обсуждали кандидатуры, требовали, умоляли, угрожали, опять умоляли.

Интересы армии как таковой не трогали никого. Колоссальные успехи делала чисто обывательская психология. С невероятной быстротой распространялось убеждение, что армия *все может*, что конец борьбы близок. Уверяли, что всем нужно спешить, и спешили. Отдел пропаганды печатал прокламации на папиросной бумаге, в которую хотел заворачивать французские булки, бросаемые с аэропланов в Москве.

Не верили в новые попытки большевиков вернуть освобожденную территорию. Трудностей организации на местах государственного аппарата не понимали. В обывательских головах прочно сидели старые понятия. Порядок — это хороший исправник; основа социальной политики — взыскание причиненных революцией убытков; коалиция — это приглашение, кроме Ивана Ивановича, его приятеля Семена Петровича и т. д. А главное, все представлялось таким ясным, простым. Ведь «ничего особенного не произошло». Большевики просто жулики, «сволочь». Так думал в Ростове обыватель, местный и приезжий.

Не произвели надлежащего впечатления и слова генерала Деникина: *«Государство наше разрушено, разорвано на части, почти уничтожено. Создать его вновь очень трудно. В настоящее время государство не строится, а идет кровавая борьба»*.

Эти простые истины были одинаково чужды и крайним правым, и широким кругам левонастроенной интеллигенции. Все хотели сейчас же, наспех, во что бы то ни стало строить. Каждый по-своему, ругаясь с ближайшим соседом, вытаскивая старые программы. Знания подлинной жизни и способностей к творчеству в совершенно необычных условиях ни у кого не было.

Все старания «Великой России» указать на действительное положение вещей встречались с недоумением. Напрасно Шульгин повторял, что «во избежание горьких и опасных разочарований нужно дать себе ясный отчет в том, что *никаких чудес не будет*. Сжечь дом можно

в одну минуту, а строить нужно уже целый год». («Великая Россия», № 294)⁶⁵.

Без всякого успеха Струве призывал к перестройке тыла, считаясь с боевой обстановкой, и указывал, что выше всего необходимо поставить интересы армии, а я сообщал об упорной работе в нашем тылу большевиков, украинцев-самостийников и махновцев.

Легкомысленное ликование и мелкая тыловая возня продолжались. Шкура неубитого медведя вскружила головы. Именно в эти дни головокружительного, смертельного успеха на фронтах ясно обозначилось полное одиночество и отчужденность идейных руководителей Белой армии. С каждым днем положение запутывалось. В тылу уже было совсем неблагоприятно, когда еще с небывалой быстротой фронт катился вперед. Напомню: после взятого 18 августа Киева 1 сентября пал Курск, 30-го — Орел, за ним — Воронеж, успешно отстояли Царицын. С фронта доходили вести о страшных потерях, о недостатке пополнений, обмундирования, продовольствия, денег, о начавшемся моральном разложении измученных и всеми брошенных. Тыл на них не обращал никакого внимания. В освобожденных местах волна подъема была невысока. После нескольких дней ликования наступали хмурые будни, дразги и недовольство.

Не лучше были корреспонденции из Киева и Новороссии.

Власть на местах

На местах бушевала анархия. Очень часто генерала Деникина упрекают в неумении использовать при организации власти на местах местных людей. Эти упреки свидетельствуют только об обычном у нас полном незнании действительного положения. Весь-то ужас и был в том, что на местах почти никого не осталось, а оставшиеся не хотели работать. В самом деле. Представьте себе реально средний русский уезд довоенного периода. Лучше всего возьмите старый земский ад-

рес-календарь, прочтите его внимательно и сосчитайте. Имейте в виду следующие данные. По официальным большевистским сведениям, к тому времени они уже успели расстрелять от 50 до 75 человек интеллигенции на уезд. Прибавьте убитых в Великую войну, бежавших за границу, погибших при восстаниях Махно и др., увенченных в качестве заложников, умерших и пр. Теперь считайте, что нашла армия на местах. Откуда же было взять «авторитетных местных общественных деятелей»? Одно время советовали опереться на городские думы и земские собрания состава 1917 года. Пробовали, ничего не выходило. В 1922 году вряд ли уже кто-нибудь сомневается, что социалистические гласные никогда ни у кого, кроме своих партийных товарищей, авторитетом не пользовались. Предлагали организовать на местах крестьянское царство, как бы по позднее придуманному лозунгу: «Советы без коммунистов».

Но ведь бесспорно, что в несколько дней крестьянство организовать было невозможно. А власть именно приходилось лепить в несколько дней, иногда часов, этого требовали интересы фронта.

Приходилось считаться и с бесспорным фактом сохранения в темных массах большевистского угара. Он не был изжит до конца: мелкие вспышки продолжались повсюду. Приказ Троцкого был исполнен: в городах остались крупные большевистские агитаторы.

По деревням безобразили десятки мелких атаманчиков и шаек. Деревня не только не могла справиться сама, но настойчиво требовала все новой и новой помощи от центра. В крупных центрах быстро выползла на свет Божий вся бестолковщина времен Керенского; социалистические думы, профессиональные союзы рабочих и партийные левые группировки, сразу занявшие враждебную армии позицию. Национального подъема не было, а только он мог примирить интересы и наладить творческую работу. Искусственно создать его никому не было по силам.

Все это не значит, конечно, что Ростов был безгрешен. Нет, посылаемые им на места люди из рук вон были плохи.

Но худших выбирали из плохих. Хороших не было. Да даже, собственно, и выбирать-то не трудились, просто распахивали, кто под руку попадался.

Власть была определенно слаба.

Генерал Деникин оказался неспособным провести в жизнь идею военной диктатуры железной рукой. Его можно упрекнуть в мягкости и деликатности. Но уж никак не в «сатраповских замашках»¹.

У интеллигенции угар еще тоже не прошел. В качестве примера тогдашних интеллигентских настроений приведу проект старого кадета академика В. И. Вернадского об организации власти на местах. Проект этот был напечатан в «Донской речи». Господин Вернадский предлагал власть организовать так. Им были выдвинуты следующие основные принципы: 1. Уничтожение всякого вмешательства в местную жизнь военной власти. 2. Лишение центральной власти права назначать местных представителей власти и 3. Передача всей власти на местах в руки коллектива, в который должны входить и представители профессиональных рабочих союзов.

Все это предлагалось сделать немедленно, в самый разгар кровавой, страшно затянувшейся войны. Интересно, какой главнокомандующий в любой стране согласился бы при такой организации власти на местах вести войну? Такой сумбур был в головах почтенных кадетских академиков.

Более левые определяли задачи момента совершенно ясно.

В социалистической харьковской «Южной газете» было напечатано: «Необходимо всю энергию направить на усиление *стачкоспособности* рабочих, на укрепление боевых фронтов».

Казачество переживало период увлечений своекорыстной уездной политикой и все больше запутывалось вокруг трех сосен. Претензии местных наполеонов и гладстонов были непомерны.

¹ Зачеркнуто: «как любят делать левые».

Новые фронты в тылу

Как и следовало ожидать, первые сокрушающие удары были нанесены армии из тыла. Только месяца полтора Ростов прожил спокойно. К началу октября уже ясно обозначились два новых фронта: против Махно и против кубанцев-самостийников. Проиграв широко задуманную операцию под Царицыном, большевики к этому времени удесятерили свои усилия в тылу для развала Кубани.

Махно тогда захватил Екатеринослав и чуть было не взял Таганрог. Бердянские склады были им разграблены. О событиях на Кубани остановлюсь подробнее.

Работа большевиков на Кубани, собственно говоря, никогда не прекращалась. Еще в июле месяце 1919 года были захвачены документы красно-зеленого штаба, оперировавшего под Новороссийском и Анапой. Никогда не порывали большевики и прочных связей с самостийниками. В начале 1919 года, после какой-то домашней ссоры, в газете «Голос Кубани» был напечатан полный список членов Рады, находящихся в деловых отношениях с красными. Разговоров было много, но все осталось в прежнем положении. С уходом армии с Кубани борьба с большевистскими агентами фактически почти прекратилась, их защищали свои люди из правительства. Тяжелые бои под Царицыном, потребовавшие нового напряжения сил уже понесших громадные потери кубанских казаков, большевиками были использованы вовсю. Уже в августе по станицам разъезжали большевистские агитаторы и уверяли, что Царицын взят, что все кубанцы в плену, Шкуро убит, а на Кубань, по их словам, идет 120-тысячная китайская Красная армия и т. п.

В конце сентября окончательно выяснилось, что во главе всей агитации за развал армии стала небольшая, но сплоченная группа членов Рады.

Генерал Науменко принужден был уйти⁶⁶. Самостийники предприняли систематический объезд станиц и всюду агитировали против генералов и армии «картузников». Это привело, прежде всего, к невероятному усилению дезертирства и прекращению пополнений.

Атаман был обессилен, подвергался оскорблениям. Началась усиленная агитация за замену его Бычом. Одновременно велась агитация против казаков в среде «иногородних» (крестьян), зашевелились и старики. Борьба между умеренной фракцией («линейцы») и крайними самостийниками («черноморцы») достигла высшего напряжения. На Кубани воцарился хаос. Все лозунги до такой степени перепутались, что никто уж не мог разобрать, где кончается самостийник и начинается большевик. Например, рядом с фразой «Уходите от Деникина, он не дает нам ничего из добычи» спокойно заявляли на собрании: «Деникин везет с собой царя, а всемирную революцию может спасти только русский и немецкий пролетариат!» 1 октября свою агитационную речь в станице Новошербиновской И. Макаренко начал такой фразой: «Идет батько Махно и бьет добровольцев». А кончил ее жалобами на то, что Деникин не дает им печатать своих денег. В другом случае члены Рады с торжеством сообщали, что «в Москве большевиков нет, а за границей всюду большевики, и нам нужно тихонько сидеть здесь, а то попадет».

Другой оратор тут же утверждал: «Мы большевиков начисто побили, всю Кубань очистили, треба войну кончать и замириться, они тоже люди» — и т. д.

Недаром старики говорили: «Як дома, человек как человек, а у Раду пойде — сдуріє!» Большевизация самостийничества стала совершившимся фактом. Все зигзаги невежества, глупости и прямого предательства сходились в одном пункте: «*Будет, повоювали!*»

Кубань быстро шла навстречу новому рецидиву большевизма.

Спокойно смотреть на полный развал тыла Кавказской армии Главное командование не могло. Положение атамана стало тоже нестерпимо, и на 24 октября он созвал Краевую раду.

Неожиданно дальнейшие события развернулись так. 20 октября был напечатан в «Великой России» и других газетах текст «Договора дружбы», заключенного в июле в Париже между кубанской делегацией (во главе с Бычом) и Союзом горских народов (Меджлисом), перед

тем воевавшим с терскими казаками. Договор этот подтверждал полную политическую независимость Кубани и Союза горских народов. Это было не только предательство по отношению к России, но и прямой удар по Терскому войску.

Главное командование решило дать на этом договоре бой самостийникам. Конечно, этот договор был только поводом, может быть, и неудачным, но избежать столкновения все равно было совершенно невозможно. При малейшем промедлении Кавказская армия, брошенная без продовольствия и пополнений, погибла бы.

Несмотря на все настояния атамана, Рада отказалась немедленно обсудить поступок своей делегации и перешла к «очередным делам».

Это был маневр. Самостийники спешно вызвали войсковые части с фронта и начали готовиться к вооруженной борьбе. 25 октября генерал Деникин послал телеграмму о предании военно-полевому суду за измену всех подписавших договор кубанцев. Кубанское правительство и атаман в ответ сообщили, что никакого договора с Меджлисом они не заключали и что официально кубанскому правительству до сих пор ничего о подписании этого договора кубанской мирной делегацией неизвестно. Это писалось тогда, когда один из членов делегации, подписавший договор, А. Кулабухов, принимал участие в заседаниях Рады.

28 октября в Раде было доложено о прибытии в Екатеринодар с фронта войсковых частей. Части¹ не были осведомлены о цели своего вызова. Рада окружила себя патрулями. 29-го в Раде напряжение достигло высшего предела. После речи атамана (по конституции он что-то вроде президента или выборного короля) раздались крики: «Под суд атамана! Нет у нас атамана!»

31 октября в Раде выступил хорунжий Подпельск, приветствовавший Раду от имени бросивших фронт войск. «Все казаки, — сказал он, — крепко держат штык и шашку, и пока мы здесь, вы смело работайте на пользу

¹ Зачеркнуто: «прибыли в адрес члена Рады полковника Чекалова и».

родному краю». После его речи Рада вынесла новый протест против приказа генерала Деникина.

2 ноября в Раде были оглашены две телеграммы главнокомандующего о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии и о назначении генерала Покровского командующим войсками тылового района.

2–5 ноября обе стороны с лихорадочной поспешностью готовились к борьбе.

6 ноября в Раду в сопровождении конвоя явился генерал Покровский и потребовал снять охранявшие Раду воинские части и выдать ему девять человек членов Рады во главе с И. Макаренкой. Рада подчинилась. Депутаты были арестованы. По приговору военно-полевого суда Кулабухов был повешен «за измену Родине и казачеству», остальные — высланы за границу. 7 ноября Рада бурными приветствиями встретила генерала Врангеля и выслушала его речь стоя.

Началась спешная отправка казаков на фронт. Атаманом был выбран генерал Успенский.

Нелады в Главном командовании и развал армии

Беда никогда не приходит одна. Только кое-как отбили большевистско-самостийническое наступление на Кубани, как с фронта посыпались телеграммы одна тревожнее другой. Большевики теснили донцов и переходили к общему наступлению на всем фронте. В редакции «Великой России» всегда придавали исключительное значение именно чисто военной организации борьбы с большевизмом и потому сразу поняли, что надвигается серьезная опасность. Мы знали, что политику делали успехи на поле битв, а не наоборот. Знали, что исход борьбы зависит от числа пушек и снарядов, а не от деклараций или законопроектов. А тут еще нелады в Ставке.

О неладах в Главном командовании знали давно. Вкратце история этой беды такова. Не касаясь чисто военных

подробностей, позволю себе восстановить только общую картину. У меня уцелели все копии важнейших писем генерала Деникина, генерала Врангеля и Романовского, касающиеся этого вопроса. Дело в следующем. Между генералом Врангелем и генералом Деникиным давно существовало резкое расхождение по вопросу об общем стратегическом плане наступления. Еще 4 апреля генерал Врангель писал: «Главным и единственным нашим операционным направлением полагаю должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с адмиралом Колчаком. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно в нескольких операционных направлениях невозможны. Полагал бы, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, наносить главный удар Кавказской армией. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него так часто выпускаемую нами из рук инициативу».

В то же время начальник штаба Кавказской армии генерал Юзефович доносил главнокомандующему: «Дальнейшее расширение нашего фронта опасно. Необходимо немедленно же сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3–4 корпуса и действовать в кратчайшем на Москву направлении».

Этот план одобрен не был. Войска пошли на Киев. Это привело к сильному охлаждению отношений самых крупных вождей.

29 июля из города Камышина генерал Врангель писал генералу Деникину:

«1) Ежедневно телеграфирую о крайней нужде армии в хлебе, доходящей до катастрофического положения.

2) Несмотря на неоднократные мои телеграммы о снабжении полевого казначейства Кавказской армии денежными знаками, не получаю никакого ответа.

3) Несмотря на мои телеграммы о высылке трехдюймовых снарядов, ответа нет, более месяца армия не получает снарядов, расходуя трофейные.

Вот горькая неприкрашенная правда. Кавказская армия подорвана непосильной работой. Обескровленная,

нищая и голодная, она сильна только своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел, испытывать ее бесконечно нельзя. После боя 28 июля в 4-м Конном корпусе осталось 12 снарядов, а в главном артиллерийском армейском парке — ни одного».

Дальше уже шли упреки. «В то время как, — писал генерал Врангель, — у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за честь одной родины оборванные, босые, простоволосые и голодные. Быть может, причина несчастий моей армии кроется в том, что я, а не другой стою во главе ее. ...Мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачом ее, не дает мне покоя».

Ответ генерала Деникина, написанный 10 августа (№ 11686), представляет из себя как бы краткую историю Добровольческой армии. Приведу наиболее характерные места. «Упрек в несправедливости впервые слышу от Вас, — пишет главнокомандующий. — Когда я принял командование, армия имела едва 10–20 выстрелов на орудие. Патронов в запасе не было совсем. Вся история армии имеет характер упорной, героической борьбы материально нищей, но богатой духом армии. Вопросы снабжения действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе, при самостоятельности кубанцев выше моих сил.

Все меры, какие возможно, принимаются. Но вместе с тем Вы смотрите на довольствие трофейными снарядами как на нечто ненормальное. Нет, это вполне нормальное явление, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имели этого источника.

...Издали у других все кажется лучше. Вам кажется, что Добровольческая армия идет, не встречая сопротивления, но вы не учитываете, что в то время, как Кавказская армия занимает фронт в 40 верст, в это время фронт Добровольческой армии почти 800 верст. ...Вы пишете: в то время как там у Харькова... войска одеты и т. д. (см. выше), генерал Юзефович пишет о войсках, которым я, по-вашему, особо благоприятствую: "Надо их попол-

нить, дать им отдохнуть, сохранить этих великих страстотерпцев, босых, раздетых, вшивых, нищих, но великих духом, на своих плечах, своим потом и кровью закладывающих будущее нашей Родины — сохранить для будущего. И эти бессмертные могут стать смертными». И Вы знаете, что этим страстотерпцам ни одного дня отдыха не было дано».

И вдруг после этого потрясающего изложения настоящего положения армий совершенно неожиданное заключение. Генерал Деникин пишет: *«Неужели же теперь, когда перед нами огромные перспективы в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только на Саратов?»*

Упреки генерала Врангеля, видимо, глубоко задели главнокомандующего. Свой ответ он кончает так. «Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интриги и сплетни уже давно плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают, и я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят».

Это письмо многое объясняет. Оно вводит нас в круг мыслей человека с твердо установившимися взглядами, что голодная, истекающая кровью армия без снарядов и пополнений должна совершать новые подвиги. Особенно характерен этот вопрос: *«Неужели же теперь?»* Да, у вас босы и голодны, у вас нет снарядов, но у добровольцев тоже ничего нет, да еще фронт в 800 верст. Его можно увеличить вдвое, так *«неужели же теперь, когда перед нами огромные перспективы»* и т. д.

Над этим замечательным письмом следует серьезно задуматься¹.

Покорные воле своего вождя, голодные и раздетые войска пошли дальше. Дошли до Орла и Воронежа... и покатились назад.

Расплата наступила скоро. Весь октябрь шли кровопролитнейшие бои.

¹ Зачеркнуто: «В другом месте я его опубликую полностью». Полный текст писем см. в Приложении наст. изд.

С каждым днем положение на фронте становилось все серьезнее. Наши войска начали общее отступление. Не успела еще закончиться ликвидация наступления самостийников на Кубань, как со всех сторон тыла начали поступать сведения о полном развале. 11 ноября, наконец, и главнокомандующий признал официально серьезность положения.

Он писал: «Русская армия в непомерно тяжелых боях льет кровь за освобождение России, за счастье народа, за лучшую долю казачью, а в то же время безудержное политиканство, грабеж, симуляция, шкурничество разрушают все, что создает фронт. ...Перед лицом смертельной опасности, угрожающей делу спасения России, я призываю командующих армиями, правительственные власти, войсковых атаманов, войсковые круги и рады помочь мне суровыми и беспощадными мерами *расчистить тыл*».

Приказ этот выполнить было некому. Тыл расчистить сам себя не мог, а подорванная непосильными боями и лишениями армия не только не могла выделить часть сил для борьбы в тылу, но сама нуждалась в немедленной помощи. Этой помощи дано не было, взять ее было неоткуда, и все дело шло быстрыми шагами к полному развалу.

В редакции «Великой России», как я уже говорил, считали, что первую роль играли чисто стратегические ошибки. Но, конечно, было и много других причин, погубивших дело Алексеева и Корнилова. Наряду с несогласиями в Главном командовании, отмеченными выше, с невероятной быстротой разваливались и низы армии. Здесь мы подходим к ужасному процессу обращения героев в грабителей, нищих в мародеров.

Бросив свои армии без продовольствия и снабжения в Юго-Западный край, и дальше на Курск и Воронеж, генерал Деникин должен был, конечно, считаться с неизбежностью так называемого «самоснабжения армии». Но, видимо, и для него были полной неожиданностью те сведения, которые начали поступать из прифронтовых полос. Уже здесь, в Сербии, мне принесли чудом уцелев-

ший доклад полтавского губернатора с подлинными резолюциями генерала Деникина. На обложке сохранилась такая надпись: «Надо серьезно бороться. Главному военному прокурору. Надлежит употребить все усилия, чтобы перевешать всех отмеченных лиц, того заслуживающих».

Доклад ярко рисует положение освобожденной губернии. «В процессе организации власти, — пишет губернатор, — пришлось, прежде всего, столкнуться с недостатком пригодных для того людей. Все наиболее смелое, активное и деятельное ушло в армию. Ко времени налаживания тыла выбор оказался очень незначительный. Насилия, грабежи и террор по деревням, отсутствие вооружения, седел, материальной обеспеченности — все делает службу непривлекательной и опасной».

Дальше идет голый перечень фактов: 4 октября банда сделала налет на Полтаву; выбитая из города, она прошла Гадячский, Зеньковский, Миргородский, Полтавский, Кобелянский уезды. 6 октября бандами без боя был занят г. Хорол, 8 октября из Переяслава бежали власти и гарнизон, 2 ноября шайка на несколько часов завладела городом. 29 октября из города Лубны начальник уезда телеграфирует: «По границе Хорольского и Кременчугского уездов движутся банды, по ночам вспыхивают ракеты и слышны выстрелы» — и т. д. В приложении к докладу на нескольких страницах приведены ужасающие случаи безобразий тыловых воинских частей. 12 октября в Лубнах полковник князь Гедройц разоружает Государственную стражу. Заместитель коменданта в Хороле арестовывал начальника стражи и т. д. Начальник Пирятинского уезда доносит: «Население в панике от ночных и дневных грабежей, налетов и насилий, чинимых расквартированным в городе лейб-гвардии 2-м сводным полком».

Из Лубен сообщают: «Части 1-го сводно-гвардейского полка бесплатно реквизируют продовольствие, скот, имущество и деньги». Дальше идет перечисление бесконечных краж и грабежей и заканчивается приведением телеграмм из уездов одинакового содержания: «При явном попустительстве командного состава насилия, грабежи и незаконные реквизиции не прекращаются».

Приведу только несколько наиболее ярких примеров. «12 октября из Обуховского завода прибыл в Хорол отряд Уланского полка под командой ротмистра Римского-Корсакова, ночью под видом обысков занялся грабежами». Резолюция генерала Деникина: «Вызвать и, если правда, повесить».

20 октября из Лохвицы телеграфируют: «200 солдат Измайловского полка под командой капитана Бай-Хронова разгромили еврейские лавки». Резолюция генерала Деникина: «Разобрать, если правда, повесить».

26 октября солдаты карательного отряда из гарнизона Пирятина ограбили двух крестьян. Резолюция: «Разобрать и перевешать».

«В имении Червинского офицер хозяйственной части лейб-гвардии Измайловского полка в присутствии помещика и крестьян приказал солдатам не трогать ничего у помещика, а что нужно брать у крестьян». Резолюция: «Вызвать начальника хозяйственной части, разобрать и, если правда, повесить».

14 сентября отряд Егерского полка так успешно ловил коммунистов и бандитов, что на подробном описании их подвигов генерал Деникин написал только одно слово: «Повесить».

Конечно, резолюции главнокомандующего остались без исполнения. Не до того было. Доклад попал к нему только в половине декабря. До каких размеров к тому времени уже дошел развал армии, видно из следующих документов. 9 декабря из Юзовки генерал Врангель подал главнокомандующему рапорт, в котором пишет: «Гоняясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая удержать все и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми. Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами. Война обратилась в средство наживы, а довольствие — в грабеж и спекуляцию. Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров. Некоторые части имели до 200 вагонов под своими полковыми

запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи, по товарообмену и т. п. Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов. В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом "самоснабжения", оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников (намек на генерала Май-Маевского. — В. Л.), кутежи и бросание денег которых происходили на глазах у всей армии. Я застал штаб армии уже покинувшим Харьков и армию в полном отступлении. Эвакуация велась хаотически. Станции оказались забитыми огромными составами разных частей. Санитарные поезда неделями стояли неразгруженными. Раненые по три дня не получали пищи. На всем пути в тылу армии орудуют шайки, портящие пути и нападающие на раненых и обозы. В боевом составе армии ко дню моего прибытия числилось: в 1-м корпусе — 2600 штыков, в 5-м Кавказском корпусе — 1015 сабель, в Полтавской группе — 1000 штыков и 200 сабель, в конной группе — 3500 сабель, всего — 3600 штыков и 4700 сабель. Артиллерия почти вся выбыла из строя. Силы противника — 51 000 штыков, и 7000 сабель, и 205 орудий. Войска переутомлены до крайности, лошади изнурены совершенно, артиллерия и обозы сплошь и рядом бросаются. Надо иметь мужество глянуть правде в глаза и быть готовым к новым испытаниям. В предвидении их считаю необходимым: 1. Выбрать одно операционное направление; 2. Разгрузить Ростов и Таганрог; 3. Подготовить в тылу укрепленные позиции; и т. д.»

К рапорту приложены были донесения генералов Улагая и Науменко. Первый сообщал: «Разбогатевшая награбленным имуществом, потрясенная непрерывными неудачами, конница совершенно не желает сражаться. Часто несколько эскадронов гонят целую дивизию. Я уже доносил и теперь повторяю, что, в общем, у нас конницы нет». А второй это положение иллюстрировал таким примером: «8 декабря в 13 часов 10-я Донская дивизия ушла

под впечатлением большой колонны конницы, бегство не поддается описанию. Колонна донцов бежала, преследуемая одним полком. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов. Пока выяснилось, что брошены орудия 12, 8 и 20-й Донских батарей» — и т. д.

11 декабря генерал Врангель доносил: «События развиваются с чрезвычайной быстротой, и неблагоприятно сложившаяся для нас на фронте обстановка становится грозной. Наш фронт разрезан пополам. Полагаю необходимым первую группу отводить на линию рек Сал и Дона, левую — в Крым, спешно укрепляя подступы к нему».

Фронт у Ростова

Так погибал фронт, в тылу была невообразимая паника, но были и тысячи равнодушных. Помню, как в половине декабря, получив особенно тревожные телеграммы с фронта, вышел из редакции на Садовую¹.

Все тротуары были запружены многотысячной толпой. Около синематографов стояла сплошная стена ждавших очереди. В толпе было много молодежи. Со всех сторон сыпались циничные шутки, слышался смех. Никаких признаков беспокойства не было заметно. Это все были нейтральные абсолютно ко всему, кроме веселого времяпрепровождения, равнодушные люди.

О борьбе они не думали. Фронт *«надоел»*. Вообще, Ростов был в эти дни как капля воды похож на Киев в последние дни гетмана.

Скоро и нашей редакции пришлось подумать об эвакуации. Город был уже переполнен беженцами. Учреждения уезжали. Упорно говорили, что будет дан бой у самого Ростова. После 20-го остались только П. Б. Струве и я. Я был так уверен, что Ростов не сдадут, что до последней минуты уговаривал семью остаться. К счастью, меня

¹ Зачеркнуто: «Знакомые расспрашивали о последних боях, мы встали в стороне и беседовали».

не послушали и ее увезли. Начались незабываемые «последние дни Ростова».

Это был сплошной кошмар.

Улицы были забиты бесконечными обозами. Ехали женщины, дети, солдаты, раненые, здоровые, везли какие-то мешки, столы, тюки, корзины. Иногда обозы останавливались. Из расспросов выяснялось, что едут на Кубань. Были повозки из-под Курска, Харькова, Полтавы. Ехали месяц, два. За ними потянулись войска, озлобленные, голодные, усталые.

Как на фильме у режиссера с неисчерпаемой фантазией, одна за другой разворачивались жуткие картины всеобщего развала. На доблести и крови созданное дело рушилось со сказочной быстротой.

Где-то в глубине души все еще тлела надежда, что потеряно не все. Екатеринодар был хорошей школой. Сколько раз там выходили благополучно из невероятных затруднений.

О страшной глубине падения настойчиво напоминали посиневшие, тихонько покачивавшиеся трупы повешенных. Они преследовали всюду. На главных улицах, у вокзала, на базаре. Кто и за что убивал, никто не знал. Одного называли карманщиком, другого — большевиком. Какую-то торговку — спекулянтшей. Вешали солдаты прямо тут же, на улице, в присутствии толпы, детей, на деревьях. Трупы не убирали по несколько дней. Эти мертвые лица, чуть возвышающиеся над толпой, среди трамваев, повозок, идущей с базара прислуги производили потрясающее впечатление.

Наконец, настал последний день — 26 декабря.

Бой шел невдалеке. Часов в пять вместе с П. Б. Струве пошли на вокзал в поезд генерала Кутепова. В вагон к командующему вошел П. Б. один, вернувшись, заявил, что ничего катастрофического на фронте не случилось. Как потом оказалось, через 15 минут после нас была получена телеграмма об оставлении фронта корпусом генерала Мамонтова, самовольно переправившегося через Дон. Успокоенный, пошел в типографию, решив выпустить № на 27 декабря. Разрывы уже ясно были слышны. Часа через два, взволнованный, пришел П. Б.:

— Через несколько часов большевики будут здесь, собирайтесь!

Взяв несколько пар белья в английский мешок, отправился на вокзал. Через улицу не было никакой возможности перейти. Обозы и части шли сплошной массой. Вероятно, так бы и остался здесь до утра, если бы не патруль юнкеров, которым тоже нужно было к вокзалу. Кое-как добрались. С нами был еще заведывающий хозяйством и один из выпускающих. На вокзале — мертвая тишина. Стояли поезда начальника военных сообщений Тихменева и генерала Лукомского. Решили идти пешком. В темноте натолкнулись на караул.

— Сюда нельзя — это вагон государственного контролера.

Я назвал свою фамилию и попросил доложить. Через пять минуты все мы размещались по верхним полкам. Милый В. А. Степанов даже извинялся на тесноту. П. Б. Струве приютил Тихменев.

У Дона пылали склады. Со стороны Новочеркасска и Нахичевани рвалась шрапнель.

Кругом все замерло. Наконец, в 11 часов мы тронулись.

У Батайска нагнали толпы шедших пешком. Было холодно. Дул сильный ветер, и шел мокрый снег. Сколько могли, еще пустили¹.

На следующий день были уже в Екатеринодаре, обогнав все поезда, вышедшие за день и за два раньше.

Много можно найти объяснений этого невероятно-го краха под Ростовом. Думается, что многое объясняется особенностями характера генерала Деникина. Это был удивительный диктатор, ненавидящий свои диктаторские обязанности. Он совершенно серьезно мечтал скорее дойти до Москвы, чтобы поселиться под Киевом в Боярке на принадлежавшей ему одной десяatine земли и заняться разведением домашней птицы и капусты. Он оказался совершенно неспособным изворачиваться, цеп-

¹ Зачеркнуто: «Только тут я понял, что в своем летнем пальто далеко бы не ушел».

латься за власть, вырывать ее зубами. Он «сдал», махнул рукой. Многое, как говорят хорошо знавшие положение, можно было тогда спасти. В этом — идти, так до Москвы, отступать, так до Новороссийска, — есть какая-то глубоко русская черта. Или все, или ничего.

Материал для размышлений историков на тему о бескорыстном, лично незаинтересованном диктаторе.

В Екатеринодаре было столпотворение. Самостийники опять подняли голову. Только здесь узнали, во что обошлось армии оставление Ростова. Выражаясь кратко, ухитрились погубить все самое ценное до танков включительно. Людей потеряли массу.

Деморализация уцелевших была полная. Атаки большевиков отбивала только горсточка чудом уцелевших «кутеповцев», кубанцы драться не пожелали.

Через неделю выехал в Новороссийск.

ЧАСТЬ V

Новороссийск (январь — март 1920)

Город страха и смерти

Это были незабываемо тяжелые дни. Весь январь свирепствовал норд-ост. Сбивал на улицах людей, рвал провода и делал неприступным порт. Обледенелые волны с яростью бросались на берег. Робко жались тысячи полузамерших, обезумевших от страха людей. Их ряды косил тиф. Город был переполнен до последней возможности. С каждым днем все трудней было достать кусок хлеба. Углы и сараи, квартир не было, [они] были доступны только «валютчикам».

Армия еще отбивалась у Ростова. Генералу Кутепову удалось даже на несколько дней взять Ростов обратно и спасти жизнь еще нескольким тысячам человек, отступившим затем с его войсками. У казаков было полное разложение¹. Тыл заразил своей паникой и наши части. С каждым днем все яснее становилось, что наступает последнее действие кровавой трагедии.

Газета «Великая Россия»

С невероятными трудностями я все-таки выпустил 10 января нашу газету⁶⁷. Жил «из милости» в чужой кон-

¹ Зачеркнуто: «Кубанцы сражаться не хотели».

торе на столе, помещением для редакции служил нетопленный сарай во дворе мануфактурного склада какого-то грека⁶⁸. Печаталась газета, пока не подыскивали типографии, в поезде Отдела пропаганды, стоявшего далеко за городом. Помню, как-то раз было так холодно, что три дня нельзя было набирать, стыли пальцы. Наборщики не скрывали своих большевистских симпатий, и работать с ними было почти невыносимо.

Катастрофа

На верхах перекраивали власть и серьезно продолжали играть в демократизм и соглашательство с самостоятельными.

Улица города, она была одна, с раннего утра была запружена оборванной и элегантно толпой. Сытый и голодный, богатый и нищий перемешались в одну кучу и осаждали англичан и сербов, организовавших вывоз семей за границу. Трусость и героизм, горе и ликование — все спуталось, переплелось и в диком ужасе металось по городу.

Фронт катился назад. Напрасно еще 25 декабря генерал Врангель предлагал заблаговременно перенести главную квартиру в Одессу, укрепить Крым и в дальнейшей борьбе опираться не на казаков, а на коренные русские силы. Его опять не послушали, и армия беспомощно толклась на Кубани, каждую минуту ожидая удара в спину. Зеленые безобразничали под самым Новороссийском. В Екатеринодаре заседала Казачья дума, перекраивая власть. Все окончательно запутывалось.

Новороссийск жил слухами о возможности перехода власти к генералу Врангелю. Генералы Деникин и Романовский страшно перепугались. Начались недостойные преследования самого талантливого из наших военных вождей. В конце января генерала Врангеля хотели сплавить в Одессу, назначив помощником генерала Шиллинга, затем и этого испугались. В Новороссийске за ним следили по пятам. К несчастью, переезд генерала Врангеля

в Севастополь совпал с полубольшевистским выступлением капитана Орлова. Это заставило генерала Деникина окончательно потерять голову, и 8 февраля появился его приказ об увольнении генерала Врангеля от службы. Одновременно были уволены генерал Шатилов, генерал Лукомский и адмирал Ненюков. Вся вина двух последних состояла в том, что они осмелились просить главнокомандующего о назначении генерала Врангеля главноначальствующим Новороссийской областью вместо генерала Шиллинга. Интереснее всего, что и сам Шиллинг просил его о том же. Кончилось это уж совсем позорно. Генерал Деникин просил английского адмирала Сеймура о высылке генерала Врангеля из пределов России. В ответ на это и появилось 15 февраля известное письмо генерала Врангеля, очень резкое по тону. Оно произвело в Новороссийске чрезвычайно сильное впечатление.

7 марта от начальника английской военной миссии генерала Хольмана было получено генералом Врангелем письмо следующего содержания:

«Ваше Превосходительство. Я глубоко уверен, что Ваш разрыв с генералом Деникиным явился следствием того, что Вы, как это часто бывает с искренними патриотами во время смуты, недостаточно поняли друг друга. При таких отношениях служить вместе бывает слишком тяжело.

Мне причиняет глубокую боль просить Вас оставить Крым, так как искренне веря в Ваши лучшие намерения и преданность Родине, я все же счел правильным и полезным для настоящего положения просить Вас сделать это. Я желаю Вашему Превосходительству всякого благополучия и надеюсь, что встретимся где-либо в более благоприятной обстановке, возможно, опять братьями по оружию.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем глубоком и искреннем уважении».

В комментариях такое письмо не нуждается. Вся вина за это небывалое унижение русского боевого генерала, высылаемого из родной земли иностранцем, падает, конечно, на, видимо, переставшего тогда соображать

генерала Деникина. Это его тяжкое преступление перед русской армией долго не забудется.

Генерал Врангель уехал. Конец быстро приближался.

Эпидемия тифа не прекращалась. Наша редакция несла потерю за потерей. В одну неделю тихо угас князь Е. Н. Трубецкой, и в страшных мучениях в четыре дня погиб А. А. Зноско-Боровский. Настала и моя очередь. Я заболел и скоро перенесся в Москву, ездил по родной Волге, беседовал со слонами (см. «Бред», «Русская Мысль», 1922, кн. 1-2)¹. Очнулся за несколько дней до оставления Новороссийска. Никого из редакции уже не было.

Болезнь избавила меня от присутствия при кошмарных сценах новороссийской эвакуации. Видевшие ее никогда не забудут. Это был предел человеческого падения. Торжественный гимн подлости, жадности и невероятно-го цинизма. Закончилось Новороссийском, Белое движение морально было бы бесповоротно загублено. К счастью, этого сделать большевикам не удалось. Крымское солнышко еще раз отогрело человеческие сердца.

¹ См. в Приложении наст. изд.

ЧАСТЬ VI

Севастополь (март — октябрь 1920)

Последние дни генерала Деникина

Порядочно потолкавшись, но без драки, вечером 12 марта я притащился на «Аскольд». После сыпняка плохо слушались ноги, ныла спина, но в усталой голове прочно засела радостная мысль: «Кажется, и на этот раз выцарапались!» Действительно, пароходик погалдел. погалдел, да и зашлепал винтом. Море было серое, неприветливое, но спокойное. Утром добрались до Феодосии. Сердито встретил нас Крым. Шел дождь, насквозь пробирал холодный ветер, уныло чернели горы. Под навесом у пристани раскинулся беженский табор. Старики и молодежь, больные и здоровые, женщины и кучки детишек заботливо копошились среди узлов, чемоданов и мешков. Город был забит «до отказа». Обещали несколько квадратных аршин полу в здании гимназии. Выбирать не приходилось. Все потянулись туда. Со мной же случилось самое невероятное. Когда маленький мальчик предложил помочь перенести вещи, я задал наивный и дикий вопрос:

— А комната у тебя есть?

Его ответ удвоил силы:

— Есть, идемте до мамки!

Через полчаса мы с восторгом располагались в маленькой конурке, окнами к свиному хлеву.

На следующий день пошел побродить. В городе была полная бестолочь. Базары серели пустыми ларями. На перекрестках шла бойкая торговля казенными вещами. У пекарен тянулись унылые хвосты. Кипела жизнь только в порту, оттуда бесконечной лентой тянулись толпы оборванных, усталых и голодных людей. От них узнавали все новые и новые подробности новороссийской катастрофы.

Мало хорошего принесли и следующие дни. Приехал генерал Деникин со штабом. Быстро распространилась новость: с главнокомандующим неладно. Специалисты по достоверным слухам передавали: никого не принимает, сидит один и плачет. Что-то действительно было: штаб явно нервничал. Настроение офицерства было отвратительное, всюду со злобой ругались и заявляли: «Эту комедию нужно поскорее кончать. Довольно!» По городу металась растерзанная, голодная толпа. Всем было ясно, что 30–40 тысяч приехавших Феодосия прокормить не может. Искать работу нечего было и думать. Ждали «событие». Все чаще на улицах можно было слышать: «Все равно конец, хоть бы большевики что ли скорее приходили!» Разложение казалось всеобщим. Новороссийск точно раздавил последние остатки солидарности, порвал все связи, вытравил надежды. Генерала Деникина как бы заживо похоронили. О нем старались не думать, а вспомнив, сердито отмахивались. Город жил слухами.

По вечерам мы мирно беседовали с хозяином. Это был пожилой, степенный рыбак, теперь разгружавший суда. Сообщив последние портовые новости, он любил предаваться размышлениям:

— Хорошая прежде в Крыму бывала жизнь, — говаривал он наставительно, — рыбки черпнешь и сыт. Семья большая, а сыты все. Один работал. Теперь все жилы тянем. И хозяйка подсобляет, и хлопцы не гуляют, все за хлеб. Усердие большое требуется. А все через политику. Как села эта самая свобода нашему брату, рабочему человеку, на шею, так и таскаем. И который уж год!..

Не нравилась ему и война:

— Напрасно людей бьют. Из наших кто к красным, кто к белым пошел, не вернулись, а бабы и дети пропадают.

Должны все государи и народы беспременно у нас этот беспорядок уничтожить, а то совсем пропадем, и с детьми малыми...

Государи и народы не приходили, и нам, наговорившись вдоволь, приходилось приниматься за мобилизацию скамей и табуреток, приготавливаясь на ночь. Уснуть, впрочем, бывало нелегко. Каждые полчаса первые дни домик трясся от сокрушающих ударов. Высылались хлопцы, затем подкрепление из взрослых. Начинались дипломатические переговоры с солдатами, требовавшими пустить их на ночлег. Кончались они часто тем, что вваливалась толпа оборванных и измученных людей. Удостоверившись, что у хозяина в кухне семь человек, более смирные отступали. Поупрямей свидетельствовали насыщенность и нашей комнатки. Уходя, просили хлеба и уверяли, что не спали неделю.

Иногда перебранка вдруг переходила в мирное обсуждение создавшегося положения, и тогда через несколько минут солдаты начинали располагаться в сенях, беспрекословно подчиняясь различным ограничениям их прав «по причине этих самых насекомых».

Утром начинались рассказы про ужасы и лишения отступления «до самого моря». Перенести им пришлось немало. В Феодосии они были заброшены и питались «как-нибудь».

Безобразия и грабежи в городе все же были редки. До драки дело доходило, но чаще всего все из-за тех же 2 квадратных аршин пола для ночлега. Но из забитых войсками окрестных деревень приходили печальные вести. Старик-мулла так характеризовал военному следователю положение: «Все было — ничего нет. Офицер ночевал — нет подушки. Два офицера ночевало — нет ковра. Был солдат — нет барашка. Пришел еще — давай. Стал я совсем легкий. Приди, смотри — ничего нет. Как буду жить?» «Ну, а обвиняемые», — спросил я. А они заладили одно: «На голом камне сидим, ничего не дают». И тоже спрашивают: «Как жить?»

Жить, действительно, становилось с каждым днем все труднее. Полную безнадежность положения, видимо,

сознавал и сам генерал Деникин. Ставка как-то замирала. В отсутствии личного мужества генерала Деникина упрекнуть нельзя. Уже главнокомандующий, весной 1919 года под Великокняжеской или у Торговой, он сам с пехотной целью брал под пулеметным огнем горящий мост и кричал подбежавшему офицеру:

— Это я, только, ради Бога, жене не расскажите!

Теперь силы его оставили. Авторитет был подорван. Ходили упорные слухи о готовящемся убийстве его начальника штаба генерала Романовского, которого открыто называли изменником.

Так прошла неделя.

20 марта заговорили об отъезде генерала Деникина. Скоро мне удалось узнать совершенно точно: генерал уходит, Военный совет должен избрать нового главнокомандующего. Я решил немедленно ехать в Севастополь.

Выборы и назначение генерала Врангеля

Как узнал уже позже в Севастополе, в эти дни произошло следующее. После продолжительного совещания с генералом Кутеповым, Деникин отправил 18 марта в части телеграмму с предложением прибыть 21 марта в Севастополь «для избрания преемника главнокомандующего».

Был приглашен и «высланный» за границу генерал Врангель. Хотя слухи об уходе генерала Деникина уже раньше получили широкое распространение, все растерялись. 20 и 21 марта собравшиеся на Военный совет провели в обсуждении создавшегося положения и тщетно пытались убедить генерала Деникина остаться. Впрочем, сразу же выяснилось, что если дело дойдет до выборов, то единственным кандидатом является генерал Врангель.

Между тем, получив в Константинополе от генерала Хольмана телеграмму, приглашающую генерала Врангеля, английский адмирал де-Робек тотчас же принял его у себя на броненосце. Здесь за завтраком, сильно волнуясь, адмирал неожиданно заявил, что, вопреки получен-

ной им инструкции, по долгу совести старого солдата он не считает себя вправе скрыть от генерала Врангеля содержание последней телеграммы из Лондона. В ней, как известно, генералу Деникину сообщалось о прекращении Англией всякой помощи и предлагалось прекратить борьбу и помириться с большевиками. «Это должно будет изменить ваше желание ехать», — заявил адмирал генералу Врангелю. В Крыму теперь делать нечего, через несколько дней он будет занят большевиками. Генерал Врангель, поблагодарив за сообщение, ответил, что теперь у него всякие колебания исчезли, и он должен ехать, чтобы разделить судьбу армии.

Через 12 часов английский дредноут доставил его в Севастополь. Это было днем 23 марта. Дальнейший ход работ Военного совета уже был описан несколькими авторами. Напомню, что единодушно остановившись на кандидатуре генерала Врангеля, члены Совета в конце концов добились от генерала Деникина согласия на назначение себе преемника. Вечером того же 22 марта был получен следующий приказ: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию! Деникин».

Положение Крыма

Крым всем тогда казался безнадежным. Думали, что о продолжении борьбы нечего и мечтать. Все надежды сводились к возможности вывести остатки армии. Военный совет даже удостоверил это особым актом. Надеяться, действительно, казалось, было не на что. Лондонская телеграмма была особенно больно, но она же всколыхнула и отрезвила. Предложение просить милости у московских палачей было отвергнуто с негодованием. «Лучше честно умереть!» — со слезами на глазах говорили изможденные, израненные офицеры. Ллойд Джордж, как позже в Константинополе Милюков, сыграл крупную

роль в деле сохранения русской армии. Суровая действительность между тем была такова. Кучками, по 25–50 человек, каким-то чудом на фронте держались измученные, лишенные самого необходимого 2000–2200 бойцов. В тылу был полный развал и страшная бедность. Севастополь мало чем отличался от Феодосии. Только что подавленное восстание капитана Орлова и бестолковые, сатраповские замашки генерала Слащева уничтожили последние остатки организации. Рабочие в порту волновались. Со дня на день ждали их открытого выступления. Под самым городом грабили и бесчинствовали зеленые. У Симферополя орудовали крупные татарские разбойничьи шайки. В каменоломнях у Керчи накапливались большевистские авангарды. Не была надежна и набранная с улицы команда крупных судов. Большевики вели упорную пропаганду. Прибывшие из Новороссийска части производили впечатление навсегда утративших боеспособность. Бестолковая эвакуация лишила армию самого необходимого. Никаких мер к оборудованию Крыма как базы предпринято не было. Дело доходило до того, что в порту не могли или не хотели найти нескольких десятков пудов угля, чтобы подать катер для только что приехавшего генерала Врангеля. Денег, ценностей и товаров не было. Из четырех экспедиций уцелела одна, а тут еще генерал Деникин перед уходом выдал различные эвакуационные обязательства на огромную сумму. Страшнее всего был моральный развал. Белая армия покрылась густым серым и грязным налетом. На улицах бойко торговали валютой, из казенных складов тащили открыто, торопились «на всякий случай» перестраховаться у «товарищей». Наконец, грабили и убивали в городе. Самый уход генерала Деникина был истолкован как «конец белых».

Первые шаги генерала Врангеля

Генерал Врангель сумел сразу внушить к себе доверие. Первыми подтянулись войска. Были возобновлены занятия, упорядочена военная организация, сокращены

штабы, и началась отправка на фронт. Подул свежий ветер. «Митинг» в Морском собрании кончился восторженной манифестацией в честь нового главнокомандующего. Город ожил. Сильную, живую струю почувствовали все, у кого уши не были плотно закупорены партийной ватой. Работая без отдыха, генерал Врангель сумел поднять дух и очистить Севастополь. В неделю было расформировано более 300 ненужных тыловых канцелярий и комиссий. На Нахимовском можно было видеть высокую фигуру главнокомандующего, лично распоряжавшегося разгоном тыловых крыс и передачей законным собственникам захваченных ими помещений. Налеты и грабежи были прекращены суровыми мерами. В Севастополе был казнен офицер (бывший студент, из хорошей интеллигентной семьи) и отправлен в каторжную тюрьму его брат-гимназист, напавшие с оружием в руках на крестьянина и пытавшиеся его ограбить. Через день казнили трех офицеров-грабителей в Симферополе. Эти меры вернули безопасность сотням тысяч мирных жителей и сразу же улучшили снабжение города.

5 апреля (на Пасху) удалось уже сделать первую попытку наступления и были закреплены выходы из Крыма. Впереди пехотных цепей пошли генерал Врангель, епископ Вениамин и генерал Слащев. Сейчас же началась усиленная подготовка к захвату всей Северной Таврии, которая и была начата 25 мая так успешно, что 27-го был занят Мелитополь.

Так началась семимесячная кровавая и героическая крымская эпопея. Борьба за последний в Европе клочок белой русской земли. Но я забежал несколько вперед.

Возрождение «Великой России»

Тотчас же по приезде я решил возобновить газету «Великая Россия». В штабе меня встретили очень сухо. Оказалось, что при энергичной поддержке нового начальника штаба генерала Махрова 2-й генерал-квартирмейстер Дорман (сейчас мирно торгует с большевиками)

и полковник Семинский¹ (вскоре бежал, захватив документы и печати) только что представили на утверждение главнокомандующего план создания «своих» газет. Возобновление «Великой России» разрушало все их комбинации. Мне начали усиленно предлагать ехать в Симферополь, расхваливая город и типографии. Я решительно отказался и обратился к Струве. П. Б. встретил меня сердечно и радушно. Вечером мы вместе были у главнокомандующего, и все препятствия были устранены. Начались поиски типографии, рабочих, они затянулись, и только 2 мая мне с невероятными трудностями удалось выпустить первый номер⁶⁹.

Старой редакции не было⁷⁰. П. Б. Струве не мог принимать участие в газете по своему официальному положению, Н. Н. Чебышева удалось выписать из Константинополя только через месяц. Н. Н. Львов и Н. Н. Алексеев приехали еще позже. Наконец, только в июле как снег на голову свалился В. В. Шульгин, чудом спасшийся из Одессы, чтобы вскоре опять туда же отправиться. Условия работы были очень тяжелы. Крым был отрезан от всего мира. Радио не было, его наладили много позднее. Иностранные газеты получались с оказией. Рабочие, получая постоянно крупные денежные ассигнования от большевиков, или просто отказывались от работы, предпочитая проживать на пенсии, или систематическими требованиями несуразных прибавок стремились сделать газету недоступной для населения.

Начав со 100 рублей, мы в октябре принуждены были брать за № 1000 рублей. Большевистские газеты продавались в Северной Таврии по 3 и 5 рублей. В довершение всех напастей мучила цензура. Она в Крыму была в руках совершенно невежественных людей, страдавших к тому же хроническим перепугом. Зачеркивали беспощадно, нелепо, доводя иногда до отчаянья. Очень часто буквально нельзя было выпустить №, не решившись, рискуя закрытием газеты, поместить запрещенное. Конечно, затем следовали объяснения и неприятности. В реши-

¹ Зачеркнуто: «ведавший "политикой"».

тельных случаях всегда спасал сам главнокомандующий, так было с левым «Югом России», так было несколько раз со мной. Генерала Врангеля можно было видеть когда угодно¹.

Политическую позицию газеты я старался сохранить прежней. Еще в Ростове наша редакция окончательно формулировала свой взгляд на цели борьбы и причины постигших генерала Деникина неудач. Ряд руководящих статей появился и в Новороссийске. В № 1-м я привел слова П. Б. Струве из одной из последних его статей: «Задача власти заключается в создании, упрочении и совершенствовании военной организации. Поменьше сложных и громоздких учреждений, поменьше вмешательства власти в жизнь населения, поменьше реформ, хотя бы и под аккомпанемент “демократической музыки”»⁷¹.

Положение в Крыму было мною охарактеризовано в таких выражениях:

«Борьба продолжается. Борются организованные меньшинства. Все дело в их организации. Причины пережитых неудач не в неправильности лозунгов, а в непригодности организации, оказавшейся недостаточно нравственно стойкой и сильной. Вниз нас потянуло своекорыстие и презрение к общему благу. Наше спасение в подчинении групповых и классовых интересов национальной программе Великой России.

Революция провалилась. Но нельзя поддаваться соблазну, забыть, что старая Россия умерла до 1 марта 1917 года. Ее никогда не будет вновь. Мы боремся за новую Россию. Среды суеты многомятежных годов нам еще не видно, что происходит в толще народа, но уже теперь видна победа деревни над городом. Новая Русь будет народной и, конечно, буржуазной. Нам предстоит не возврат на старые, разрушенные жизнью позиции, а упорная работа по созданию нового национального фронта»⁷².

На необходимость нового мирозерцания, проникнутого творческим национализмом, чутко прислуши-

¹ Зачеркнуто: «он всегда был на стороне пострадавших».

ваясь к голосу новой жизни, я указывал в своих статьях много раз и, должен сознаться, успеха не имел. Кругом справа и слева вытаскивали старые рецепты. Всеобщая усталость, привязанность к старым избитым дорожкам была так характерна для крымских общественных настроений. Правые газеты — «Новое время»⁷³, «Военный голос» и «Вечернее время» — вовсе не интересовались «общими вопросами». Они предпочитали специализироваться на изобличении козней масонов, ругани, а редакция последнего и на устройстве патриотических гуляний, лекций и спектаклей, дававших немалый доход. Только после моего категорического требования привлечь устроителей одного из таких предприятий к судебной ответственности эти безобразия были прекращены.

Левые — «Южные Ведомости», «Голос Юга» и «Крымский вестник» — были буквально придушены цензурой. Их программа также ничего нового, оригинального не содержала. Это были все вздохи «об условиях, при которых распыленная общественность могла бы подать свой голос». «О демократических правах населения». «О благах политической свободы» и т. п. Как нужно бороться с большевиками, они не знали — «это дело армии». «Южные ведомости» не скрывали, впрочем, своего отвращения к борьбе «вообще». Они желали «скорейшего исчезновения фронта, после чего должен наступить нормальный, т. е. демократический, строй жизни». «Крымский вестник» без устали защищал обиженных рабочих, получавших больше главкомандующего, и грудью отстаивал социалистов из городской управы, крупно проворовавшихся. В общем, печать в Крыму влачила жалкое существование. Моральный уровень газетных работников был так низок, что я в ответ на предложение Б. Суворина организовать союз редакторов, несмотря на всеобщее неудовольствие, вынужден был печатно удостоверить, «что без строгого отбора и беспощадного заклеивания позорящих русское имя никакие совместные покупки бумаги положения нашей печати не поднимут». В Крыму, кажется, первый раз за все время борьбы на Юге самые крупные оппозиционные газеты («Голос Юга» и «Крым-

ский вестник») находились в тесных и далеко не безобидных отношениях с политическими отделами иностранных миссий — английской и французской. Компетентные люди говорили мне, что они пошли на это «ввиду упорных слухов об активном германофильстве генерала Врангеля». Другая сторона предпочитает об этом молчать и, конечно, будет благородно негодовать за мою «некорректность».

Жизнь и настроения в Крыму

Работа в редакции быстро окунула меня в окружающую жизнь. Как я уже отметил, Крым совершенно не был подготовлен к продолжению борьбы. Патентованные общественные деятели перебрались из Новороссийска в безопасные места. Желающих ехать в Крым не оказалось за единичными исключениями.

«Заброшенные судьбой» первое время недоверчиво озирались по сторонам и держали чемоданы наготове «на всякий случай». Испуг был глубокий: «После Новороссийска ничему нельзя было верить». Огромная масса видных русских в Турции, Сербии, Париже предпочла «выждать». Для [описания] настроений даже бывших до сих пор активными участниками борьбы характерно полученное мною из Сербии письмо, выдержки из которого я тогда же опубликовал в «Великой России». Вот что тогда мне писали: «Приезжайте сюда. Люди нужны только здесь. У вас нужны не люди, а чудеса. Гению жизни нужен чистый воздух. Он не пойдет туда, где все пропитано миазмами гражданской войны. Хорошая русская типография здесь на Балканах или русская библиотека дадут больше, чем все усилия в Крыму».

Русский Париж тоже вначале очень подозрительно смотрел на Крым. Даже Бурцев в то время верил, что национальный русский центр должен быть создан в Париже и там «подведет итоги всему, что сделано в России, и укажет, что нужно делать». А в Праге русские в то время совершенно серьезно работали над

созданием «рупора крестьянской воли» и в детально разработанной программе новой партии ни единым словом не упомянули о существовании русской армии. Только к осени в Севастополе появились заморские, хорошо знакомые по Екатеринодару и Ростову гости.

Невероятная неразбериха царила и в головах уцелевших в Крыму культурных людей. По дачам в Ялте, Судак, Коктебеле, Алушке перетерпели большевиков несколько десятков профессорских и писательских семей. Они держались в стороне и были очень осторожны. Один из видных профессоров писал мне оттуда: «Я должен вам откровенно признаться, я выше мелких интересов нашей средней интеллигенции, интересующейся Джанкоем и Перекопом». Таврический университет тоже несколько раз, правда, неудачно, пытался обосновать нейтральную позицию «в виду возможных случайностей».

В ногу с этими высокими штатскими шла небольшая группа разочаровавшихся генералов и старых моряков. Еще в Феодосии старичок-адмирал публично развивал такую теорию, до которой он додумался сам «своей седой головой».

— Видите ли, — поучал он нас, — в физической географии сказано, что после бури Черное море успокаивается полсуток, если же с неба опустить бы на него железную решетку, то отдельные квадраты будут гладки, как стекло, через пять минут. А потому не препятствуйте новообразованиям! Разбейте Россию на маленькие кусочки, и она немедленно успокоится.

О планах, развивавшихся в Севастополе на патристических митингах, уже нечего и говорить.

Но и все это еще было довольно безвредно. Вот промышленники и капиталисты свои взгляды умели проводить в жизнь, и довольно энергично. У нас так любят «разоблачать» генералов, а настроения современных Мининых не интересуют никого. А ведь они усердно «помогали» Деникину, особенно в Ростове, тотчас же явились «спасать» Крым. Со временем, конечно, эта печальная история бессовестной эксплуатации тяжелого положения буржуазной армии со стороны крупной рус-

ской буржуазии будет подробно рассказана компетентными лицами.

Условия борьбы изменили географическое положение Крыма: он стал островом. Все самое необходимое приходилось привозить морем. От ввоза зависел исход борьбы. Посыпались десятки предложений от отечественных и иностранных негодяев. Основная мысль их была одна: всякий, кто в той или иной форме соглашался обслуживать Крым, требовал диких барышей и пускался на всевозможные уловки. Мы как-то в редакции смеялись, что революция необыкновенно благотворно повлияла на теорию и практику мошенничества, насчитывающего тысячи видов.

Сразу же обнаружился, например, интересный факт. Оказалось, что только четверть русских пароходов сохранила национальный флаг. Деятельность правлений крупных пароходств с Добровольным флотом во главе представляла из себя богатейший материал для успешной работы следователя по особо важным делам.

В торговых «сферах» самодержавно царствовала психология злостных «рвачей».

Не устояли и, казалось, самые надежные. Случайно я попал на собрание своих старых знакомых, богатейших старообрядцев. Собрались «купцы» с Волги, Заволжья, Юга. Произошел характерный обмен мнений.

— Что погибло, лучше не вспоминать, — начал беседу седой старик-лесоторговец. — Надо и нам теперь работать по-настоящему. Раньше вот дураки-то были! Верите ли, я за всю войну стыдился наживать. Капитал сосчитал, думаю, Бог с ними-то, с барышами, детям и так хватит, за честь работал! А что получилось?

— Да, кабы знать, — поддержал его киевский домовладелец, — я при Керенском по закладным заплатил, с подрядчиками рассчитался!

— А я золото в банк снес, — и т. д.

После этих воспоминаний они приступили к обсуждению планов, чтобы уже на этот раз не ошибиться.

Жалобы на свою прежнюю честность нередко раздавались и из уст рядовых служилых интеллигентов. «Помилуйте, сорок лет работал, а семья голая!» — и т. д.

«Преданность» всех этих людей зависела исключительно от содержания последнего сообщения штаба. На фронте хорошо — они хвалят, плохо — беспощадно критикуют «эти порядки».

Крымские возможности все же были широко использованы интеллигенцией и коммерсантами, и очень скоро на территории меньше одной губернии прочно обосновались комитеты, представительства, уполномоченные. Одних благотворителей было с десятков: Земский союз, Союз городов, Красный Крест, Белый Крест, комитеты Алексеевский, Георгиевский, Корниловский, Николаевский и др. Все действовали независимо, защищались от посягательств и выпрашивали крупные ассигнования из казны. Глава Белого Креста действовал так неосторожно, что ему пришлось отравиться, ибо угрожала высылка в Советскую Россию. Земский союз ухитрился не только уцелеть, но и громко прославиться уже в Константинополе.

Тяжело приходилось местному обывателю, скромному и бедному. Его мучил базар, квартирные реквизиции, недобросовестность мелкого начальства. Он стоически переносил все невзгоды и, как показали последние дни Крыма, сердечно полюбил генерала Врангеля.

Интереснейший процесс происходил в толще рабочей массы. Большевистский угар определенно проходил, хотя коммунистические организации и продолжали упорную работу и располагали большими средствами. В общем, работали добросовестно, особенно в порту, хотя «деньгу любили». Трудовая демократия, в общем, жила неплохо. Я усердно посещал народные празднества и гулянья и всегда видел хорошо одетую, веселую толпу, румяных детишек.

Зато неслужащая интеллигенция, старики, нетрудоспособные пропадали. Ужасные картины можно было наблюдать по воскресеньям на толкучке, куда сносились на продажу последние крохи.

Особый интерес представляли настроения населения во вновь освобожденных уездах. Вести оттуда доходили плохо. Приведу уцелевшие в памяти рассказы побывав-

ших в Северной Таврии друзей и наших корреспондентов. Они, прежде всего, единодушно указывали на то, что деревня резко расслоилась. Всюду появились группы приспособившихся настолько, что им материально было выгодно большевистское владычество. Других «коммуния» допекла. Они сознавали, что «пора кончать». Охотно несли жертвы для создания прочного порядка. Это были представители наиболее интеллигентной и крепкой хозяйственной массы. Они требовали настоящих учителей, агрономов, докторов, таких, чтобы «до революции свое дело понимать научились». Трагедия была в том, что армия немедленно должна была потребовать от деревни и как раз от сочувствовавших ей элементов тяжелых жертв: лошадей, подвод, хлеба. Боевая обстановка сложилась так, что вдоль и поперек всей Северной Таврии все время тасовались войска, поневоле разрушавшие крестьянское хозяйство. Вознаградить население за принесенные жертвы не сумели или, вернее, не успели, ибо косы, плуги, мануфактура начали прибывать из-за границы только перед самой эвакуацией.

Несмотря на все это, население в огромном большинстве случаев не только сердечно встречало белые полки, но и провожало их с искренним сочувствием к постигшему их несчастью. Это можно объяснить тем, что Главное командование принимало ряд самых решительных мер к охране населения от самоуправства и грабежей. Военно-судному ведомству была возвращена самостоятельность, административные гарантии были отменены. 14 апреля были образованы особые военно-судные комиссии в тылу и на самом фронте. Население охотно обращалось к ним за помощью. Мне пришлось познакомиться с некоторыми из дел этих комиссий. В огромном большинстве это были дела «о лошадях». Без лошадей армия обойтись не могла, оставалось только немедленно платить за отнятое, платили быстро и щедро. Грабежи и разбои карались сурово. Сельские сходки неоднократно составляли благодарственные адреса, радуясь «закону» и «гонению на грабителей». Интеллигенции в освобождаемых местах почти не было,

уцелевшие не успели прийти в себя¹; они, впрочем, охотно шли на службу, и в большинстве не захотели остаться, а эвакуировались за границу.

Таков был фон, на котором приходилось работать армии и флоту.

В заключение приведу еще только один факт для характеристики общественных настроений в Севастополе. Для сирот город устроил большой приют. Начали дело широко, но вскоре о нем забыли. Около ста сирот из разбитых войной семей влачили жалкое существование. Когда месяца через два после нашего появления в Крыму я посетил их, то оказалось, что в приюте не бывает *никто*. По воскресеньям приходил провести с детишками праздник только один человек, это был... американский адмирал. А ведь существовали десятки благотворительных комитетов! Только с приездом баронессы Врангель началась энергичная помощь сиротам, нашлись люди, собирались средства, спешно организовывали школы и т. д. Думские социалисты так и ограничились произнесением длинных речей.

Генерал Врангель

На этом сером фоне разрозненной и неустойчивой обывательщины, жадных спекулянтов и мелких политиканов одиноко возвышалась стройная фигура главнокомандующего. В. В. Шульгин как-то, шутя, заметил, что вождя должны по-институтски обожать, без этого его дело пропало. Генерала Врангеля обожали.

После Корнилова только ему удалось пользоваться такой любовью на фронте и в тылу. Появление генерала Врангеля в толпе всегда сопровождалось бурными овациями. Его скульптурная фигура в живописном костюме с живыми, часто веселыми, всегда внимательными и зоркими глазами производила сильное впечатление. Ему верили в дни удач, только его не оставили в минуты несчастья.

¹ Зачеркнуто: «и ничем не проявляли».

Ростовское представление о Ставке как о какой-то доброй бабушке, мирно дремавшей в сонном Таганроге и умевшей только иногда бессильно сердиться по телеграфу, рассеялось в Севастополе с первых же дней появления нового главнокомандующего.

Генерал Врангель стал центром, влияние которого все время чувствовалось на фронте и в тылу.

Работал он много и как-то весело. Имевшие возможность близко наблюдать его во время серьезных боев знают, что усталость и нерешительность ему совершенно неизвестны. Умел он работать и в тылу, не признавая 8-часового рабочего дня, заставляя много работать и других.

Первые недели, когда чудом, точно из-под земли появилась боееспособная армия и зашевелился мертвый тыл, так и остаются необъяснимыми. Как это удалось сделать одному человеку, не может себе представить никто из хорошо знавших печальное положение в те дни.

Дальше, с началом первого наступления и до последнего дня эвакуации, главнокомандующему тоже не давали ни отдыха, ни сроку. То фронт требовал напряжения всех сил, то в тылу приходилось придумывать 101-ю комбинацию, перекраивая все тот же тришкин кафтан, узкий и рваный. Генерал Врангель никогда не терялся, подбадривал еще других, и крошечный брелок, по выражению Троцкого, чудом продержался до тех пор, когда польско-советский мир не сделал всякую борьбу более немыслимой. Оперативной работы главнокомандующего я, конечно, касаться не буду. Напомню, что талантливость крымского Главного командования, блестящее выполнение остроумного плана выхода из Крыма и уничтожение конного корпуса Жлобы признали даже большевики, уложившие десятки тысяч русских людей, чтобы «раскусить крепкий орех крымского барона».

В тылу генерал Врангель ненавидел канцелярщину и деникинское бумажное подсиживание. Он никогда не боялся в решительную минуту взять всю ответственность на себя или честно заявить о своей неподготовленности разрешить тот или иной специальный вопрос.

Он многое старался делать сам и вплотную подойти к жизни и живым людям. Его рвали на части, старались использовать все возможности, чтобы урвать кусочек. Подробный разбор кучи всевозможных проектов, сыпавшихся к нему со всех концов Европы от авторитетных и неавторитетных представителей русской общности, мог бы дать любопытную, нераскрашенную партийными красками картину подлинных настроений и чаяний тогдашней белой России. Даже радостно возбужденного успехами на фронте главнокомандующего они приводили иногда в отчаянье.

Генерал Врангель решительно прекратил бессмысленные и жестокие преследования за службу в Красной армии. Тысячи пленных затем честно бились за Белое дело. Ему удалось успешно ликвидировать и старые деникинские недоразумения с казачеством. После долгих переговоров с атаманами и казачьими правительствами был заключен договор, объединивший все силы для борьбы с общим врагом. Это была большая победа личного авторитета главнокомандующего. Цели борьбы генерал Врангель отчетливо формулировал в приказе от 25 мая, встреченном сочувствием в Крыму и за границей. Он писал: «Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне русский народ. Народу — земля и воля в устройении государства. Земле — волею народа поставленный Хозяин!»

Работу генерала Врангеля в тылу можно разделить на два периода. В первый он работал, постоянно советуясь со Струве, во второй, всецело поглощенный фронтом, добровольно переуступил почти всю свою власть А. В. Кривошеину, в государственные таланты которого он, как и многие тогда, крепко уверовал.

В жуткие дни исхода из Крыма генерал Врангель держался с поразительным мужеством, которое не может забыть никто из бывших тогда в Севастополе.

Нужно еще отметить факт сохранения им авторитета на чужбине среди десятков тысяч человек до сих пор, несмотря на все пережитое. Этот авторитет так высок, что о него разбиваются все усилия большевиков и все про-

вокации слева и справа. Еще в прошлом году «врангелистами» объявили себя тысячи русских воинов, никогда в глаза не видевшие генерала Врангеля. Так было в русских военных лагерях Польши, Румынии и др.

Наши организаторские способности известны, и эта врангелевская, до сих пор единая масса, держащаяся на принципе добровольного подчинения, представляет из себя явление, невиданное в русской истории.

Крымское правительство

Тотчас же по назначении генерала Врангеля главнокомандующим всем гражданским учреждениям приказано было переехать в Севастополь. Это были жалкие остатки немудрящей деникинской власти.

История всех попыток наладить «белую власть» в Сибири, на Волге, в Северо-Западном крае, в Архангельске и на Юге заслуживает отдельного исследования. От себя скажу только, что у нас на Юге настоящей государственной власти не было ни разу. Не удалась и все попытки Деникина, не было настоящего правительства и в Крыму. Впрочем, конечно, не были им и кабинеты Львова и Керенского. Правители на Юге в огромном большинстве были честные, хорошие русские люди, более или менее удачные представители направлений, групп и настроений русской интеллигенции. Их не объединял стихийный подъем, не сковывала единая воля, до конца продуманная программа. Смело творить, авторитетно направлять в одно русло разбушевавшуюся стихию они не умели. Да может быть, этого тогда никому не было под силу?

В Крыму и выбирать-то, собственно, было не из кого. Для «преемственности», прежде всего, решили сохранить профессора Бернацкого. Правда, он уже раз тридцать доказал свою непригодность управлять финансами, но нельзя, «все-таки министр Временного правительства, это важно для заграницы!» В довершение всех несчастий он отличался поразительной трусостью и при малейшей заминке на фронте начинал готовиться

к очередной «безвестной» отлучке за границу. О нем ходила масса презабавных анекдотов.

Из крупных лиц самоотверженно, без всяких колебаний сразу же приехал П. Б. Струве. Он много и успешно работал над признанием белых русским Парижем и над улучшением международного положения врангелевского Крыма.

После долгих и трудных переговоров согласился остаться в Крыму А. В. Кривошеин. Его появление было встречено восторгом одних, открытым неудовольствием других. Со временем удастся разобраться, кто был прав. Пока ясно одно. Смелого, творческого ума, железной воли и таланта быстро схватывать и отчетливо формулировать требования жизни у покойного А. В. в Крыму уже не оказалось. От прежних лет остались только большая трудоспособность и настойчивость. Его ясный, холодный ум трезво оценивал шаткость крымского положения, веры, порыва не было. Ему деятельно помогал в работе Н. В. Савич. Остальные члены Совета при главнокомандующем, позднее переименованного в правительство Юга России, только усердно ведали своими департаментами. На первых же заседаниях обнаружилось, что за исключением двух-трех человек в правительстве «общие вопросы» никого не интересуют. Большинство честно докладывало текущие дела и молча пило чай, когда заходила речь о чем-либо действительно серьезном. Воли решительно властвовать, заставить делать по-своему, глубокого убеждения, что именно так, а не иначе и следовало поступать, у них не проявлялось. «Смотреть в корень» умели только сам главнокомандующий, П. Б. Струве, А. В. Кривошеин, да изредка В. С. Налбандов.

Все же за свое очень короткое существование эта власть сделала несколько ответственных попыток разрешить насущные вопросы жизни.

На первое место среди них нужно, конечно, поставить «Приказ о земле» 20 мая со всеми к нему дополнениями и Положение о волостных земских учреждениях. (За границей изданы в Константинополе отдельной брошюрой⁷⁴.)

В самом Крыму, собственно, никакого аграрного вопроса не было. Земельный закон, главным образом, пре-

следовал цели агитационные. Надо знать, сколько раз нашим войскам приходилось пересекать Северную Таврию, чтобы не удивляться, что провести в жизнь его не удалось. Но все сведения, поступавшие из деревни, и сильное беспокойство большевиков показывали, что в общем эта попытка разрешения труднейшей социальной русской проблемы была намечена очень удачно. Правда, хорошего исполнительного аппарата не было, на местах бывали злоупотребления, с которыми Главное командование энергично боролось. Так, через месяц после опубликования закона генералу Врангелю пришлось констатировать «неправильное понимание распоряжений об уплате аренды и скопщины» и категорически воспретить взыскание более $\frac{1}{5}$ среднего урожая. Тогда же было приказано всем войсковым частям «оказать народу деятельную помощь в уборке урожая и засеве озимых».

В основу этого закона был положен принцип «земля трудящимся на ней хозяевам». Переход земли должен был быть закреплен в наследственную собственность за выплату ее стоимости государству. Ежегодные взносы определялись в $\frac{1}{5}$ среднего урожая и взимались хлебом или его стоимостью в течение 25 лет. Проводить в жизнь этот закон должны были сами крестьяне в лице выборных на волостных сходах волостных и уездных земельных советов, в последнем участвовали и представители судебного ведомства, мировые судьи и чиновник министерства финансов. Руководили проведением реформы уездные и губернские посредники по земельным делам.

15 июля было издано «Временное положение о волостных земских учреждениях». «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответственность за порядок его ведения», — было сказано в приказе главнокомандующего. Волостное земство получило самую широкую компетенцию и избиралось сходами из всех ведущих самостоятельно полевое или полуусадебное хозяйство, не исключая и женщин, без различия сословий.

В беседе с редакторами севастопольских газет А. В. Кривошеин так определил значение этого закона: «Есть два пути государственного творчества. Гений

Великого Петра строил сверху. Начинал с Академии, Сена-та, Синода. Великолепное здание Петра рухнуло. Русскую революцию можно понимать как попытку ликвидировать задания великого преобразователя. Теперь делаются попытки начинать работу с начала, снизу, заложить новый фундамент. Все осадить к низам. К интенсивному и свободному строительству призваны новые силы, широко ставится вопрос о децентрализации всего государственного управления. Вся власть на местах передается мелкому собственнику. Вся деятельность уездного земства перенесена в волость. Мы отдали крестьянам-собственникам не только власть земскую, но и всю власть административную. Все будет зависеть от того, как покажет себя с точки зрения государственности и национальной культуры класс крестьян-собственников. Справится ли он с тяжелой задачей, выпавшей на его долю. Посмотрим, как обеспечит он церковь, какова будет его школа, больница, суд. Я лично глубоко верю в здоровый государственный смысл русской деревни. Вместе с покойным П. А. Столыпиным работал над поднятием ее благополучия. Эта вера не оставляет меня и теперь»⁷⁵.

Увы, этим ожиданиям не суждено было осуществиться. Закон начал проводиться в жизнь, когда положение на фронте уже было очень тяжелым.

Все же кое-где настроения современной деревни успели вылиться с достаточной полнотой. В Крыму этот закон произвел сильное впечатление. За проведением его в жизнь следили внимательно. Как ни странно, а смелая «ставка на деревню» встретила резкую оппозицию в среде левых земских кадетов. При обсуждении проекта особенно резко возражал против расширения власти волостного земства председатель Таврической губернской управы князь В. А. Оболенский. Он определенно народу не верил и настаивал на сохранении прежней компетенции уездных и губернских земств. Его левее и «демократичнее» оказался А. В. Кривошеин.

Жизнь показала, что он был прав. Первые же выборы волостных земельных советов показали, что деревня твердо стоит на строго государственной точке зрения. Ре-

волюционный угар прошел. Выборы проходили спокойно, с полным сознанием важности предстоящей работы. Выбирали действительно лучших. Совершенно неожиданно для всех волостные сходы с огромным уважением отнеслись к уцелевшим интеллигентным работникам на местах. Их начали приглашать нарасхват. В секретари комитетов охотнее всего выбирали местных мировых судей. Интересно отметить, что деревня научилась высоко ценить интеллигентный труд. Сходы могли по своему усмотрению назначать своим выборным должностным лица денежное за их труд вознаграждение. И вот, к нашему удивлению, если приходил интеллигентный человек, жалование ему назначалось крестьянами необыкновенно высокое. Были сходы, которые не пожалели для своего секретаря платить из своего кармана 100 тысяч в месяц, в Севастополе в то время «особа 4-го класса» получала только 60 тысяч. Поучительно и отношение крестьян к «палачам-помещикам». Закон отдавал землевладельца в полную власть схода. Сход мог дать ему землю, а мог и не дать. И здесь крестьянство оказалось на высоте. Усадьбы были возвращены всюду, без всяких разговоров. Почти везде возвращали и пахоть. Размеры возвращенного участка очень колебались, но, помню, доходили до 400 десятин, что для этих мест было очень много. Эвакуация прервала в самом интересном месте проведение в жизнь этого опыта.

Большие споры и острое недовольство вызывала в Крыму экономическая политика В. С. Налбандова. С экономикой вообще, конечно, было плохо, и неудивительно. Нужно просто чудом признать вообще, что семь месяцев существовали ничем не обеспеченные крымские бумажки. Ведь у белых, особенно вначале, ровно ничего за душой не было. А все, начиная с пушек, снарядов и обмундирования и кончая последним фунтом хлеба и сахара, приходилось покупать главным образом на иностранную валюту, по спекулятивным ценам. Отчего это удавалось, разобраться могут только специалисты. Факт остается: все ухитрялись доставать, и чем дальше, тем во все больших размерах. Займов не делали.

К осени на освобожденной территории появился хлеб. Урожай, к счастью, оказался хорошим. К использованию его в интересах армии и были направлены все усилия Налбандова. После некоторых колебаний решено было объявить что-то вроде государственной монополии на внешнюю торговлю хлебом. Эта мера была больно по карманам отечественных экспортеров, и против нее ополчились все. Генеральный бой был дан в августе на Экономическом совещании, на которое съехались по приглашению главнокомандующего из-за границы виднейшие представители промышленности и финансов (П. Л. Барк, П. Рябушинский, В. И. Гурко и др.). Налбандов в конце концов победил, его меры были одобрены. Конечно, по русскому обыкновению, при проведении этой меры в жизнь без злоупотреблений не обошлось. Особенно отличалось наше константинопольское представительство.

Остальные законы крымского правительства принципиального значения не имели и были только более или менее удачными попытками удовлетворить мелкие запросы дня.

Личный состав крымского правительственного аппарата отличался, в отличие от всех предыдущих, поразительной малочисленностью. Вознаграждение за труд было более чем скромным. Очень часто можно было видеть чиновников, подрабатывавших по ночам погрузкой угля в порту.

Флот и армия в Крыму

В Крыму тыл был все же лучше деникинского. Ростовской пропасти между благодушествующими и истекающими кровью, полузамерзшими и веселящимися здесь не было. Но все, конечно, по-прежнему держалось исключительно горстью бойцов на фронте. Тыл в лучшем случае не мешал им делать свое дело. Впервые у армии появился могучий союзник — флот. Его положение в Крыму было особое. Севастополь — город славных подвигов

Черноморского флота. Единственный, пожалуй, в России, где в интеллигентных семьях коренных жителей были живы воспоминания о вековой героической борьбе с врагами родной страны. Флот любили. Каждый корабль был для севастопольца чем-то родным и дорогим. Даже так называемое «кладбище» (испорченные немцами и союзниками старички-броненосцы) было мило и дорого по семейным воспоминаниям. Часто можно было слышать: «Наши с “Трех Святителей”», «Отец мечтал еще на “Ростислава” меня определить», — и т. д.

Несмотря на все ужасы революции, любовь к родному Андреевскому флагу не угасла. Сохранились каким-то чудом и отдельные носители славных традиций. Работали они не за страх, а за совесть. Их отличительной чертой было удивительное умение воодушевить и привязать к себе молодежь. Эти никому не известные «каперанги и кавторанги» (капитаны 1-го и 2-го ранга), лейтенанты и мичманы сразу же принялись за дело. Они показали, что может сделать горячая, бескорыстная любовь. Во все время крымской борьбы флот деятельно помогал армии. При эвакуации он спас жизнь 150 тысячам человек. Вся эта огромная работа была выполнена флотом при самых неблагоприятных условиях. Корабли были запущены. Самого необходимого нельзя было достать. Высшее начальство было не из важных. Поворачивали поставщики и т. п.

Удалась она потому, что у белого флота были прочные и сердечные связи с русской молодежью.

О белом флоте почему-то никто еще не писал, а между тем его участие в борьбе с большевиками — одна из самых красивых страниц. Это история самопожертвования и доблести молодой, интеллигентной России. Черноморский флот в 1919–1920 годах был детищем русских школьников. Мы так и звали его: «Наш гимназический флот». С первых же дней борьбы на корабли полился поток веселой, жизнерадостной учащейся молодежи. Эти дети и подростки вернули жизнь даже старым, давно не двигавшимся «галошам». При генерале Врангеле эта тяга лучшей молодежи во флот еще усилилась.

В Крыму эти гимназисты, кадеты и реалисты работали не покладая рук. Особым героизмом отличались сплошь состоявшие из учащихся команды маленьких, часто invalidных судов. Они несли самую тяжелую службу, давая удивительные примеры незаметного, повседневно-го героизма. Действия Днепровской флотилии, охрана побережья, операции в Азовском море, вся черная работа по подготовке десантов, наконец, железное мужество в дни эвакуации — всем этим мы обязаны 16–18-летним подросткам. В самые тяжелые минуты на судах «гимназического флота» жили бодро и весело. Там умели крепко, по-настоящему любить Россию, и это чувство глубоко, навсегда затаилось в груди крымских «малолетних» моряков и не угасло у них и сейчас, несмотря на все невзгоды и несчастья.

Много такой же честной, храброй и чистой молодежи было и в армии. Кое-где только уцелели «первопоходники». Уже на чужбине враждебные национальной России левые демагоги бросили крымской армии тяжелое обвинение. Они утверждают, что «идейное Белое движение окончилось в Новороссийске, в Крыму добровольцев не было, там сражались профессионалы, по привычке, из-за куска хлеба, на потеху честолюбивых генералов».

Конечно, это только гнусная клевета, кощунственно оскорбляющая прах десятков тысяч¹, отдавших свою жизнь в борьбе за Россию на полях Северной Таврии и Крымского полуострова, и честь еще сейчас страдающих от предательства в Болгарии и стойко борющихся с жизненными невзгодами в других странах.

Рядовой участник борьбы в Крыму был все тот же «серый герой», поднявший меч по призыву Корнилова и Алексеева. Его психология по-прежнему была проникнута самопожертвованием, чувством непонятным и органически чуждым своекорыстным и циничным левым реальным политикам. По личным качествам крымский офицер даже выгодно отличался от деникинского, времен отступления от Орла и Курска. Не было в крымской

¹ Зачеркнуто: «честных русских людей».

армии и пресловутого Шкуро или Покровского. Звезда Слащева тоже скоро закатилась, хотя убрать его и было нелегко. Основное настроение офицерства было все то же екатеринодарское: «Потом будет хорошо, а нам нужно умирать!» И они умирали, так же просто и спокойно, как и в кубанских степях. Правда, тяжелые испытания угасили екатеринодарскую веру в скорое торжество Белого дела. Восторга, легкомыслия не было. В боевых частях более сознательно относились к общему политическому положению. Хорошо знали, что своими силами Крым победить не может. Сильна была надежда на поляков, на восстания. Коренной перелом в психологии произошел при первых же известиях о польско-советском мире. Все тогда же поняли, что больше надеяться не на что. Последние месяцы дрались уже с отчаяньем в сердце.

Материальное положение рядового бойца в Крыму было много лучше. Несравненно выше была вообще вся военная организация. Условия же борьбы были страшно тяжелы. Их можно сравнить разве с Кубанским походом. Те же непрерывные бои, тот же постоянный, безнадежный численный перевес на стороне противника. Полное отсутствие пополнений, бесконечные переброски, вечный фронт со всех сторон.

Общая численность действительных бойцов в Крыму была до смешного мала. В каждый данный момент она не превышала 30–40 тысяч человек, в последнее время 20–25 тысяч. И вот эти-то поистине железные люди и делали все: вырвались из Крыма, захватили всю Северную Таврию, дошли до Александровска, уничтожили отборный конный корпус Жлобы, взяли свыше 100 тысяч пленных и, наконец, в полном порядке оставили родную землю и до сих пор держатся организованной массой на чужбине. Неблагоприятный исход борьбы в Крыму окончательно выяснился перед оставлением Северной Таврии, откуда армия уходила, понеся тяжкие потери и пережив страшный разгром тыла прорвавшимися большевиками. Только полной неосведомленностью можно объяснить все нападки на скорую, якобы, сдачу Перекопа и недовольство успокоительными

официальными сообщениями этих дней. Последние были совершенно необходимы, чтобы скрыть от иностранцев и большевиков подготовку к эвакуации. Суда были разосланы по всем портам под предлогом новых десантных операций. Если бы вести об эвакуации распространились хоть на день раньше, она была бы наверняка сорвана. Нас, может быть, не выпустили бы и, во всяком случае, не пустили бы в Константинополь. Но тайна была блестяще сохранена, буквально до последнего часа. Все приготовления были выполнены с изумительным хладнокровием и точностью.

Уход из Крыма

Апоплексический удар, парализующий не только мозг, но и конечности власти, был так характерен для всех эвакуаций. Он сопровождался обыкновенно припадками буйного помешательства толпы и бесчинством местных большевиков, издевавшихся над недавно еще грозным врагом. Ничего подобного в Крыму не было. При первых же вестях о несчастье работы не бросили, не разбежались, а удвоили усилия, даже левонастроенные рабочие в порту. Именно в эти дни ухода ярко была продемонстрирована серьезность результатов, достигнутых упорной работой генерала Врангеля. Впервые русские люди уходили не разнузданной толпой, а организованной массой.

29 октября был опубликован приказ генерала Врангеля, сообщавший об уходе армии, предупреждавший о тяжелой доле на чужбине и разрешавший всем, кто хочет, оставаться. Он произвел огромное впечатление. Создалось серьезно-спокойное настроение разлуки, а не бегства под крики: «Спасайся кто может». Удивительнее всего было настроение остающихся. Даже пленные красноармейцы, не пожелавшие ехать, не только не мешали, а работали до самой последней минуты, помогая уезжающим. Только благодаря им, например, был выведен из дока старый броненосец «Георгий Победоносец».

Весь порт, вообще, работал выше всяких похвал. На кораблях происходили трогательные сцены. На одном из небольших судов, например, старший механик сразу же заявил, что как многосемейный он не может riskнуть уехать. Тем не менее он работал в городе двое суток, пока не сделал в какой-то частной мастерской необходимых частей машины и этим спас корабль в самую последнюю минуту. Всюду «как нанятые», по их собственному выражению, работали гимназисты и кадеты. Они ухитрились поспевать везде. На дредноуте «Генерал Алексеев» осталось 60 человек команды. На него перевели 180 учащихся из Днепровской флотилии. Они, кадеты и спешно прикомандированные офицерские команды, не только увели корабль, но и приняли 2000 пассажиров. Работали до полного изнеможения, шли до Босфора пять суток, делая всего два узла в час, но дошли, дошли, отдохнув всего несколько дней и... до Бизерты.

Посадка началась рано утром 30 октября. Чемоданов оставили довольно много, но люди были приняты все. Все время в городе было совершенно спокойно. Вечером корабли вышли на внешний рейд. В порту остались крейсер «Генерал Корнилов», «Лукулл», несколько иностранцев и рабочие катера. 31-го утром был дан курс на Константинополь. Все дни 30-го и 31-го генерал Врангель оставался в городе. Он без охраны ходил по улицам, заглянул даже на базар, его всюду сердечно приветствовали толпы остающихся. Порядок поддерживался такой, что когда 30-го вечером «Лукулл» без разрешения вышел на внешний рейд, его тотчас же вернули обратно, а капитана и старшего офицера сместили. Перед уходом главнокомандующий лично объезжал все судна на катере и прощался. Неслось громовое «ура». 1 ноября эвакуация была закончена, но генерал Врангель еще оставался. Порядок в городе поддерживали юнкера. Был отслужен молебен, после которого у памятника адмиралу Нахимову генерал Врангель принял парад, и только тогда последние войска пошли грузиться.

Наконец наступил момент последнего прощания с родной землей. В городе не осталось ни одного взвода.

Эскадра ушла. Улицы были полны теми, кто сознательно рассчитывал поладить с красными, да настоящими большевиками. Они уже не прятались. Еще 30-го ко мне на квартиру явился мичман, заявив домашним, что он пришел по поручению совета порта сообщить, что женщины и дети могут оставаться, так как им ничего не угрожает. Тогда же наборщики типографии открыто заявили, что они готовятся к захвату власти в городе. С тех пор прошло два дня. Весь Крым был уже захвачен. По примеру Одессы и Новороссийска все с минуты на минуту ждали характерного треска провожающих пулеметов... И что же?

По окончании парада толпа остающихся бросается на Приморский бульвар. «Корнилов» снимается и медленно начинает уходить. Когда же на его палубе вырисовывается высокая фигура генерала Врангеля, с берега несется «ура», «счастливого пути», летят вверх фуражки...

В те же дни заканчивалась посадка и в других портах. Генерал Врангель из Севастополя отправился в Ялту, Феодосию, Керчь.

Во время самой эвакуации ему удалось заключить с верховным комиссаром Франции договор, в силу которого Франция обязалась предоставить армии возможность сохранить на чужбине свою военную организацию. Соглашение это не было утверждено французским правительством, о чем мы узнали уже много позже в Константинополе.

Через 4–6 суток 150 тысяч измученных и голодных «белых» увидели, наконец, чудесную панораму Босфора.

Наступили тяжелые годы изгнания. Кто знает, когда мы снова увидим родную землю?

Итоги. Что же дальше?

«Нет, дело не в законах, а в людях.
Мы строим из недоброкачественного
материала. Все гниет. Я поражаюсь
до чего все испоганились».
Адмирал Колчак (Гинс, «Сибирь,
союзники и Колчак», т. II, стр. 346)

Сейчас еще рано подводить итоги. Борьба на Юге была борьбой за национальную Россию. В других формах она продолжается и на чужбине и внутри нашей родной страны. Результат бесспорен: Россия будет белой. На плечи национально-стойких людей нашего поколения жизнь взвалила огромную работу. Они должны создать новое государственно-национальное мирозерцание, укрепить в русской среде любовь к родной церкви, культуре и государству. Им сейчас необходимо продумать и осознать ошибки недавнего прошлого. Годы борьбы на Юге еще совершенно не изучены. Все писавшие о них делают одну крупную ошибку: они убеждены, что на чужбину привели нас вожди белых армий. Это неверно. Крупные промахи Екатеринодара, Ростова и Севастополя решающего значения не имели. Культурно и материально все время центры белых были глухой провинцией. Путь в Константинополь и на Балканы был проложен из столиц, Киева и Одессы. Победу красным обеспечили измена национальному делу русских политических партий, оппортунизм интеллигенции и своекорыстие людей капитала, несмотря на все усилия настоящих белых.

Для интеллигенции огромным бедствием было пресмыкательство перед немцами — победителями теперешнего кандидата на должность по эсерскому ведомству, а тогда «кадетского папы» — Милюкова. Он очень многих окончательно сбил с толку.

Иллюзии буржуазного благополучия тогда же, в гетманском Киеве, довершили развращение и наших капиталистов. Екатеринодар им оказался не по дороге. Они не помогли армии, а предпочли следовать прямым путем: Киев, Берлин, Париж, Лондон.

Из других причин неудачи необходимо особо отметить загадочные зигзаги французской политики в Одессе, всех союзников на Юге и в Сибири вообще.

Но, конечно, больше их виноваты мы сами. Сваливать на других удобно, но вредно для дела. Пора перестать бояться открыто говорить и о своих недостатках. Только на хорошо расчищенном месте можно прочно строить.

Русская эмиграция уже имеет свой политический опыт. Был сделан ряд попыток объединиться и работать. Все шансы на успех, казалось, на стороне левых: у них признанные мастера партийной стряпни, деньги, газеты... Увы, ничто не спасло их от позорного провала. На наших глазах начинается стихийный процесс объединения русских национальных кругов. Сейчас уже можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на всю клевету, дискредитировать Белое движение и его вождей не удалось. Как ни тяжело нам приходится, но уже никто не потушит в сердцах русских людей все еще тлеющей искры, которую они принесли на чужбину, несмотря на все лишения и напасти, из далеких кубанских степей.

Все яснее русские делятся на два непримиримых лагеря: националистов и социалистов-демократов. Сдвиг в сторону первых признают и их враги. Внутри России и на чужбине обозначились контуры единого национального фронта. Напрасно госпожа Кускова презрительно фыркает, не понимая, почему даже у русских студентов так развита ненависть к самому слову «демократ». Русские люди и чуткая русская интеллигентная молодежь хорошо продумали и прочувствовали содержание лозун-

гов: республика, социализм, демократия, в русском значении этих слов. Теперь их не удастся обмануть даже опытным фальсификаторам. Кровавым, страшным опытом найдены другие лозунги, другая программа. В основу их ставится творческий национализм, Честь, Слава и Мощь Великой России.

Огромный успех в русской среде сделали за эти годы страданий и идеи монархизма. Ряды монархистов увеличиваются с каждым днем. Конечно, этим термином мы обозначаем не членов различных монархических организаций, а всех русских людей, твердо убежденных в исторической неизбежности восстановления монархии в России.

Все свои силы они должны отдать на служение великому делу освобождения нашей Родины.

Нужно заботливо оберегать общенациональное движение от всяких попыток отдельных групп и кружков использовать его в своих интересах. Нужно помнить, что всякие распри и нелады заботливо раздуваются врагами Великой России. Среди усердно работающих против нас большевики, увы, далеко не единственные.

Только объединение всех честных русских людей может приблизить¹ то время, когда из крови и пепла вновь встанет Наша Родная Страна под скипетром волею народа избранного Царя Великия, и Малыя, и Белыя Руси.

Июль — август 1922 года (Белград)

Октябрь — ноябрь 1922 года (Тршебова-Моравская)

¹ Первоначально написано: «Только работая упорно и дружно, можно надеяться, что недалеко».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

**Переписка главнокомандующего ВСЮР
А. И. Деникина с командующим
Кавказской Добровольческой армией
П. Н. Врангелем
за апрель — август 1919 года (копии)⁷⁶**

Вх. № 107
КОМАНДУЮЩИЙ
Кавказской
Добровольческой
армией
4 апреля 1919
№ 82

*Копия
Секретно*

гор. Екатеринодар

Главнокомандующему В.С.Ю.Р.

РАПОРТ

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю доложить следующие мои соображения: 1) Главнейшим и единственным нашим операционным направлением, полагаю, должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака; 2) При огромном превосходстве сил противника действия одновременно на нескольких операционных направлениях невозможны; 3) После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы

на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах; 4) В ближайшем месяце на Севере и Востоке России наступает распутица и, вопреки провокационного заявления Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться, и противник получит возможность перебросить часть сил на Юг; используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создается угроза нашей базе; 5) Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устья Миуса — станица Гундоровская, чем прикрывается железная дорога Новочеркасск — Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта занимаемого до Гундоровской) дает возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовать их для действия на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожной линии на Царицын. Одновременно конной массой в 2-3 дивизии обрушиться на степную группу противника, по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского узла и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто упускаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант
барон ВРАНГЕЛЬ.

Верно: В. Левитский [автограф]

Вх. № 117

КОМАНДУЮЩИЙ
Кавказской армией
29 июля 1919 г.
№ 3

гор. Камышин

Милостивый государь
Антон Иванович

В минуту казавшейся неизбежной гибели Великой России, когда армия развалилась, общество трусливо пряталось по углам и обезумевший народ грабил и жег родную землю, Вы подняли выпавшее из рук убитого генерала Корнилова знамя спасения Родины. Под сень этого знамени стекались все, кто не потерял еще веры в спасение России, кто, веря в Вас, шел с Вами на служение родной земле. В числе их был и я. Скоро год, как в рядах армии я иду за Вами, страдая душой при виде потоков русской крови, пролитых братской рукой, при виде мерзости запустения родной земли, но незыблемо веря в светлое будущее России. Служа с Вами одному великому делу, являясь одним из Ваших ближайших помощников и прожив целый год в рядах водимых Вами войск, я связан с Вами как солдат. Как человек я обязан Вам тем неизменно сердечным отношением, которое особенно чувствовалось во время перенесенной мною смертельной болезни. Всю жизнь я честно и прямо высказывал свои убеждения и, будучи связан с Вами и как служивший под Вашим начальством солдат, и как человек искренне Вам преданный, почитал бы бесчестным ныне затаить камень за пазухой и не высказать Вам все, что наболело у меня на душе. 6 мая моя армия разбила противника под Великокняжеской и погнала его к Царицыну. Учитывая значение последнего, красные делали отчаянные усилия зацепиться за один из естественных рубежей, спешно укрепляя их и одновременно перебрасывая к Царицыну подкрепления. Отходя, противник портил

железную дорогу, взрывая железнодорожные сооружения и мосты, унося стрелки и т. д. Местность и без того скудная средствами, противником при отходе опустошалась, скот угонялся, и запасы сена сжигались. Передо мной стала задача: или продвигаться по мере исправления железнодорожного пути и налаживания своего перевоза, последовательно сбивая противника с ряда рубежей, или, полностью использовав успех, гнать врага безостановочно моей конницей с тем, чтобы под Царицыном нанести ему сокрушительный удар. Я принял последнее решение. 8 мая, докладывая Вам в Торговой свои соображения о предстоящей операции, я просил своевременно усилить меня техническими средствами, артиллерией и пехотой, что и было мне обещано. Трехнедельный поход с непрерывными, тяжелыми боями армия совершила по безлюдной и местами безводной степи. Так как я был переброшен на Великокняжеское направление накануне операции лишь с несколькими лицами Оперативного отделения штаба Кавказской Добровольческой армии, весь же штаб этой армии, во главе коей я ранее стоял, и, в частности, Отдел снабжения были переданы генералу Май-Маевскому, снабжение войск, действовавших на Царицынском направлении, особенно страдало. Сплошь и рядом батареи в разгар боя прекращали огонь за неимением снарядов, правая колонна генерала Улагая десять дней наступала, не имея ни одного сухаря, раненые отправлялись в тыл за 300 верст воловыми подводами. Не взирая на лишения и тяжелые потери, войска шли непрерывно вперед. По мере продвижения моих войск я неустанно просил ускорить присылку обещанных мне подкреплений, болея душой за каждый утерянный день. Мы овладели укрепленной позицией противника на реке Есауловский Аксай, и, донося Вам о новом успехе и прося вновь о подкреплениях, я писал: «То, что может быть ныне достигнуто ценой малой крови, в будущем потребует потоков ее, и источник ее может иссякнуть. Сегодняшний успех обратится в Пиррову победу». На следующий день я вновь телеграфировал: «За всю Северокавказскую операцию я не просил Вас ни одного

человека, ныне решаюсь на это в сознании полной необходимости». Я получил уклончивый ответ, что подкрепления мне могут быть даны лишь за счет войск, действовавших на Астраханском направлении, что приостановит успешно развивающуюся операцию, а вскоре генерал Романовский уведомил меня телеграфно, что высылаются танки, на артиллерию же и пехоту я рассчитывать не могу. Железная дорога не была еще восстановлена, танки к подходу армии к Царицыну поспеть не могли, да и одной конницей при отсутствии пехоты в армии, хотя бы и с помощью танков, овладеть Царицыном я не мог. Весь поход к Царицыну я шел с моими частями, живя с ними одной жизнью и сплошь и рядом ночуя в поле среди войск. И ясно видел, что лишь надежда на скорый конец страданий, лишь близость богатого Приволжья дает им силы, пренебрегая лишениями, бить врага. Сзади нас стояла двухсотверстная пустыня, 75 верст впереди был обещанный войскам Царицын. Выхода не было, и я с неизъяснимой болью в сердце продолжал вести свои войска через пустыню к могиле, остановиться у края которой я уже не мог. Ободренные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну. Двухдневные упорные атаки разбились о сильнейшую технику и подавляющую численность врага. И армия, как ломовая лошадь, впряженная в непосильно тяжелый воз, стала, с трудом переводя дыхание. Ударная группа генерала Шатилова из IV-го Конного корпуса и двух дивизий I и II Кубанских корпусов потеряла за первый лишь день атаки более 1000 человек. К вечеру 2-го дня в IV-м Конном корпусе оставалось 4 снаряда. Полки рядом тяжелых боев превратились в сотни, большая часть офицеров выбыла из строя. За трехнедельный поход армия потеряла убитыми и ранеными 6 начальников дивизий, 2 командиров бригады и 11 командиров полков.

Только тогда армия, после кровавых уроков, получила помощь: танки, 7-я пехотная дивизия, 6 батарей тяжелой и легкой артиллерии были направлены ко мне, и с помощью этих средств после двухдневных кровопролитнейших боев Царицын пал.

На следующий день Вы приехали поздравить войска с победой и, выслушав мой доклад о состоянии армии, отдали директиву, коей донцам предписывалось протянуть правый фланг до Волги, Кавказской же армии — составить Ваш резерв. Уже через сутки, отбыв в Ростов, Вы отменили свое решение, приказав армии продолжать неустанное преследование противника правым берегом Волги. Одна дивизия по Вашему приказанию переброшена была на левый берег реки, имея задачей прервать сообщение Астрахани с Саратовом. Вместе с тем приказано было из состава Кавказской армии направить в Добровольческую 7-ю пехотную дивизию, 2-ю Терскую пластунскую бригаду, осетинские конные полки и осетинский батальон; взамен 7-й пехотной дивизии мне была обещана 2-я пластунская бригада, но и последняя не выслана, оставшись по просьбе генерала Май-Маевского у него для участия в Полтавской операции.

Обещанный войскам армии отдых был отменен, и наступление возобновилось.

Противник решил во что бы то ни стало удерживать Камышин, объявленный красными «крепостным районом» и усиленно укрепленный. Войскам 10-й советской армии удалось на некоторое время задержать наше наступление на Балыклейских позициях, ряд наших атак успехом не увенчался. Новые потери еще более ослабили наши полки, многие из коих насчитывали лишь по 150–200 шашек; весь состав IV конного, I и II Кубанских корпусов казаков и пластунов (6-я пехотная дивизия, босая и необученная, в счет принята быть не могла), составляли 5000 шашек и 4000 штыков. Численность многочисленных штабов равнялась почти численности войск. При этих условиях ни правильного управления, ни правильной организации быть не могло, и я прибыл в Екатеринодар лично просить Вас о сведении трех Кубанских корпусов в один по расформировании армии.

Мой доклад сочувствия не встретил. Генералом Романовским по соглашению с атаманом был намечен ряд мер по усилению частей. С тех пор прошел месяц, армия в ряде упорнейших боев понесла новые потери и не усилилась ни одним человеком.

Безмерной доблестью и последним напряжением сил армия разбила противника у Балыклеи, на плечах его овладела камышинской позицией и блестящим маневром прижала красных к Волге, уничтожила почти полностью всю камышинскую группу противника. Не взирая на новые кровавые потери, все части армии были брошены для преследования врага. Последний, учитывая угрозу Саратову, сосредоточил против моей армии всю конницу 9-й и 10-й своих армий и, спешно снимая части с Уральского и Астраханского фронтов, перебрасывает их к Саратову. Полки дошли до 60–100 шашек, материальная часть в полном расстройстве. Наступление армии захлебнулось, и противник сам перешел в наступление, с величайшим трудом пока сдерживаемое обескровленными войсками. Вместе с тем из состава Кавказской армии перебрасывается в Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизия.

Представленные мною Вам соображения о необходимости скорейшего завершения астраханской операции, дабы обеспечить тыл армии при движении ее на север, одобрения не получили, и генералом Романовским мне было телеграммой указано, что Астраханское направление имеет второстепенное значение.

Между тем невозможность иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт и необеспеченность единственной коммуникационной линии — Волги — ставит войска, действующие на северном направлении, в самое тяжелое положение.

После боя 28 июля в IV конном корпусе осталось 12 снарядов, а в главном артиллерийском армейском парке — ни одного. Кроме почти полного отсутствия транспорта, есть и другие причины расстройства снабжения, причины, которые в достаточной степени видны из следующих трех телеграмм, полученных мною от начальников снабжения и артиллерии:

1) «Ежедневно телеграфирую главначснаб и члену войскового правительства Верещака о крайней нужде армии хлеба, доходящей до катастрофического положения. Последний день приказал выдавать по фунту

хлеба, несмотря на это не только нет подвоза, но даже не отвечает на запросы».

2) «Несмотря на неоднократные мои телеграммы главноначснаб, интенюг и главному казначею об открытии кредита и о снабжении полевого казначейства Кавказской армии денежными знаками, не получено никакого ответа. Для удовлетворения I и II корпусов по их требованиям даже пришлось за счет перечня расходов предписать полковому контролеру выдать на основании 592-й статьи положения о полевом управлении войск бескредитный расход».

3) «Несмотря на мои телеграммы начартснабу о высылке трехдюймовых снарядов, ни высылки, ни ответа нет», «армия больше месяца не получает снарядов, расходуя трофейные...»

Вот горькая и неприкрашенная правда: Кавказская армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел, испытывать ее бесконечно нельзя...

До назначения меня командующим Кавказской армией я командовал теми войсками, которые составляют ныне армию Добровольческую, числящую в своих рядах бессмертных корниловцев, марковцев, дроздовцев. Борьба этих славных частей в Каменноугольном районе — блестящая страница в настоящей великой войне. Но вместе со славой они приобрели любовь вождя, связанного с ними первым «ледяным походом». Эта любовь перенеслась и на армию, носящую название «Добровольческой», название, близкое и Вашему сердцу, название, с которым связаны Ваши первые шаги на великом Крестном пути... Заботы Ваши о Ваших ближайших помощниках отданы полностью родным Вам частям, которым принадлежит Ваше сердце.

Для других ничего не осталось.

Разве это не так? В то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победоносном шествии к сердцу России, непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в ее ряды опомнившихся русских людей, Кавказская армия, прошедшая за три последних месяца с непрерывными боя-

ми более тысячи верст и взявшая число пленных в десять раз большее, нежели она сама, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы. В то время как в рядах Добровольческой армии сражаются части, имеющие в своих рядах до 70% офицеров (7-я пехотная дивизия), полки Кавказской армии ведут в бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные. В то время как у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных камышинских степях их братья сражаются за счастье одной Родины, оборванные, босые, простоволосые и голодные. Чем виноваты они? Неужели же тем, что кучка негодяев одного с ними края, укрываясь в их тылу, отсеклась от общей матери — России?

Неужели ответственны за них те, кто кровью своей оросил путь от Черного моря до Каспия и от Маныча до Волги?

Быть может, я ошибаюсь. Быть может, причина несчастья моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее. Благополучие части, к сожалению, сплошь и рядом зависит от того, насколько командир ее пользуется любовью ее старшего начальника. Расположение начальника я никогда не искал, служа Родине, а не начальникам. С Вами пошел и готов идти, пока не потеряю веры в возможность спасти Родину. Все силы и способности отдал ей и с Вашей стороны, как Ваш помощник, упрека заслужить не мог. В этом, полагаю, сомнения быть не может.

Мысля Россию так же, как и Вы, Единой, Великой и Неделимой, поскольку мог, боролся с «самостийными» течениями Кубани, твердо ограждая армию от попыток самостийников сделать из нее орудие политической борьбы. В конце апреля под влиянием наших неудач вопрос о создании Кубанской армии приобрел особенно острый характер. Генерал Романовский письмом от 24 апреля уведомил меня, что «мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это главнокомандующий наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался». Учитывая всю опасность подобной меры, я сделал все возможное и во время пребывания войскового

атамана и генерала Науменко у меня в Ростове убедил их отказаться от создания Кубанской армии, о чем генерал Филимонов и сообщил Вам телеграммой. Наконец, когда в последний мой приезд в Екатеринодар на совещании у генералов Романовского, Плющевского, Науменко и Филимонова заявил последнему, что пока я командующий Кавказской армией, я не ответственен за политику Кубани — с той минуты, как я явлюсь командующим Кубанской армией — отдельного государственного образования — я буду ответственен за его политику, а при том направлении, какое взято ныне Кубанью, мне, ставши во главе Кубанской армии, остается одно: скомандовать «взводами налево кругом» и разогнать Законодательную раду.

Безмерно любя свою Родину, я не могу не принимать близко к сердцу все вопросы ее бытия; подчас как человек я не могу сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но как солдат, раз пойдя за Вами, я первый подам пример беспрекословного повиновения. Моя жизнь на глазах у всех. Я действую прямо и открыто, и мои сотрудники свидетели того, как в корне я пресекал малейшие попытки к интриге. Моя совесть чиста, и упрекнуть мне себя не в чем. Но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачом ее, не дает мне покоя. С открытым сердцем, не допуская недомолвок, я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. Врангель.

Подлинный подписал генерал-лейтенант
барон Врангель.

С подлинным верно. Адъютант командующего
Кавказской армией поручик Худяков.

Надпись на полях рукою генерала Врангеля:
«Хранить секретным порядком».

Верно: В. Левитский [автограф]

*Вх. № 107**В собственные руки*

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ
10 августа 1919 г.

№ 011686
гор. Таганрог
на № 3

Милостивый государь
барон Петр Николаевич

Я в рядах Добровольческой армии почти с момента ее возникновения и с 31 марта 1918 года стою во главе этой армии и затем Вооруженных сил на Юге России. За-рождалась армия, не имея ничего: первые пушки были выкрадены, весь первый Кубанский поход, да и в значи-тельной степени и второй, армии приходилось снабжать себя боевыми припасами от противника. В момент, когда я принял командование армией, в боевом комплекте име-лось едва по 10–20 выстрелов на орудие, патронов в запасе не было совсем, собирали растерянные большевиками при отступлении их к Екатеринодару. Вся история Добро-вольческой армии, а затем Вооруженных сил на Юге Рос-сии имеет характер напряженной, упорной, героической борьбы материально нищей, но богатой духом армии со значительно превосходным и гораздо лучше снабжен-ным противником, борьбы, в которой, не взирая на пре-восходство сил и снабжения противника, подчиненные мне войска своей доблестью и верой в правоту дела неиз-менно побеждали. Правда, эти победы давались не даром, и многим из подчиненных мне начальников задачи ка-зались не по силам, и мне иногда бросались упреки и да-вались советы, следуя которым армия Юга России не до-стигла бы настоящих результатов. Но должен сказать, что я, несмотря на все трудности, переживаемые различны-ми участками фронта, ни разу не слышал упрека в неспра-ведливости и лицемерии и впервые слышу его от Вас. Обвинение это тяжкое, но не с целью оправдаться я от-

вечаю Вам, а с целью восстановления истории вопроса, как она рисуется мне. В конце марта обстановка в Каменноугольном районе складывалась чрезвычайно неблагоприятно для нас. Вы в своем письме генералу Юзефовичу, выдержку из которого он представил мне при своем письме от 30 марта за № 04472, писали, что нам все равно не удержать Каменноугольного района, рекомендовали бросить его и, оставив правый берег Дона на одних донцов, Кавказскую Добровольческую армию сосредоточить на Царицынском направлении. Эта же мысль была повторена в Вашем рапорте от 4 апреля за № 82. Тогда же начальником моего штаба было отвечено генералу Юзефовичу (письмо от 3 апреля № 04767) о том, что хотя Царицынское направление имеет весьма серьезное значение, тем не менее по целому ряду соображений выполнить этот план в тот момент не представлялось возможным. В половине апреля успешное наступление большевиков за Маныч и угроза Тихорецкой и Ростову вынудили меня усилить группу генерала Кутепова за счет Кавказской Добровольческой армии и войск Терско-Дагестанского края. Как от Вас, так и от генерала Эрдели были взяты лучшие кубанские дивизии, было взято столько, больше чего без ущерба для дела взять было нельзя. Вы, находясь тогда во главе Кавказской Добровольческой армии, считали, что удержать с наличными силами Каменноугольный район невозможно. Я по совокупности всей обстановки считал, что бросить его нам нельзя. 21 апреля началось наше успешное наступление на Манычском фронте, положение в Каменноугольном районе продолжало ухудшаться, и как ни нужна была пехота на Маныче, тем не менее ничего из Кавказской Добровольческой армии перевести было нельзя. В начале мая Вы испросили разрешения приехать в Торговую и здесь доложили, что все пределы перейдены и что необходимо генералу Май-Маевскому дать разрешение на отход. Здесь же в виду неоднократно высказывавшегося Вами желания командовать армией на Царицынском направлении и в виду сосредоточения здесь крупной массы лучшей нашей конницы Вам предложено было объединить командование

всей группой (Кавказской армией), на что Вы охотно согласились. 8 мая была взята Великокняжеская, образована Кавказская армия, и я покинул Манычский фронт. Приехав из Ростова, Вы мне докладывали, что 2-я Кубанская пластунская бригада стремится к своим кубанским частям, на что я Вам ответил, что мною намечено перебросить ее на Царицынский фронт; о том, когда это сделать, в то время не могло быть речи. Вы сами тогда только что приехали из Кавказской Добровольческой армии и, конечно, понимали насколько ценен на том фронте каждый солдат. Во всяком случае, до постановки на фронт 7-й дивизии 2-я Кубанская пластунская бригада переброшена быть не могла.

Что касается технических средств, то артиллерии Вы имели вполне достаточно, так как сверх состоящих в Ваших дивизиях у Вас была одна, а затем направлена и другая гаубичные батареи 2-й артиллерийской бригады; единственный тяжелый (с 6-дюймовыми гаубицами) дивизион был в Вашей армии, к Вам же еще до Вашего приезда были направлены прибывший автоброневой дивизион и английский броневой дивизион. Дальнейшее усиление могло произойти бронепоездами и танками, это усиление было обещано, но оно всецело зависело от восстановления железной дороги. К моменту восстановления мостов через Сал и Есауловский Аксай эти средства были в Вашем распоряжении.

Операцию на Царицын можно было вести двояко: или идти на шее разбитого врага, не давая ему опомниться и приготовиться к встрече, или выждать технические средства, которые Вам были обещаны и ни на один день не запоздали.

Это можно было определить только на месте — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

Вы писали, что не двинетесь вперед ни на шаг, несмотря на все приказания. Но хотя Вас никто не заставлял и не стеснял во времени, Вы решили избрать первый способ действий — идти напролом, и это сделали, не ожидая технических средств, которые, Вы знали, будут, как только будет готова железная дорога.

Эти средства, равно как и 7-ю дивизию, Вы получили не после кровавого урока и не вследствие его, а как только была готова железная дорога и обоз и артиллерия 7-й дивизии были запяжены.

Усилить Вас не 7-й дивизией было нельзя, так как для этого надо было бы остановить успешное продвижение Добровольческой армии и вытягивать части из боя.

По взятии Царицына мне очень хотелось дать отдых доблестной Кавказской армии, но в резерве ее я не оставлял, а 20 июня отдал директиву № 08878, согласно которой Кавказская армия должна была выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов.

По Вашему докладу предполагалось, что Вы дадите частям отдых в Царицыне и что донцы в состоянии будут гнать противника одни. Отдых Вы определяли в две недели. Я, не зная в каком виде отошел противник, не возражал Вам, и на другой день я не отменил своего приказа, которого и не отдавал, а приказал в соответствии с общей обстановкой частью сил преследовать противника (телеграмма от 22 июня № 08911), что Вы и сделали, как доносили, до получения моего приказа (донесение Ваше от 25 июня № 01068).

Также неверно, что я приказал одну дивизию перебросить на левый берег Волги. Я такого приказа не отдавал. В директиве № 08878 буквально сказано: «Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги». Какие будут отряды, предоставлялось всецело Вашему усмотрению, и я был свидетелем Вашего разговора с генералом Мамоновым, когда Вы первоначально назначили один полк, но затем по его просьбе изменили Ваше решение.

Вы пишете, что у Вас взяли 7-ю дивизию, 2-ю Терскую пластунскую бригаду, Осетинские конные полки и взамен 7-й пехотной дивизии не выслали обещанной Вам 2-й Кубанской пластунской бригады.

Вы знали, что 7-я пехотная дивизия дана Вам временно и подлежит возвращению для замены 2-й Кубанской пластунской бригады. Вторую Терскую пластунскую бригаду Вы боевой силой не считали, и эта бригада после

боев у Великокняжеской была сведена в один батальон, который насчитывал около 200 штыков. Также Вы не считали боевой силой Осетинский конный полк, насчитывавший 60 шашек, и Осетинский стрелковый батальон, который и сформирован не был.

Вы охотно согласились на замену этих частей двумя Ингушскими, двумя Кабардинскими и Инородческим полками, которые тогда же к Вам и прибыли.

А главное, Вы забыли, что все это делалось вследствие Вашего доклада.

Ведь Вы же и Ваш начальник штаба тогда поняли, что центр тяжести переносится на Курское и Киевское направления, и представили мне в Царицыне письма (от 18 июня №№ 0963, 0964) с предложением образовывать конную армию в районе Харькова и намечали на Царицынском направлении оставить Кавказскую армию, изъяв из ее состава один Кубанский корпус, 1-ю конную дивизию и терцев.

Ведь это значительно более того, что взято, и по количеству, а главное, по качеству. Взяты такие части, которые Вы за боевую силу не считали и которые компенсированы соответственными частями. Правда, что Вами уход всех перечисленных дивизий намечался и с Вашим уходом из Кавказской армии.

Вторая Кубанская пластунская бригада задержалась в боях в Добровольческой армии так же точно, как Вы до сего времени задержали 2-ю Терскую казачью дивизию.

Вы пишете, что «обещанный войскам отдых был отменен и наступление возобновилось»; но не по моему капризу, а потому что этого требовала обстановка, и приказ начать наступление был отдан не мной, а Вами.

Мотивы, почему Ваш доклад о сведении всех кубанских частей в один корпус не встретил сочувствия, Вам известны, но частично было предложено сократить число штабов, не формировать 4-й Кубанской дивизии, расформировать 4-й конный корпус. Вы этого не сделали.

Вы несколько раз пишете о том, что от Вас взято и что к Вам ни один человек не прибыл. 6-ю пехотную дивизию Вы никогда в расчет не принимаете. Я не знаю,

идут ли к Вам пополнения людьми с Кубани, но на замену осетин Вы получили два Кабардинских конных полка и два еще придут, получили Инородческий полк и получаете два полка и один батальон дагестанцев. Взамен 7-й пехотной дивизии идет 2-я Кубанская пластунская бригада; от генерала Эрдели прибыл 6-й Кубанский пластунский батальон.

Что касается 6-й дивизии, то она совершенно такого же типа, как почти все наши дивизии и в Добровольческой армии, и в III корпусе; ей посылается все то же, что и в другие дивизии, и если она не может сделаться боеспособной, то надо искать причины, и, может быть, они будут найдены.

Обмундирование специально назначалось для этой дивизии. Строевые офицеры, поступающие в штаб главнокомандующего, почти все назначаются в Кавказскую армию, и их там, по-видимому, достаточно, иначе я не могу объяснить, что Вами формируются стрелковые полки для 1, 2 и 4-й Кубанских дивизий.

Вы недовольны, что Ваше предположение относительно Астраханской операции не получило одобрения.

Можно ли было начинать операцию на Астрахань в то время, как с севера против Кавказской армии сосредоточены были крупные силы.

Ведь поворот части наших сил на юг повел бы немедленно туда же и противника, и он ударил бы по нашим сообщениям, не только по Вашим, но и по донским. На мой по этому поводу соображения Вы ответили, что, понятно, эту операцию можно предпринимать только после разбития Камышинской группы. Камышинская операция кончилась, и теперь армия едва сдерживает фронт, можно ли при таких условиях серьезно говорить о повороте на Астрахань, и что было бы теперь, если бы этот поворот состоялся раньше.

Вопросы снабжения, как я уже отметил в начале письма, действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостоятельности Кубани выше моих сил. Все меры, какие возможно, принимаются.

Но вместе с тем Вы смотрите на довольствие трофейными снарядами как на нечто ненормальное. Нет, это вполне нормальное явление, и мы бы не могли существовать уже давно, если бы не имели этого источника.

Местные средства Вы считаете, по-видимому, тоже чем-то, что в расчет идти не должно, так как, с одной стороны, пишете о продовольственных затруднениях, о том, что армия голодная, а с другой стороны, телеграфируете, что личные силы и средства недостаточны, чтобы в полной мере использовать богатства района (телеграмма Ваша генералу Санникову № 1447).

Какие же основания были у Вас бросить мне обвинение в особом благоприствании Добровольческой армии, какие конкретно данные можете Вы привести? Разве не исключительно стратегические соображения все время руководили мною?

Ведь когда генерал Май-Маевский вел героическую, неравную борьбу в Донецком бассейне, у него взяли на Царицынское направление три дивизии, хотя Вы считали силы Добровольческой армии совершенно недостаточными. Была взята дивизия с Северного Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и терского атамана.

Неужели же теперь, когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову? Но Вы сами же писали, что теперь вопрос решается на Курском направлении (письмо от 18 июня с. г. № 0963).

Вы пишете, что в то время, как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления, непрерывно увеличивается притоком добровольно становящихся в ряды ее опомнившихся русских людей, Кавказская армия, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы.

Согласуется ли это, хоть в малейшей степени, с действительностью?

Ведь под этими последними силами надлежит разуметь 2-ю Терскую дивизию, едва насчитывающую 520 шашек, сведенную в бригаду и, по Вашему отзыву и по от-

зыву атамана, совершенно небоеспособную, по крайней мере, в семь раз меньшую в сравнении с теми силами, которые Вы рекомендовали взять из Кавказской армии. И Вы знаете, что в это же время к Вам идут шесть пластунских и стрелковых батальонов и четыре казачьих полка (не считая двух калмыцких полков).

Вы меня вините в том, что в Добровольческую армию поступают добровольцы, а Вас не укомплектовывают. Вы прекрасно знаете условия пополнения. Русские люди на Вашем пути такие же, как и на пути Добровольческой армии; в свое время, оценивая Царицынское направление, Вы их настроение предполагали даже лучше, чем в Малороссии. Ну а воздействовать на Кубань, к сожалению, в большей мере, чем я это делаю, не могу, равно как не могу их заставить брать к себе в полки «солдатских» офицеров.

Издали у других все кажется лучше. Вам кажется, что Добровольческая армия идет, не встречая сопротивления, но Вы не учитываете, что в то время, как собственно Кавказская армия занимает фронт в 40 верст, в это же время фронт Добровольческой армии почти 800 верст, что спасать создавшееся трудное положение на Донском фронте будет все та же Добровольческая армия.

В свое время я от генерала Краснова получал упреки, что я добровольческие части разворачиваю где-то в Донецком бассейне, а не шлю к нему на фронт.

Теперь я от Вас и от генерала Сидорина получаю требования добровольческие части посылать в Кавказскую и Донскую армии. Не ирония ли в параллели тех упреков, которые я от Вас получил теперь и которые получил от начальника Вашего штаба в апреле, когда он представлял выдержки из Вашего письма, отстаивавшего Царицынское направление.

Вы пишете: «В то время, как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины, оборванные, босые, простоволосые и голодные» — а генерал Юзефович в письме от 30 марта № 04472 пишет о войсках, которым я, по Вашему, осо-

бо благоприятствую: «Надо их пополнить, дать им отдохнуть, сохранить этих великих страстотерпцев, босых, раздетых, вшивых, нищих, великих духом, на своих плечах, своим потом и кровью закладывающих будущее нашей Родины, — сохранить для будущего. Всему бывает предел. И эти бессмертные могут стать смертными».

И Вы знаете, что этим страстотерпцам ни одного дня отдыха не было дано.

В свое время надо было кому-то отстаивать Каменноугольный район, и отстаивали безропотно добровольцы, теперь надо кому-то быть в безводных и голодных степях, которые, к тому же, по Вашим же телеграммам, не так уж безводны и голодны, и куда Вы в свое время просили сосредоточить кубанцев, считая это направление наиболее блестящим и победным.

Странно мне все это писать; ведь это так просто восстановить при малейшей объективности. Еще более странно входить в обсуждение личных отношений. Никто не вправе бросать мне обвинения в лицеприятии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают, и я им значения не придаю и лишь скорблю, когда они до меня доходят.

Уважающий Вас
А. Деникин.

Приписка рукою генерала Врангеля: «Полагаю противное — интриги и сплетни генерала Романовского объясняют многое из того, что изложено здесь. Врангель».

Верно: В. Левитский [автограф]

Валерий Михайлович Левитский

БРЕД¹

(Обрывки воспоминаний)⁷⁷

«Сыпняк», — сказал доктор, зачем-то пошарив у меня на груди.

«Переболеете и вы». «Модная болезнь».

Его голос звучал почти ласково.

Я сделал попытку улыбнуться и, должно быть, заснул.

Очнулся на улице. Меня куда-то несли.

Есть что-то жуткое в мерном покачивании носилок.

«Так понесут и гроб», — назойливо вертелось в голове.

Лазарет был далеко.

На главной улице я вдруг почувствовал себя бодро и весело.

Весенний воздух, хриплые вскрики автомобилей и трескотня мотоциклеток освежали голову. А в ней — вот уже неделя — засела какая-то тяжелая, сверлящая боль.

Лазарет? Ах, да...

Длинный, длинный коридор и ужасная кровать...

О, ее я помню прекрасно!

Стоит только покрепче зажмурить глаза и толстые, лоснящиеся прутья торчат передо мной.

О них так больно было ударяться затылком!

¹ Попытка передать действительно пережитое.

* * *

Оказались знакомые. Что-то говорили. Я, кажется, отвечал.

А вечером всю комнату наполнил тяжелый, жирный туман, пахнувший крепким бульоном.

Было ужасно душно.

Фигуры подходивших к кровати начали расплываться, делались совершенно прозрачными и, наконец, исчезли все.

Стало тихо, тихо.

Ужасно болела голова. Я задыхался.

Проклятый ядовитый туман давил и мучил.

Я знал, что его нет где-то наверху, и все силился подняться.

Не мог: что-то тяжелое давило колена.

Я напряг все силы, и мне удалось поймать несколько глотков свежего воздуха.

Я лег, успокоившись.

Глаза смотрели и долго не различали ничего.

Наконец, в правом углу комнаты забрезжил свет. Жар усилился, и запахло воском.

Я протер глаза. В углу светлое пятно быстро увеличилось, и в середине засверкали золотые полосы. Я приподнялся.

Сомнений больше не было. Прямо передо мной, поднималось к небу темное золото так знакомых колонн московского Успенского собора.

Шла служба. Ярko горели тысячи свечей.

Багряно-красный отблеск старого золота слепил глаза. Что-то пели.

Я весь превратился в слух, но не мог разобрать слов молитвы. Собор был задернут дымкой тумана.

Ясно и хорошо видел я только одну колонну и часть свода.

Я поднял глаза и вздрогнул. Прямо надо мной был летящий архангел, смотревший в упор.

Я хотел что-то сказать, но губы пересохли и язык не слушался.

Все тело жгло. Откуда-то сверху на лоб капал горячий воск.

Я сделал отчаянное усилие и повернулся на бок.

Туман затянул храм. Пение стало удаляться и, наконец, замолкло.

Безумно захотелось вернуться в Москву, и я руками разгребал вонючие волны душившего меня тумана.

Не помогло. Все исчезло, и я забылся.

Под утро кто-то толкнул меня. Я обернулся и открыл глаза.

У самой кровати стоял высокий человек и что-то говорил.

Я всматривался в его лицо, но не узнавал.

Что-то холодное поползло по голове. Боль стихла, и я вскрикнул от радости.

Да, это был он. Его улыбка, глаза, губы.

«Узнали?»

Он подошел еще ближе. Туман стал гуще, но я ясно видел его.

«Помните, мы были в Одессе. С вами обошел я всю Кубань. Теперь мы пришли к морю. Понимаете, к морю!»

Его голос вдруг усилился и зазвенел:

«Дальше идти некуда. Нам нет места на земле. Смотрите!»

И он быстро развернул передо мною хорошо знакомую карту Юга России.

Я долго смотрел на карту, перечитывая знакомые названия. Пробовал даже провести пальцем по линии фронта... и вдруг понял все.

«Нас бросят в море», — громко и торжественно сказал я.

Мой собеседник грустно улыбнулся и участливо спросил:

«Вы очень устали?»

«Да, да, я безумно устал... О, если бы вы знали, как я устал...»

Мне почему-то вдруг стало жаль самого себя, и я заплакал...

Лицо моего собеседника затянулось легкой дымкой.

В спине у меня что-то зашекотало.

Холодный вытягивающий и давящий все тело ужас наполнил сердце.

Я вскочил и начал кричать:

«Нас бросят в море!»

«Нам нет места на земле!»

Потом рассказывали, что кричал и бился весь день.

Успокоился только к вечеру. Все тело ныло. Страшно захотелось вытянуться, я напряг все мышцы, но тут вдруг случилось что-то ужасное: моя голова треснула и распалась на несколько частей.

Каждая болела отдельно.

Старая сверлящая боль осталась где-то в глубине.

Сильно ныл ушибленный затылок.

По левому виску кто-то ударял молотком.

С каждой минутой становилось все жарче и жарче.

Мне было очень плохо. Я чувствовал, как свертывается во рту засохший язык, как медленно отставала скоробившаяся кожа.

Глаза видели все хуже и хуже. Мутным беловато-коричневым пятном выступали контуры окна.

Мучился несколько часов.

Было совсем темно, когда очнулся. Разбитая голова все болела, но удары по виску прекратились.

Я приподнялся, протер глаза и вдруг в окне увидел знакомый силуэт Новороссийских гор.

Норд-оста не было. Вершины были чисты и четко вырисовывались на темно-синем фоне.

Я решил бежать. Сделал страшное усилие и пошел.

Сразу посвежело. Горы манили. Я ринулся к ним, поднимаясь все выше и выше.

И, наконец, вздохнул свободно, полной грудью.

Этих мгновений необыкновенного острого наслаждения я не забуду до конца моей жизни.

Невдалеке весело шумел горный ручей.

Куда ни взглянешь, кругом зеленели горы.

Огромные ветви цветущих кустарников нежно склонялись над моей головой.

Пенилась и била в лицо откуда-то взявшаяся сильная струя ледяной, блестящей и вкусной воды.

Я жадно пил ее, расплескивал и брызгался. Она пахла цветами, а главное, была холодна как лед.

Я все старался набрать ее как можно больше в рот и без конца ломал душистые ветви какого-то южного дерева, залитого крупными цветами.

Свежесть проникла во все части моего тела. Голова вновь стала целой.

Только дышать было еще трудно.

«Я сейчас пойду домой», — подумал я и сорвал еще несколько цветов.

Хотел подняться и не мог. Огляделся. Сажу на земле. Освежающая струя воды начала заметно уменьшаться.

С усилием поднялся я и сделал несколько шагов.

Наклонившись, я больно ожег руку, дотронувшись до раскаленной глины.

Сильная боль в руке была даже приятна, она прерывала надоевшую ломоту головы. С трудом сделав еще несколько шагов, я в ужасе вскрикнул.

Земля треснула, и я полетел в пропасть.

Помню только, что долго, долго лежал ничком, ничего не понимая. Сверху прорывалась струя раскаленного воздуха, от которой я старался защитить голову.

Когда жар спал, решился подняться.

Первое, что я увидел, была узкая блестящая щель, которую кто-то тщательно закрывал огромными львиными шкурами.

Хорошо помню, как шуршал и сыпался сверху песок, как медленно разворачивались шкуры, и щель делалась все уже.

Затем ее не стало. Я огляделся вокруг.

Угрюмо чернели стены огромной пещеры. Своды были грубы, в углу сочилась вода.

Кто-то рядом громко вздохнул. Я повернул голову и увидел спокойные, величавые фигуры слонов.

Они стояли тут же рядом. Ближе всех мерно покачивалась массивная пара с детенышем.

Мне стало весело, я подполз и погладил слоненка.

Мать заволновалась и долго ощупывала меня хоботом.

Это прикосновение шершавого, влажного хобота отчетливо помню до сих пор.

В этой пещере я жил долго. Скоро отыскал в углу крошечный ключ с холодной, влажной землей вокруг. Я ца-

рапал землю и, набрав пригоршню, прикладывал к своей пылавшей голове. Когда утихла боль, я подходил к глубокой впадине в стене и находил там несколько капель янтарного меда, над которым всегда жужжал рой золотистых пчел.

Косой луч света, игравшего в каплях меда, широкую мраморную чашу с липкими краями, по которыми ползали пчелы, помню отчетливо. Я хорошо рассмотрел ее темный, ровный овал, не раз подходил к ней совсем близко.

По временам слоны трубили.

Тогда и я ложился на спину и громко вторил им.

Так шли дни за днями.

Временами мне казалось, что слоны куда-то ушли, а я не в пещере, а дома, но через час-два я вновь ясно различал покачивавшиеся из стороны в сторону огромные силуэты своих соседей по пещере и опять засыпал.

Помню еще, что как-то жара сделалась нестерпимой, тогда слоны начали обливать себя холодной водой и сильная струя из хобота попала и на меня, успокоив на несколько мгновений страшную головную боль.

Раз я долго проспал в пещере.

Проснувшись, увидел, что львиные шкуры разостлались у моих ног.

Помню, как ясно чувствовал теплое прикосновение шерсти! Жар как будто бы спал, временами пробежал по спине легкий озноб.

Я засыпал, ворочался несколько минут и вновь спал.

И как-то совершенно неожиданно увидел свою руку. Она лежала на одеяле.

«Надо сегодня будет хорошенько поиграть со слоненком», — подумал я и энергично протер глаза.

Пещера исчезла. Направо окно. За ним знакомые горы.

Прямо против меня стоял высокий, худой человек, весь в белом, и строго сказал:

«Вы скоро будете работать!»

Я хотел что-то спросить его, но, кажется, тотчас же заснул. В голове прочно засела мысль: «Надо работать».

Я пошевелил руками и вдруг почувствовал в правой руке что-то твердое.

Это была прелестная черная палка с блестящим наконечником слоновой кости.

Ее я не забуду никогда. Особенно красив был тонкий золотой ободок у набалдашника, покрытого мелкими трещинами. Я так любил ее размахивать на ходу.

Кто-то подошел к кровати. «Надо работать», — сказал я. Засмеялись. Я повторил громко и упрямо: «Надо работать».

«Спешите, нужно накормить всех», — подхватил кто-то совсем близко.

Я ничего не ответил, взял палку и пошел.

Впереди был зеленый пригорок, под ним луг с речкой посредине.

Я поднялся повыше и громко приказал: «Накормить всех!» «Вся Россия должна покрыться высокой, зеленой травой!»

В ответ услышал чей-то хохот. Кто-то весело, задорно запел:

Вот лягушка по дорожке,
Скачет, вытянувши ножки.
Ква-ква, ква, ква, ква, ква!

Я подхватил плясовой напев и затанцевал на своей кровати.

Пружины противно скрипели, я скоро измучился, но остановиться не мог.

Пошлый мотив мучил голову и заставлял подпрыгивать насильно.

Танцевал весь день.

Сквозь опять появившийся туман неясно маячили какие-то бегающие фигуры и по временам слышались встревоженные голоса.

Голова пылала.

Перед глазами все прыгало, танцевало, то исчезая, то появляясь вновь.

Мгновениями я различал знакомые контуры пещер, я рукой ловил мягкий, ласковый хобот слоненка. Откуда-то появлялась лодка с высокими белыми парусами.

Над водой величественно плыли аккорды могучего оркестра. Кругом все пели.

Я не отставал и громко вторил:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил...

Раз все почему-то притихли. Мой голос звучал легко и свободно. Он замирал где-то высоко, теряясь в громадных белых парусах.

Я напряг последние силы и, наконец, достиг своего: висевшие вверху рядами колокольчики, похожие на белые лилии, зашевелились, и их серебряный перезвон был услышан внизу. Восторгам и овациям не было конца. Я чувствовал характерный запах канифоли, капавшей откуда-то сверху.

Все кругом радовались и поздравляли меня. Кто и почему, не знаю. Я жадно ловил сильно пахнувшие капли канифоли и был сильно возбужден тем, что мой голос не растаял в высоте, а достиг колокольчиков и расшевелил их.

Особенно остро было наслаждение в первый момент, когда до моего уха долетело первое движение недоступных до сих пор колокольчиков, в ответ на страшное напряжение моего голоса, наполнявшего какую-то странную, жуткую пустоту не то театра, не то какого-то свода над парусами.

После этого концерта я тотчас же уснул¹.

Спал очень долго. Проснувшись, долго не понимал, где я и что со мною.

Знал только, что по всем рекам России носятся построенные мною суда. Ночью много ездил.

Речная свежесть еще чувствовалась на влажных складках моей одежды.

Долго ходил по огромным подземным складам, где так чудесно пахло свежей рогожей.

¹ Потом рассказывали, что это был кризис. Уже два дня боялись, что у меня начинается воспаление мозга. В этот же день я так шумел, что пришлось вынести из палаты всех больных. Мое пение было слышно в обоих этажах лазарета.

Я был богат. Молча обходил бесконечные ряды наваленных грудами фиников, изюму, фруктов и печенья.

Остановился около огромной корзины с облитыми сливками елочными пряниками.

«Это пошлю детям», — подумал я и пошел дальше.

Нужно ехать на север. Мои корабли провезут груды рыбы. Нужно работать... Я крепко сжал свою палку и громко, кому-то угрожая, сказал:

«Я накормлю всех!»

«Может быть, ты сам что-нибудь съешь?» — кто-то спросил меня. Совсем близко.

Я с удивлением повернулся и узнал жену.

«Ты здесь», — спросил я, видя, что она поспешно встает с кровати.

«Да, да, это я. Господи! Наконец-то ты очнулся!» Она подошла еще ближе, и слезы ручьями потекли по ее щекам.

Я был страшно поражен.

«Что с тобой? Почему же ты плачешь? Все так хорошо. Я много работаю, мои корабли...»

«Не надо, ради Бога, не надо», — взмолилась она с лицом, искаженным от ужаса.

«Ты бредишь вторую неделю. Я была здесь и слышала все. Тебя не бросят в море, успокойся, теперь все прошло. Боялись, что у тебя воспаление мозга, теперь ты узнал меня, только, ради Бога, не волнуйся. Забудь свои корабли!»

Моему изумлению не было пределов.

Я узнал комнату. Ясно видел знакомые черты лица. Всматриваясь в него, заметил, как нервно вздрагивали у говорившей губы и как умоляюще смотрели на меня ее глаза, а в то же время знал, что жена шутит...

Стоило мне немного повернуться к окну, зажмурить глаза, и на горизонте появлялись знакомые паруса моих судов.

Еще мгновение, и они пенили волны Волги, Камы, Днепра.

Я видел перед собою знакомые панорамы городов. Вот Киев, родная Кострома, Нижний.

Я чувствовал свежую сырость могучих заволжских заливных лугов, и огромная радость наполняла мое сердце.

Жена опять подошла и поправила подушку.

«Видишь, — сказал я строго, упрямо смотря ей в лицо, — трава скрыла все раны».

«Россия будет сильной, как прежде. Надо работать!»

«Успокойся, милый, — сказала она ласково, — работать тебе рано еще... Может быть, хочешь чего-нибудь?»

«Я? Дай, пожалуйста, живой апельсин», — попросил я. Она улыбнулась.

«Вот, отлично, сейчас постараюсь достать».

Через полчаса я медленно жевал душистые кусочки и думал, думал все о том, как накормить всех.

Жена по временам исчезала, затем появлялась вновь.

Я избегал с ней разговаривать, мне казалось, что она отнимет у меня мои корабли.

Утром мне дали в первый раз умыться.

Было что-то совершенно необыкновенное в этом прикосновении свежей воды к измученной, воспаленной коже.

Я совсем ожил.

Неожиданно широко распахнулись двери, и в палату вошел прелестный 6-летний мальчик.

Я впился в него глазами. Это был сын моего соседа.

Прелестные детские глазенки внимательно и строго осмотрели комнату, нас и наши столики.

Я не мог оторваться от его чудесного личика с золотыми кудрями.

Мальчик показал отцу свои рисунки и, помолчав немного, медленно и серьезно сказал отцу: «Скорей иди домой, у вас здесь скучно и гадко».

Я посмотрел на мальчика еще раз и вдруг вспомнил, что кроме моих кораблей, слонов и этой больницы есть другая жизнь, столь знакомая и вместе чужая сейчас.

Мне захотелось все узнать, опять увидеть, понять.

Я начал расспрашивать: «Как? Что?» Мне отвечали, но я понимал плохо.

Затем ел и спал.

Ночью проснулся от острого чувства голода, пожевал и опять заснул.

Слоны, корабли и танец лягушек пропали бесследно.

Я уже знал, что Новороссийск доживает последние дни, и весь был поглощен одной мыслью: как бы поскорее научиться ходить.

Виденное в бреду помнил, но все стало затягиваться дымкой и уходить куда-то вдаль.

Через пять дней, когда мне принесли пушистый халат, жена вытащила какой-то нелепый, самодельный костыль и сказала извиняющимся тоном:

«Смотри, ты еще очень слаб, хорошенько опирайся на палку».

Я с отвращением посмотрел на грубую, некрашеную палку и еле удержался, чтобы не спросить, а где же моя, чудесная, с белоснежной костью, с которой я ходил наблюдать за постройкой моих кораблей.

Март 1920 года

г. Феодосия

Валерий Михайлович Левитский

**Наша интеллигенция и проблема
национализма⁷⁸**

I

Наша интеллигенция привыкла стыдиться всего родного, считать все русское вторым сортом. Ее душа давно принадлежит «короне европейской». Последние новости с Запада — вот чему покорно служил русский интеллигент. Как черт ладана, он боялся прослыть националистом. В душе русского интеллигента мирно уживались кошмарные противоречия. Жилось ему плохо. Отвратительное воспитание, расхлябанность воли, нелепая лень отравляли жизнь. Но — странное дело — растрепанный, одурелый от модных идей крайнего радикализма, русский интеллигент ему одному известным способом ухитрялся склеивать себе прочный футляр из обрывков чужих идей. Он залезал туда со студенческой скамьи и всю жизнь оставался глух к урокам жизни. Верный великим традициям, он «презирал» государство, «не признавал» внешней политики, считал себя выше национальных «предрассудков». Основы национальной политики Великой России он путал с карьерными ухищрениями непопулярного министра внутренних дел. Невежество в области всего того, что так или иначе касалось проблемы национализма, было прямо поразительно. Средний

интеллигент, написав в 5-м классе на «3» с плюсом сочинение на тему «О любви к отечеству и народной гордости по Карамзину», искренне считал свое ознакомление с основами государственного национализма окончанным. В ответ на попытки вытащить его из футляра, отогнать от печки, интеллигент искренне возмущался. Ведь он «соль земли», «двигатель прогресса», тайный или явный социалист. А национализм — ведь это погром, мракобесие, дикость! Необходимо отдельно, тщательно изучить поучительную историю провозглашения всех русских национально-государственных идей реакционными и даже нравственно низкими.

Ведь даже полуанархические мечты некоторых из славянофилов третировали как «мрачное черносотенство», а потом ими же восхищались в австрийско-украинской переработке.

Кто и как это делал? Почему это удавалось? На это скоро, надеюсь, будет дан исчерпывающий ответ. Здесь не место считать число уничтоженных молчаливым бойкотом передовой интеллигенции русских книг, газет, журналов, культурных предприятий со свежими русскими мыслями, число оплеванных, смешанных с грязью русских людей.

Когда-нибудь русский историк второй половины XIX столетия подробно остановится на отдельных эпизодах этой изумительной самоубийственной травли русскими русскими. Здесь ограничимся констатированием бесспорного факта. За последние 50 лет всякая попытка выступить в защиту русских национальных интересов, всякая проповедь идей русского государственного национализма встречали прекрасно организованное противодействие со стороны большинства русской интеллигенции. Интересно, что то же самое большинство явно благосклонно относилось к наглым выступлениям с проповедью примитивного шовинизма еврейского, украинского, грузинского и др. Благоволившие дома Грушевскому, последователям доктора Герцля и др., представители русской интеллигенции приходили в бешенство при указаниях на необходимость считаться с национальными

интересами русского народа. Они же ухитрялись даже за границей вести упорную борьбу с русской национальной государственностью и проповедовать интернационализм. Вспомните, ведь тысячи русских ежегодно, как стаи ученых попугаев, порхали по Европе, ругая заученными фразами родную религию, государство, быт. Впрочем, напоминать об этом теперь жестоко. Сеявшие ветер пожали бурю и своими головами заплатили за безумие свое, братьев и отцов.

Начала государственного национализма совершенно заглохли у последних поколений русской интеллигенции.

Вместо одушевленной национальными идеями революции пришла смута. Бессмысленный и беспощадный бунт.

В дни этой смуты русская интеллигенция совершила самую грандиозную провокацию, какую когда-либо знал мир.

Она сладким дурманом опоила народ, а он, обманутый и сбитый с толку, жестоко отомстил гнусным провокаторам. Интересно отметить, что, радуясь успеху в своей борьбе с русской государственностью и идеями русского национализма, интеллигенция просмотрела окончательное опошление своего книжного учения у нового поколения.

Как ни относиться отрицательно к русскому интеллигентскому радикализму, все же нужно строго различать его отцов и детей.

Наивные, но честные старики шли в тюрьмы, распевая:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте —
Честь и свободу свою.

Их дети после утомительной «революционной» работы по застенкам чрезвычайек горланят спьяна на улицах замученных городов гимн ненависти и насилия:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!

В наши дни, после всего пережитого, совершенно бесспорно, что без единого, сильного национального государства в дальнейшем немыслимо ни социальное, ни экономическое развитие русского народа.

Смута, как и триста лет тому назад, поставила во весь рост проблему Великой России, показала всю насущную важность усвоения идей государственного национализма.

И что же интеллигенция? Сознала ли она сейчас свои ошибки? Ведет ли упорную пропаганду государственных идей? Нет. Весь ужас в том, что эти идеи до сих пор не проникли в толщу русской интеллигенции.

Скоро два года, как на Руси насмерть бьется кучка героев с шайкой негодяев. Кругом — необозримая равнина равнодушного, серого болота. Оно выжидает, притаилось, старается остаться в стороне.

История возникновения Добровольческой армии — это страшный обвинительный акт против русской интеллигенции.

Чувство чести и национального достоинства не умерли в львиных сердцах вождей наших армий. Они пошли прямо из тюрьмы на Дон и Кубань умирать за Великую Россию.

Кто откликнулся на их призыв? Мальчишки кадеты, гимназисты, юнкера, офицеры... и пять-шесть общественных деятелей.

Что делали в это время сотни тысяч русских интеллигентов? Все наши профессора, врачи, адвокаты, инженеры, служилый и торговый люд? Где были наши всехвальные и приснопамятные господа политики? Они или рукоплескали Керенскому, или просто выжидали, чтобы позднее приспособляться, ловчиться или пресмыкаться перед Троцким, немцем, гетманом. В назидание потомству необходимо издать наглядную таблицу в красках, где бы показано было сравнительное усердие русской интеллигенции по службе у генералов Алексеева и Деникина, у его светлости Скоропадского, кавказских и иных самостийников и большевиков. Недурно было бы и сравнить суммы, пожертвованные нашей армии, с количеством внесенных в совдепы контрибуций, обложений

и т.п. Мне лично, к сожалению, пришлось близко наблюдать пресмыкательство виднейших представителей русской интеллигенции в Киеве в период так называемого украинства. Конечно, было бы совершенно неправильно считать всю эту слюнявую и извивающуюся массу русской интеллигенции сознательными предателями и негодяями. Нет — это только люди с недоразвитым чувством национального достоинства и чести, лишенные обычной на Западе спайки, благодаря отсутствию национального воспитания. Ведь относясь отрицательно к идеям русского государственного национализма, наша интеллигенция создала известную теорию наднационального «российского» патриотизма, холодного и книжного, в сетях которого и гибла.

То же отсутствие национального мирозерцания привело к тому, что у большинства русской интеллигенции приобрел совершенно своеобразный характер вопрос «об ориентации». Когда выяснилось, что Россия погибает, средний интеллигент, сам не ударив пальцем о палец, занимался гаданием, какой из иностранных рыцарей приедет скорей и спасет его от насильников. Эта чисто рабья психология ожидания барина, который приедет и всех рассудит, одинаково была распространена и у левых, и у правых. Первые ждали великих демократий Запада, вторые — «молодчину Вильгельма». В решительный момент чувство национальной гордости и решимость пожертвовать всем, но не преклонить колена перед изменниками оказались только у ничтожного меньшинства. Я напому хотя бы позорную угодливость, с которой был встречен почти всей русской интеллигенцией Юго-Запада России знаменитый немецкий закон об украинском подданстве. Отсутствие национального воспитания и обусловленной им сплоченности привело к тому, что тот же самый интеллигент, который на тысячах митингов возмущенно протестовал против произвола проклятого царизма, покорно поплелся, подгоняемый прикладом наемных пьяных палачей Ленина и Троцкого.

II

В последнее время, правда, появились первые признаки отрезвления — появились умеренные и национально стойкие русские интеллигенты. Ни для кого ведь не секрет, что до сих пор типичный русский интеллигент был «чертовски лев», без лести предан Марксу и Бакунину. Много лет он был верен их идеям, но защищать их не научился. Это отсутствие желания защищать, казалось, такие дорогие для большинства русской интеллигенции идеи радикализма и космополитизма произвело сильное впечатление в некоторых кругах. Фигура солдата, от скуки разгоняющего Всероссийское Учредительное собрание, не забудется долго.

Но, во всяком случае, признаки оздоровления русской интеллигенции еще очень слабы и не имеют широкого распространения. Факт остается фактом. В последние годы не было у нас ни одного проходимца, ни одного предателя, который не нашел бы себе среди русской интеллигенции верных слуг, конечно, за приличное вознаграждение.

И то, что происходит сейчас на наших глазах, объясняется все тем же отсутствием национальной спайки, национальной выдержки. За героическими подвигами ничтожных по числу, но непобедимых по духу горсточек военных неизменно следуют «провалы в тылу». Тыл не способен подчинить своих мелких, своекорыстных интересов общенациональным, потому что ему чуждо то глубокое и всеобъемлющее чувство любви к родной стране, укрепленное и развитое государством, которое спасает от развала Бельгию, Францию и другие страны.

Что же ждет в ближайшее время так немногочисленных представителей русской интеллигенции, которые поняли всю жизненную необходимость идей государственного национализма? Их роль громадна. Придется одновременно и государство строить, и создавать из обрывков и обломков национально стойкий фундамент. И вся трудность заключается не в силе большевистского террора, не в «изменах» союзников, а в этой необходимости одновременно готовить и государственное здание,

и кирпичи для его стен. Тот же самый процесс происходил и 300 лет тому назад. Когда казалось, что грязные волны смуты, прокатившись по океану русской земли, уничтожали все, из пепла и развалин родилась Новая Россия и новые русские люди.

Основными силами, могущими взять на себя всю тяжесть подготовки возрождения русского государства, являются церковь, армия и часть крестьянства.

Враги России давно сумели внушить русской интеллигенции, что церковь и армия должны стоять вне политики, подразумевая под этим понятием не мелкое политиканство, до которого им в самом деле нет никакого дела, а действительное служение национальным русским интересам.

Они и здесь очень ловко старались пропаганду русского государственного национализма заменить специально сфабрикованной теорией «национального патриотизма». В действительности церковь православная и русская армия должны быть самыми могучими рассадниками государственного национализма и иметь в своем распоряжении готовую рать борцов за проведение в жизнь его идей. В ближайшем будущем церковь и армия должны играть руководящую роль во всей работе по возрождению национального государства.

Вожди армии должны понять, что только государственный национализм способен сплотить ее ряды в гранитную скалу и обезопасить от классового и партийного расчленения.

Все воспитание новой русской армии должно вестись в строго национальном духе. Армия должна требовать безусловного уважения к идеям русского государственного национализма от всех классов, всех племен, которые она защищает своею грудью.

Уловить происходящий в настоящее время чрезвычайно сложный процесс русской деревни очень трудно. Крестьянство как нечто единое давно уже не существует. Деревня расслоилась. Наиболее крепкие ее элементы постепенно пропитываются национальным мировоззрением.

Аграрная демагогия и неосуществимые социалистические посулы пока все еще сохраняют некоторое влияние в деревне благодаря ее темноте.

Крепко буржуазный общий колорит деревни теперь уже бесспорен. Чем позже она опомнится от угара революции, тем стихийней и беспощадней будет она мстить своим обманщикам в дни возрождения в ее среде русских национальных идей.

Пока совершенно ясно наметились контуры религиозного движения в среде лучших из крестьян.

Религиозный отпечаток, видимо, будет лежать на всех сторонах национального движения в деревне. У нас еще до сих пор не вполне избавились от вредных иллюзий при обсуждении самых основных вопросов государственного строительства. Уже понимают, что после страшного кошмара последних лет новые попытки сделать прыжок в рай социализма успеха иметь не будут. Бумажные теории, однако, все еще сильны, и многие думают, что все-таки нам как-то удастся как-нибудь избежать той тяжелой и той черной работы, которую проделали все государства Запада. Все это вздор. Строить государство будет пробудившаяся национальная элита. Строить так, как строили его все — *кровью и железом*.

Борьба со своекорыстьем классов возможна только под флагом государственного национализма.

Россия будет национальным государством, или ее совсем не будет!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 16 — 1е. Текст машинописный с рукописными вставками. Также см. рукописные черновые наброски В. В. Шульгина: ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–18 об. Первая публикация «Предисловия»: Пученков А. «Из подлинно белых рук власть не вырывают...» Истоки и итоги русской революции в интерпретации ее участника // Родина. 2016. № 4. С. 118–121. Стоит отметить, что при данной публикации никак не было отображено авторское деление текста на абзацы, в некоторых местах убраны авторские кавычки, в нескольких случаях два соседних предложения объединены в одно, пропущены отдельные части предложений, а порой — целые предложения и даже абзацы, причем эти «купюры» никак не обозначены и не обоснованы. Кроме того, многие слова и словосочетания в процессе публикации претерпели значительные изменения. Так, например, «дифференциальное уравнение» превратилось в «дифференцированное уравнение», «общественность» — в «общество», «поступили так или иначе» — в «поступили так иначе», «внесла» — во «влила». Вместо шульгинского предложения: «Тогдашняя широкая общественность состояла из “рыцарей”, понимавших рыцарство как право пьянствовать...» — мы видим: «Тогдашняя широкая общественность состояла из “розовой” (?), понимавших мужество (?) как право

пьянствовать...» Таким образом, часть текста Шульгина при данной публикации была сильно изменена и поэтому значительно отличается от оригинальной рукописи. В предисловии к публикации также есть ошибки: указано, что «Левитский публиковался в екатеринодарской газете "Россия"» (с. 118), что не соответствует действительности, т.к. в это время он находился в Киеве и работал в «Голосе Киева».

² Отдельные отрывки из данной части были опубликованы в приложении к книге А. С. Пученкова: *Левитский В. М. «Борьба на Юге»* // Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 238–246. Это касается следующих глав первой части: «Выборы в Украинское Учредительное собрание», «Первая осада Киева», «Большевики» (частично), «Немцы», «Гетман», «Встреча с Шульгиным», «"Голос Киева"», «Немцы отступают!», «Вторая осада Киева», «Отъезд». В данной публикации также проигнорировано авторское деление на главы (они даже не упомянуты) и абзацы. Как и при публикации «Предисловия» В. В. Шульгина, имеют место пропуски отдельных предложений, а также другие несоответствия оригинальной рукописи.

³ *Камера* — место, в котором отправляет свои обязанности должностное лицо (в данном случае — судья).

⁴ «Иллюминациями» называли поджоги помещичьих усадеб.

⁵ Имеются в виду события Апрельского кризиса, окончившегося отставкой П. Н. Милюкова с поста министра иностранных дел Временного правительства.

⁶ *Наживин И.* Из дум о народном собрании // Великая Россия. 1919. 5 (18) сентября. № 289. С. 1; *Он же.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 58–64. См. также рецензию на эту книгу: *Л. [Левитский В. М.]* О революционной деревне // Зарницы. 1921. 2 октября. № 24. С. 32.

⁷ Текст плаката был приведен на страницах «Киевлянина»: «Анатоль Савенко, В. Шульгин і купа інших чорносотенців (вбогі на голову професори, домовладільці, купці, шкуродери, словом, невеличка або "чесна" компанія списку № 3) верещать, що українські соціалісті хочуть насильно їх українізувати. *Брешуть вони, собачі голови!* Українські соціалісти дбають не про українізацію чорної сотні (нам цього "добра" і українізованого не треба), а про демократизацію городського життя і, перш за все, про те, щоб не допустити

панської чорної сотні до народних грошей. Годі нам вже дивитися, як чорна сотня наші гроші разкрадує. *Приліось!* Годі вам, чорносо-тенне панство, Богданами, Мазепами та австрійськими грішми тем-ним людям голови морочити! *Не одурите!* Віками обкрадуваний ца-рями і вами, царськими наймитами-посіпаками, народ український знає вже за кого йому голос подавати. *За соціалістів!* Український трудящий люде! Вигонь з Кніва чорну сотню! Покажи їй свою силу і свій розум! Хай живе соціалізм! Хай живе федерація!» (Украин-ская культура // Киевлянин. 1917. 23 июля. № 175. С. 2).

⁸ Данные автора не совсем точны. Социалистический блок, объ-единивший эсеров, меньшевиков, еврейский Бунд и польских социа-листов получил 64 207 голосов (37,01%), Украинский блок (украин-ские эсеры и эсдеки) — 34 603 голоса (19,95%), Внепартийный блок русских избирателей В. В. Шульгина (ВБРИ) — 25 421 (14,65%), ка-деты — 15 098 (8,7%), большевики — 9365 (5,4%), остальные спис-ки получили незначительное число голосов. Соответственно из 120 думских мандатов (а не из 80, как пишет Левитский) 44 достались Социалистическому блоку, 24 — Украинскому блоку, 18 — ВБРИ, 10 — кадетам, 7 — большевикам. Источник статистики: Выборы в Городскую Думу // Киевские городские известия. 1917. № 8. С. 51.

⁹ Украинская Центральная рада — на первоначальном этапе революции 1917 г. представительный орган украинских полити-ческих, общественных, культурных и профессиональных органи-заций, позднее — самопровозглашенный революционный парла-мент Украинской Народной Республики.

¹⁰ Речь В. В. Шульгина см.: Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 107–111.

¹¹ Д. Н. Григорович-Барский заявил: «Я думаю, что здесь никто не будет возражать против поддержки Временного правитель-ства. Наша партия высказала еще вчера определенное осуждение действий Корнилова, и в заседании своем наш городской комитет призвал всех своих членов к поддержке Временного правитель-ства» (Городская дума // Киевлянин. 1917. 30 августа. № 205. С. 3).

¹² Имеются в виду черноморские проливы Босфор и Дарданел-лы и их возможное включение в состав России по итогам войны, за что особенно рьяно ратовал лидер кадетов П. Н. Милюков, даже получивший прозвище «Милюков-Дарданелльский».

¹³ Подробнее про результаты выборов см. в Предисловии настояще-го издания. Позднее В. М. Левитский будет пытаться представить дело

так, что он выиграл выборы хотя бы в Житомире, что не соответствовало действительности: «В самый последний момент Рада еще организовала выборы в Украинское Учредительное собрание. Население городов уже было так накалено против украинцев, что по Киеву первым прошел В. В. Шульгин, а по Житомиру — пишущий эти строки. В провинции выборы сорвала начавшаяся анархия» (*Левитский В. М. Что каждый должен знать об Украине. Ч. I. Париж, 1939. С. 13*).

¹⁴ К. фон Альвенслебен был капитаном, а не майором.

¹⁵ Осенью 1919 г. «Киевской мысли» уже не существовало, вместо нее издавалась газета «Киевская жизнь».

¹⁶ *Союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства (ПРОТОФИС)* — экономическая и общественно-политическая организация, объединявшая представителей крупного бизнеса Украины во время правления гетмана П. П. Скоропадского.

¹⁷ *Шульгин В. Клуб самоубийц // Россия. 1918. 28 сентября (11 октября). № 35. С. 1.*

¹⁸ В. В. Шульгин уехал из Киева в Добровольческую армию 29 июля (11 августа) 1918 г., значит, его разговор с В. М. Левитским происходил 28 июля (10 августа).

¹⁹ В рукописи — «К. Лабенский», но, очевидно, это ошибка, и речь идет об известном галицко-русском журналисте С. А. Лабенском, жившем в это время в Киеве и расстрелянном в 1919 г. чекистами по доносу украинцев.

²⁰ Имеется в виду, что ранее особняк принадлежал предыдущему редактору «Киевлянина» Д. И. Пихно.

²¹ Автор не совсем точен. Первоначальное название организации — Русский национальный центр в Киеве (Киевский национальный центр), в Южно-Русский национальный центр (ЮРНЦ) она была переименована только в начале 1919 г., после того как в ее состав вошли представители других малороссийских и новороссийских губерний.

²² Речь идет об околкадетском Всероссийском национальном центре, руководство которого осенью 1918 г. переехало из Москвы в Киев.

²³ «Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин издал следующие приказы:

«Сего числа я вступил в командование всеми военными силами.

Все офицеры, находящиеся на территории бывшей России, объявляются мобилизованными».

Второй приказ предписывает всем офицерам бывшей российской армии свято и ненарушимо исполнять приказы генерала Деникина как начальника русской армии» (Русский главнокомандующий // Голос Киева. 1918. 13 ноября (31 октября). № 153. С. 2).

²⁴ В другой своей работе В. М. Левитский рассказывает об этом эпизоде так: «Полковник Барцевич переоделся в форму и поехал к украинскому военному министру генералу Рагозе. Он потребовал от министра немедленного подчинения генералу Деникину. Генерал Рагоза так растерялся, что начал уверять в своей верности России, оправдываться и креститься. Полковник Барцевич предложил сообщить по телефону в офицерские дружины разрешение вывесить русские национальные флаги, что и было исполнено» (Левитский В. М. Что каждый должен знать об Украине. Ч. I. С. 14).

²⁵ Директория Украинской Народной Республики — высший орган власти УНР в ноябре 1918 — ноябре 1920 г. Председателями Директории были В. К. Винниченко (ноябрь 1918 — февраль 1919 г.) и С. В. Петлюра (февраль 1919 — ноябрь 1920 г.).

²⁶ «Банды грабителей и насильников стремятся захватить и разграбить старый Киев. Русский национальный центр призывает всех русских людей принять участие в борьбе за порядок и законность.

Наши доблестные союзники на днях будут в Киеве.

Мы должны напрячь все силы!

Надо помнить, что захват матери городов русских украинскими большевиками затруднит и задержит восстановление государственного единства России.

Малодушие, неорганизованность и разброд принесут страшные бедствия нашему родному городу.

Русский национальный центр призывает всех способных носить оружие, отложив все политические разномыслия, немедленно стать в ряды добровольческих отрядов.

Бюро Русского национального центра в Киеве:

А. Д. Билимович,
П. М. Богаевский,
С. Г. Грушевский,
Г. В. Демченко,
Е. А. Ефимовский,
В. М. Левитский,
А. И. Савенко,
Е. Г. Шульгина»

(От Русского национального центра // Голос Киева. 1918. 20 (7) ноября. С. 3).

²⁷ Передовые части петлюровцев вошли в Киев 1 (14) декабря 1918 г.

²⁸ Речь идет о смерти от «испанки» секретарши и любовницы В. В. Шульгина.

²⁹ *Совещание на Принцевых островах* — международное совещание, которое по плану стран Антанты должно было состояться на Принцевых островах, находящихся поблизости от Константинополя, 15 февраля 1919 г. Предполагалось участие представителей всех государственных образований и политических групп бывшей Российской империи, а также представителей Антанты. Целью совещания была выработка совместного договора о будущем России. В связи с тем, что все стороны, кроме РСФСР и Эстонии, отвергли это предложение, совещание не состоялось.

³⁰ *Дашнакцутюн (Армянская революционная федерация, АРФ)* — армянская политическая партия, находившаяся у власти в Армении в 1918–1920 гг.

³¹ Подробнее о комиссии см.: *Пученков А. С. Деятельность Подготовительной по национальным делам комиссии и ее председателя В. В. Шульгина в 1919 г.* // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в Гражданской войне в России, 1917–1922 гг.» М., 2005. С. 138–142.

³² Труды Подготовительной по национальным делам комиссии. Бессарабский отдел. Вып. 1. Записка о международном положении Бессарабии. Одесса, 1919; Труды Подготовительной по национальным делам комиссии. Малорусский отдел. Вып. 1. Сборник статей по малорусскому вопросу. Одесса, 1919.

³³ *Шульгин В.* Заявление // Россия: Одесское издание. 1919. 25 (12) января. № 4. С. 1.

³⁴ *Шульгин В.* Вермишель // Россия: Одесское издание. 1919. 26 (13) января. № 5. С. 1.

³⁵ *Шульгин В.* Протекторат // Россия: Одесское издание. 1919. 1 февраля (19 января). № 10. С. 1.

³⁶ *С. Р.* (от фр. Service de Renseignement) — служба разведки.

³⁷ *Шульгин В.* Передовая статья от 8 февраля (26 января) // От редакции газеты «Россия». [1919. 8 февраля (26 января). Спец-выпуск].

³⁸ В. В. Бискупский категорически отрицал свои гетманские амбиции. Он обратился в редакцию «России» с письмом следующего содержания:

«В номере газеты «Россия» от 4 февраля в фельетоне в виде более чем прозрачного намека сообщается о будто бы поданном мною проекте воссоздания гетманства на Украине, причем мне приписывается желание облечься в мантию гетмана.

Конечно, это фельетон, и на настоящее мое письмо каждый, казалось бы, вправе сказать: «Вольно ему себя узнавать», — но намек намеку рознь, и бывают намеки такого свойства, которые могут иметь последствия далеко не фельетонного характера. Вот почему я считаю необходимым категорически протестовать против приписываемых мне намерений.

Нет, говорят, дыма без огня, и действительно я подал проект «аграрной реформы», направив его во Всероссийский союз земельных собственников.

Что это может иметь общего с проектом воссоздания гетманства, предоставляю судить каждому» (*Бискупский В.* Письмо в редакцию // *Россия*. 1919. 6 февраля (24 января). № 14. С. 4).

³⁹ Цитата не совсем точная, правильно: «Я гуляю без подштанников, // И мне, право, все равно, // Кто Одессой правит: Санников // Или госпожа Энно!» (*Мятлев В. П.* После мятежка. Политические памфлеты и стихотворения. 1917–1922. Мюнхен, 1922. С. 28).

⁴⁰ В статье, опубликованной на следующий день после парада, Левитский писал:

«Великой России, Родине нашей, ура!.. Ура!..» — гремело сегодня на огромной Соборной площади. И вновь со всех сторон щетикнулись боевые штыки, блестела медь, колыхались ряды орудий и зарядных ящиков.

Русское общество провожало сегодня на фронт свою молодежь, гордость и счастье новой России! Опять поход! Опять кругом милые, интеллигентные обветренные лица. Среди них так много не раз видевших смерть, со скромными галунными нашивками на руках. У многих поблескивали маленькие благородные белые крестики. Все бодрые, оживленные. В каждом движении чувствовалась уверенность и привычка к строю.

Стройными рядами уходили они с парада, в последний раз перед отправлением на фронт» (*Левитский В. М.* В добрый час! // *Южная Русь*. 1919. 19 (6) марта. № 20. С. 1).

⁴¹ Первая публикация: *Левитский М. Как мы ехали // Великая Россия. 1919. 17 (30) апреля. № 184. С. 1; Он же. Как мы ехали. III // Великая Россия. 1919. 21 апреля (4 мая). № 187. С. 2. Вторая часть, вероятно, была опубликована в номере 185 или 186.*

⁴² *Дестройер* (от англ. *destroyer* — истребитель) — английское название миноносцев, предназначенных для уничтожения миноносцев неприятеля; то же самое, что эскадренный миноносец.

⁴³ Вероятно, имеется в виду полковник П. Т. Самохвалов.

⁴⁴ Пассажиrom «Шилки» был М. Ю. Иорданский, которого первоначально приняли за Н. И. Иорданского.

⁴⁵ *Первый Кубанский («Ледяной») поход* — первый поход Добровольческой армии на Кубань с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая) 1918 г. Проходивший в чрезвычайно трудных условиях, поход сформировал костяк армии и поспособствовал появлению особого ореола, окружавшего первопоходников.

⁴⁶ *Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР* — законосовещательный и распорядительный орган управления на белом Юге России в 1918–1919 гг., выполнявший функции правительства.

⁴⁷ Воспоминания В. В. Шульгина об этом разговоре см. в: *Шульгин В. Свобода и дисциплина // Россия. Издание Союза русских писателей и журналистов. 1935. 3 ноября. Специальный номер (№ 33). С. 3.*

⁴⁸ Приказ о закрытии «России» гласил:

«По возвращении в Екатеринодар Кубанское краевое правительство приступило к творческой работе по созданию на Кубани твердого правопорядка. Предпринимая ряд неотложных мер в области управления, правительство оставляло основные вопросы государственного бытия на решение Кубанской краевой чрезвычайной рады, к подготовке созыва которой оно приступило, считая, что основой будущего управления краем должна служить воля населения Кубани. Между тем в этой своей работе правительство натолкнулось на противодействие со стороны некоторых общественных групп, не проявлявших себя ничем во время большевизма, но устремившихся на Кубань немедленно по ее освобождении и здесь начавших свою работу, направленную не к необходимому сплочению всех живых сил для дальнейшей борьбы с большевизмом и укреплению здоровых государственных начал, а к внесению узкопартийной розни и разложению пропагандой совершенно не соответствующих настроению населения края монархических учений. Наиболее яр-

ким выразителем этого течения явился орган господина Шульгина "Россия". Направление этой газеты с первого ее номера носило совершенно недопустимый характер стремления убедить всех, что борьба с большевизмом ведется во имя монархических идеалов, что на смену советской власти должна прийти диктатура, причем горячей защитой единоличной власти редакция "России" желала оставить впечатление, будто бы самый вопрос о диктатуре поставлен для осуществления путем ее идей, провозглашаемых этой газетой.

Это обстоятельство вызывало совершенно ложные представления у населения о целях борьбы и вело к губительному обострению отношений между отдельными группами, создавало ненужную и вредную тревогу на фронте и мешало планомерной и быстрой борьбе с большевизмом, внося в нее излишние осложнения.

В своей пропаганде монархических идей и отрицания необходимости широкого участия народа в государственном строительстве редакция "России" дошла до того, что стала стараться дискредитировать высший орган управления Кубанским краем — Краевую раду, не останавливаясь перед лживыми измышлениями по адресу Рады.

Не считая возможным в обстановке войны допускать намеренную пропаганду раздора и вражды внутри сплоченного единой задачей населения Кубани, ведущей героическую борьбу за честь и достоинство России, я постановил: газету "Россия" закрыть навсегда, опечатав ее типографию, и не допускать впредь возникновения подобных органов, чуждых задачам и настроениям населения Кубани и не терпимых в обстановке военных действий вследствие осуществляемых ими преднамеренной дезорганизации тыла и противодействия стремлениям органов власти создать надежный оплот для скорейшего победоносного окончания губительной гражданской войны и создания новой Великой и Свободной России.

Член Краевого правительства по ведомству внутренних дел А. Кулабухов» (Приказ по ведомству внутренних дел Кубанского краевого правительства № 5117 // Вольная Кубань. 1918. 9 декабря. № 133. С. 1).

⁴⁹ Шульгин В. Монархисты // Россия. 1918. 17 (30) августа. № 2. С. 1–2; Он же. Монархисты // Россия. 1918. 18 (31) августа. № 3. С. 1–2; Он же. Передовая // Россия. 1918. 7 (20) октября. № 42. С. 1–2.

⁵⁰ Обер-прокурором Синода был его брат В. Н. Львов.

⁵¹ Точная цитата: «Социализм, федерализм — все это пышные костюмы, прикрывающие внутреннее убожество и полную бессо-

держательность маленьких людей, которых история выдвинула на передовые роли.

Они со всем готовы примириться, на все пойдут и не прощают одного, когда их действия не встречены громом аплодисментов.

Рукоплескать мы никогда не будем» (*Львов Н.* Передовая от 12 декабря // Великая Россия. 1918. 13 (26) декабря. № 2 (90). С. 1).

⁵² При написании главы автором были использованы материалы его же статьи: *Левитский В.* Чем славен и велик Екатеринодар // Великая Россия. 1919. 17 (30) июля. № 258. С. 1.

⁵³ Редакция «Великой России» в Екатеринодаре располагалась по адресу: ул. Красная, д. 36 (угол с Екатерининской). Сегодня это пересечение улицы Красной и улицы Мира, само здание редакции не сохранилось.

⁵⁴ Первая публикация: *Левитский В.* В гостях у настоящих кубанцев (Из летних набросков). I. В станице // Великая Россия. 1919. 29 октября (11 ноября). № 332. С. 1.

⁵⁵ Первая публикация (без последних четырех абзацев): *Левитский В.* В гостях у настоящих кубанцев (Из летних набросков). II. В степи // Великая Россия. 1919. 1 (14) ноября. № 335. С. 1.

⁵⁶ *Пахтанья* — сыворotka, остающаяся после сбивания коровьего масла.

⁵⁷ Первая публикация: *Левитский В.* В гостях у настоящих кубанцев (Из летних набросков). III. На плавнях // Великая Россия. 1919. 5 (18) ноября. № 338. С. 1.

⁵⁸ В данном случае реке противопоставляется «Вольная Кубань» с кавычками, то есть газета Кубанского краевого правительства, имевшая выраженный «самостийнический» уклон.

⁵⁹ В рукописи — «Хорушенко», но, вероятно, это опечатка.

⁶⁰ Ранее эта история была опубликована в: *Вал. Л.* [*Левитский В. М.*] Сознательные граждане социалистической республики (Рассказ очевидца) // Великая Россия. 1919. 22 июня (5 июля). № 237. С. 1.

⁶¹ *Русское общественное собрание (РОС)* — ростовская организация клубного типа, существовавшая в 1914–1919 гг. и объединявшая в своих рядах черносотенцев, русских националистов и правое крыло октябристов. В годы Гражданской войны стала центром пропаганды монархизма на Дону и Северном Кавказе. Помещение РОС, в котором и расположилась «Великая Россия», находилось по адресу: Большая Садовая ул., д. 63 (до наших дней дом не сохранился).

⁶² *Левитский В.* На новом месте // Великая Россия. 1919. 15 (28) августа. № 273. С. 1.

⁶³ *В. Л. [Левитский В. М.]* По освобожденным местам // Великая Россия. 1919. 5 (18) сентября. № 289. С. 1.

⁶⁴ Кроме этого выступления, В. М. Левитский прочитал в Киеве лекцию, анонс в «Киевлянине» гласил: «30 августа, в 7 ч. веч., в зале Коммерческого института (Биб[иковский] б[ульвар], 24) редактор газеты "Великая Россия" В. М. Левитский сделает сообщение "Екатеринодарский период русской истории". Сбор в пользу Комитета нац. объединения России. Билеты — Нестеровская, 19, а в день лекции — в помещении института» (Лекция // Киевлянин. 1919. 29 августа. № 8. С. 3).

⁶⁵ Первоначально данная статья была опубликована в «Киевлянине»: *Шульгин В.* «Тыл отстаёт от фронта» // Киевлянин. 1919. 1 сентября. № 10. С. 1.

⁶⁶ Имеется в виду его уход с поста походного атамана под давлением «самостийников».

⁶⁷ Первый новороссийский номер «Великой России» вышел 11 (24) января 1920 г., но передовая статья В. М. Левитского датирована 10 января. Он писал: «Газета "Великая Россия" связала свою судьбу с делом борьбы за возрождение России. Она радовалась в дни успехов нашей армии, горевала вместе с ее бойцами в дни неудач.

И теперь, в суровые дни новых испытаний, выпуская сегодня этот номер в г. Новороссийске, мы по-прежнему непоколебимо верим в торжество идей, одушевлявших участников "Ледяного" похода и героев кровавой борьбы на Северном Кавказе.

Россия будет Единой, будет Великой.

Русский народ после страшных опытов насаждения социализма голодом и пытками вернется к мирному труду и национальному государственному строительству» ([*Левитский В. М.*] Передовая от 10 января // Великая Россия. 1920. 11 (24) января. № 378. С. 1).

⁶⁸ На страницах газеты был обозначен следующий временный адрес редакции: Серебряковская ул. (ныне ул. Советов), д. 39, со двора (до наших дней дом не сохранился). В феврале 1920 г. редакция переехала в бывшее помещение «Черноморских губернских ведомостей»: Серебряковская ул., д. 29 (здание также не сохранилось).

⁶⁹ Левитский писал в передовой статье, во многом повторяя первую свою статью «новороссийского» периода:

«"Великая Россия" — старейшая газета армии — сегодня возобновляет свою работу в Севастополе.

С 1918 года мы связали свою судьбу с судьбой борцов за честь и единство поруганной Родины.

С ними мы радовались успехам, скорбели при неудачах кровавой борьбы с погонщиками оскотинившейся черни.

Сегодня мы приветствуем своих единомышленников и читателей, работающих сейчас в Крыму, несмотря на ужасы Ростова, кубанского отступления и Новороссийска.

Мы им сообщим, что судьбе угодно было, чтобы и наша редакционная семья понесла невознаградимые потери.

В лазаретах Ростова остались первый редактор газеты и ее секретарь. В Новороссийске тиф унес в могилу постоянных сотрудников наших, незабвенных кн. Е. Н. Трубецкого и А. А. Зноско-Боровского.

Оставшиеся сегодня уже в четвертый раз на новом месте возобновляют издание "Великой России".

Со спокойной совестью и чистым сердцем приступаем мы к работе.

Пронесшийся ураган не изменил наших политических убеждений, не осквернил наших идеалов.

По-прежнему верны мы Единой и Великой России, знаем, что святое дело Алексеева и Корнилова не может погибнуть.

Сейчас оно в надежных, верных руках талантливых вождей нашей армии. <...>

Причины пережитых неудач не в неправильности лозунгов, а в негодности организации, оказавшейся недостаточно нравственно стойкой и сильной. Потянуло нас вниз своекорыстие и презрение к общему благу.

Спасение в подчинении групповых и классовых интересов национальной программе Единой и Великой России.

Идеи русского государственного национализма, прочувствованные и выношенные в глубине исстрадавшейся и истерзанной русской души в години национального позора, — вот что очистит нас и сделает вновь великими и русскую культуру, и русское государство» ([Левитский В. М.] Передовая от 2 мая // Великая Россия. 1920. 2 мая. № 1 (413). С. 1).

⁷⁰ Редакция и контора «Великой России» разместились в помещении магазина «Проводник» на Нахимовском пр-те, д. 29 (здание не сохранилось).

⁷¹ [Струве П. Б.] Передовая от 22 февраля // Великая Россия. 1920. 22 февраля. № 412. С. 1; [Левитский В. М.] Передовая от 2 мая // Великая Россия. 1920. 2 мая. № 1 (413). С. 1.

⁷² Цитата представляет собой компиляцию отрывков из приведенной выше передовой от 2 мая и какой-то другой статьи автора.

⁷³ В данном случае автор ошибается, газеты с таким названием в Крыму в 1920 г. не было. Возможно, он имеет в виду газету «Время Бор. Суворина», издававшуюся в Симферополе, или севастопольское «Вечернее слово», имевшее подзаголовок «Издание группы сотрудников «Нового времени»».

⁷⁴ Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о земле от 20 мая 1920 года: Со всеми дополнениями. Константинополь: Бюро русской печати в Константинополе, 1920.

⁷⁵ В. Л. [*Левитский В. М.*] Ставка на деревню. Беседа с А. В. Кривошеиным // Великая Россия. 1920. 21 июля (3 августа). № 67 (479). С. 1. Отметим, что в «Борьбе на Юге» В. М. Левитский приводит не точные и полные цитаты из интервью Кривошеина, а скорее, его пересказ.

⁷⁶ Публикуется по: ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 450. Л. 1–19. Текст машинописный, после каждого из писем — подпись-автограф В. М. Левитского.

⁷⁷ Публикуется по: *Левитский В.* Бред (Обрывки воспоминаний) // Русская мысль. 1922. Кн. 1–2. С. 123–132. Первая публикация: *Левитский В.* Бред (Обрывки воспоминаний) // Великая Россия. 1920. 28 октября (10 ноября). № 147 (559). С. 1–2; 29 октября (11 ноября). № 148 (560). С. 1–2.

⁷⁸ Публикуется по: *Левитский В.* Наша интеллигенция и проблема национализма. I // Великая Россия. 1919. 21 декабря (1920. 3 января). № 374. С. 1; *Он же.* Наша интеллигенция и проблема национализма. II // Великая Россия. 1919. 24 декабря (1920. 6 января). № 375. С. 1–2.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий русской армии (1917), один из организаторов Белого движения на Юге России и Верховный руководитель Добровольческой армии (1918) 35, 38, 88–91, 93, 143, 180, 221, 237

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) — философ и правовед, сотрудник газеты «Великая Россия» 126, 127, 162

Алексеева Анна Николаевна (1872–1960) — супруга М. В. Алексеева 101, 102, 105, 118, 121

Альвенслебен Константин фон (1866–1943) — граф, капитан немецкой армии 57, 229

Андро Дмитрий Федорович (1870 — не ранее 1921) — член Государственной думы I созыва от Волынской губернии, волынский губернский староста (1918), помощник по гражданской части генерала д'Ансельма (1919) 79

Астров Николай Иванович (1868–1934) — московский городской голова, один из лидеров Конституционно-демократической партии и Всероссийского национального центра, начальник управления внутренних дел Особого совещания при глав-

нокомандующем ВСЮР (1919) 88

Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1925) — историк, министр иностранных дел Украинской державы (ноябрь — декабрь 1918) 64

Б

Бай-Хронов — капитан Измайловской роты Сводно-гвардейского полка 145

Бакунии Михаил Александрович (1814–1876) — революционер, один из теоретиков анархизма 223

Барк Петр Львович (1869–1937) — последний министр финансов Российской империи 178

Барцевич Владимир Петрович (1887–1920/1922) — полковник, руководитель киевского отделения тайной организации В. В. Шульгина «Азбука» 63, 64, 129, 130, 230

Безак Федор Николаевич (1865–1940) — киевский губернский предводитель дворянства, член Государственной думы III и IV созывов от Киевской губернии, член Государственного совета 56, 57

Безрадецкий Александр Георгиевич — солдат, член кадетской партии, член Украинской Центральной рады от национальных меньшинств, глава мандатной комиссии на шестой сессии УЦР 46

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — экономист, министр финансов Временного правительства, начальник управления финансов Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919), министр финансов Южнорусского правительства (1920) 88, 98, 173

Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963) — экономист, профессор Киевского университета, начальник управления земледелия и землеустройства Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919), сотрудник газет «Голос Киева» и «Великая Россия» 62, 76, 127, 230

Бискупский Василий Викторович (1878–1945) — генерал-майор, командующий гетманских войск в Одессе 79, 232

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) — генерал-лейтенант, атаман Всевеликого Войска Донского 95

Богаевский Петр Михайлович (1866–1929) — юрист, профессор Киевского университета, сотрудник газеты «Голос Киева» 62, 230

Боржинский Федор Кондратович (1879–1919) — барон, полковник, посол Украинской державы на Кубани 94

Бориус Альберт-Шарль-Жюль (1865–1937) — французский бригадный генерал 73

Бренсен Вера Эмильевна — воспитательница киевского приюта для девочек-проституток 55

Бронштейн Макс — товарищ комиссара юстиции советской Кубанской республики (весна 1918) 117

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий русской армии (1917) 50

Бубликов Александр Александрович (1875–1941) — инженер, член Государственной думы IV созыва от Пермской губернии, в дни Февральской революции — комиссар Временного комитета ГД в Министерстве путей сообщения 41

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — революционер-народник, публицист и издатель, в годы Гражданской войны сторонник Белого движения 165

Бутенко Борис Аполлонович (1873–1940) — инженер, министр путей сообщения Украинской державы (1918) 57

Бутенко Петр Эрастович (1880–1960) — инженер, председатель киевского городского комитета кадетской партии, городской голова Киева (осень 1919) 58

Быч Лука Лаврентьевич (1870–1945) — председатель Кубанского краевого правительства (1917–1918) 93, 94, 137

В

Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) — историк, один из лидеров кадетской партии на Украине, и.о. председателя Совета министров Украинской державы, министр народного просвещения (1918) 57, 59

Васильев Антон Антонович (1873 — не ранее 1919) — публицист и общественно-политический деятель, член кадетской партии, редактор

газет «Россия» и «Великая Россия» (1918–1919) 14, 92, 96

Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич) (1880–1961) — церковный деятель, епископ Севастопольский (1919–1920) 161

Верещака Яков Анисимович (?–1938) — член Кубанского краевого правительства 194

Вернадский Владимир Иванович (1873–1945) — ученый-естествоиспытатель и общественно-политический деятель, академик 135

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — историк, профессор Таврического университета, корреспондент газеты «Великая Россия» в Крыму 127

Вильгельм II (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918) 93, 222

Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — писатель, один из лидеров украинского движения, председатель Генерального секретариата УНР (1917–1918), председатель Директории УНР (1918–1919) 46, 77, 230

Вишневский Гавриил Андреевич (1873–1955) — общественно-политический деятель, член Государственной думы IV созыва от Киевской губернии 57

Волков Николай Константинович (1875–1950) — общественно-политический деятель, член Государственной думы III и IV созывов от Забайкальской области, в годы Гражданской войны — один из лидеров Всероссийского национально-го центра 63

Врангель Ольга Михайловна (1883–1968) — жена П. Н. Врангеля, медик и общественный деятель 170

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Юге России, главнокомандующий Русской армией (1920) 17, 19, 21, 30–32, 35, 38, 88, 95, 96, 139, 140, 142, 145, 147, 152–154, 158–161, 163, 165, 168, 170–173, 175, 179, 182–184, 188, 189, 197, 206

Г

Гаазе (Гассе) Ганс (1865 — не ранее 1918) — майор, представитель немецкой разведки на Украине 57

Галип Артемий Михайлович (1887 — не ранее 1927) — адвокат, представитель Директории УНР в Одессе 80

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1905) — священник, профсоюзный и политический деятель, организатор шествия рабочих 9 января 1905 г. 79

Гедройц Евгений Евгеньевич (1887–1923) — князь, полковник, участник Белого движения на Юге России 144

Герцль Теодор (1860–1904) — общественно-политический деятель, основоположник сионизма 219

Гижицкий Александр Степанович (1869–1938) — общественно-политический деятель, член Государственной думы III и IV созывов от Подольской губернии 57

Гижицкий Михаил Львович (?–1941) — киевский помещик,

- государственный секретарь Украинской державы (1918) 57
- Гинс Георгий Константинович (1887–1971) — юрист, управляющий делами Верховного правителя и Совета министров (1919–1920) 185
- Гоерц Александр Александрович фон (1880–1932) — полковник, генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР и штаб-офицер для связи с Донской армией, корреспондент газеты «Великая Россия» в Донской армии 127
- Голицын Александр Дмитриевич (1874–1957) — князь, член Государственной думы III созыва от Харьковской губернии, председатель Союза промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства Украины (1918) 59
- Гомер (VIII в. до н.э.) — легендарный древнегреческий поэт-сказитель 35
- Горностаев Сергей Иванович (1859 — не ранее 1918) — киевский полицмейстер (1914–1917) 57
- Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958) — адвокат, общественно-политический деятель, председатель Всеукраинской партии конституционных демократов (1918) 48, 228
- Григорьянц — автор письма, опубликованного в газете «Великая Россия» 101
- Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880–1919) — генерал-майор, военный губернатор Одессы и командующий войсками Добровольческой армии Одесского района (1918–1919) 72–74, 78, 79
- Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — историк и общественно-политический деятель, профессор, председатель Украинской Центральной рады (1917–1918) 219
- Грушевский Сергей Григорьевич (1892–1937) — историк, профессорский стипендиат Киевского университета 45, 46, 47, 63, 230
- Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) — государственный деятель и публицист, член Государственного совета 178
- Гутник Сергей Михайлович (1868 — не ранее 1920) — одесский финансист и адвокат, член кадетской партии, министр торговли и промышленности Украинской державы (1918) 58
- Д**
- Д'Ансельм Филипп Анри Жозеф (1864–1936) — французский бригадный генерал, командующий войсками Антанты на Юге России (1919) 74
- Данильчев Дмитрий Петрович (псевдоним — Никлов Иван Петрович) (1891–1933) — журналист, редактор газеты «Голос Киева» 62
- Демидов Игорь Платонович (1873–1946) — журналист и общественно-политический деятель, член Государственной думы IV созыва от Тамбовской губернии, активный участник Всероссийского национального центра 63
- Демченко Григорий Васильевич (1869–1958) — историк права, профессор Киевского университета 9, 63, 230

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией (1918–1919), главнокомандующий ВСЮР (1919–1920) 23, 30, 32, 35–38, 64–67, 69, 72, 74, 77, 79, 80, 86, 88, 89, 91, 95, 98, 104, 120, 130, 132, 133, 135, 137–145, 149, 152–156, 158–160, 163, 166, 188, 206, 221, 229, 230

Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948) — князь, генерал-лейтенант, главнокомандующий вооруженными силами Украинской державы (1918) 66, 69

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) — князь, общественно-политический деятель, член Государственной думы II созыва от Москвы, один из основателей кадетской партии 50, 66

Дорман Павел Евстигнеевич (1884–1945) — полковник, 2-й квартирмейстер штаба ВСЮР 161

Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) — историк, публицист и общественно-политический деятель, основоположник украинского социализма 11

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955) — генерал от кавалерии, председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919), главноначальствующий Киевской области (1919) 88, 90, 91

Е

Екатерина II (1729–1796) — российская императрица (1762–1796) 50

Ефимовская Зоя Григорьевна (1898–1984) — певица и пианистка, супруга Е. А. Ефимовского 71

Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) — адвокат, публицист, член киевского городского комитета кадетской партии, сотрудник газеты «Голос Киева» 12, 62, 63, 71, 230

Ж

Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938) — советский военачальник 171, 181

Жорес Жан (1859–1914) — французский политик-социалист 42

З

Зноско-Боровский Александр Александрович (1876–1920) — прокурор 2-го департамента Сената, член совета начальника управления земледелия и землеустройства Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919), сотрудник газеты «Великая Россия» 127, 154, 237

И

Иозефи Владимир Германович (1873–1920) — киевский домовладелец и общественно-политический деятель, один из ближайших соратников В. В. Шульгина 90

Иорданский Михаил Юрьевич (1881–1972) — присяжный поверенный, член партии народных социалистов 86, 233

Иорданский Николай Иванович (1876–1928) — революционер, социал-демократ, комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте (1917) 86, 233

К

- Карамзин Николай Михайлович (1766-1826) — историк и писатель 219
- Карамышев Владимир Дмитриевич (1881-1936) — генерал-майор, участник тайной организации В. В. Шульгина «Азбука» 63
- Келлер Федор Артурович (1857-1918) — граф, генерал от кавалерии, главнокомандующий вооруженными силами Украинской державы (1918) 66
- Керенский Александр Федорович (1881-1970) — министр-председатель Временного правительства (1917) 45, 49, 55, 136, 167, 221
- Кинг И. М. — заведующий типографией газеты «Великая Россия» 96
- Кистяковский Игорь Александрович (1876-1940) — юрист, член кадетской партии, государственный секретарь и министр внутренних дел Украинской державы (1918) 63
- Клемансо Жорж (1841-1929) — французский политик, премьер-министр (1906-1909; 1917-1920) 73
- Ковалевский Евраф Петрович (1865-1941) — общественно-политический деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов от Воронежской губернии 76
- Кокорев А. А. — предприниматель, один из пайщиков газеты «Великая Россия» 126
- Кокошкин Владимир Федорович (1874-1926) — адвокат, член кадетской партии 49
- Кокошкин Федор Федорович (1871-1918) — правовед и общественно-политический деятель, один из основателей кадетской партии, член Государственной думы I созыва от Москвы 49, 50
- Колчак Александр Васильевич (1874-1920) — адмирал, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией (1918-1920) 77, 87, 140, 185, 188
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918) — генерал от инфантерии, главнокомандующий Русской армией в 1917 г., один из организаторов Белого движения на Юге России и главнокомандующий Добровольческой армией (1917-1918) 22, 35, 38, 47, 48, 88, 89, 108, 118, 119, 143, 170, 180, 190, 228, 237
- Костомаров Николай Иванович (1817-1885) — историк, публицист и общественный деятель 11
- Котов-Коношенко Ефим Емельянович — харьковский помещик, один из руководителей Украинской народной громады (1918-1919) 79
- Краснов Петр Николаевич (1869-1947) — генерал от кавалерии, атаман Всевеликого Войска Донского (1918-1919) 93, 95, 205
- Кривошеин Александр Васильевич (1857-1921) — председатель правительства Юга России (1920) 19, 126, 172, 174-176, 238,
- Крупенский Александр Николаевич (1861-1939) — общественно-политический деятель, бессарабский губернский предводитель дворянства 76

Ксюнин Алексей Иванович (1880–1938) — журналист, военный корреспондент 85

Кулабухов Алексей Иванович (1880–1919) — священник, член Кубанской краевой рады, министр внутренних дел Кубанского краевого правительства (1918) 92, 138, 139, 234

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — публицист и общественно-политический деятель, активистка либерального и масонского движений 186

Кутепов Александр Павлович (1882–1930) — генерал от инфантерии, один из лидеров Белого движения на Юге России 148, 151, 158, 199

Л

Лабенский Семен Андреевич (?–1919) — журналист, сотрудник газет «Прикарпатская Русь» и «Голос Киева» 62, 229

Ладомирский Николай Николаевич (1877–1919) — общественно-политический деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов от Могилевской губернии 76

Лампе Алексей Александрович фон (1885–1967) — генерал-майор, активный участник Белого движения на Юге России, редактор газет «Россия» и «Великая Россия», корреспондент «Великой России» в Киеве 14, 92, 96, 127

Левитская Елена Валерьевна (1911–1978) — дочь В. М. Левитского 70

Левитская Мария Афанасьевна (1888–1983) — супруга В. М. Левитского 22, 27

Ленин Владимир Ильич (1870–1924) — революционер, советский политический и государственный деятель, основатель большевистской партии и советского государства 20, 77, 222

Лизогуб Федор Андреевич (1851–1928) — общественно-политический деятель, министр внутренних дел и председатель Совета министров Украинской державы (1918) 57

Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) — историк, профессор Новороссийского университета 76, 81

Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — политический деятель, премьер-министр Великобритании (1916–1922) 159

Ломновский Петр Николаевич (1871–1956) — генерал-лейтенант, начальник Киевского центра Добровольческой армии 63, 65, 69

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант, председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919), один из лидеров Белого движения на Юге России 88, 94, 149, 153

Львов Владимир Николаевич (1872–1930) — общественно-политический и церковный деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов от Самарской губернии, обер-прокурор Святейшего синода (1917) 234

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, общественно-политический деятель, первый министр-председатель

- Временного правительства (1917) 42, 173
- Львов Николай Николаевич (1865–1940) — общественно-политический деятель, депутат Государственной думы I, III и IV созывов от Саратовской губернии, издатель газеты «Великая Россия» 15, 19, 88, 90, 92, 93, 95, 96, 98, 125, 127, 162
- Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) — лингвист-славист, профессор Новороссийского университета 76
- Ляхов Владимир Платонович (1869–1920) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Северном Кавказе 204
- М**
- Магеровский Лев Флорианович (1896–1986) — журналист и общественно-политический деятель, один из основателей и руководителей РЗИА 27, 31
- Мазепа Иван Степанович (1639–1709) — гетман Войска Запорожского 11, 228
- Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920) — генерал-лейтенант, главноначальствующий Харьковской области (1919) 103, 146, 191, 193, 199, 204
- Макаренко Иван Леонтьевич (1882–1945) — хорунжий, председатель Кубанской крайвой рады в 1919 г., один из лидеров «черноморцев» 137, 139
- Мамонов Петр Петрович (1870–1919) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России 201
- Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) — генерал-лейтенант, один из руководителей Донской армии 102, 148
- Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — советский государственный и партийный деятель, заместитель председателя советской делегации на Украине (1918) 68
- Марголин Арнольд Давидович (1877–1956) — адвокат и общественно-политический деятель, заместитель министра иностранных дел УНР (1918–1919) 80
- Маркс Карл (1818–1883) — немецкий философ, социолог, экономист, журналист и общественно-политический деятель, основоположник марксизма 223
- Маслов Д. — автор статьи «Печать при Врангеле» 19
- Маслов Сергей Николаевич (1867–1925) — общественно-политический деятель, активный участник земского движения, начальник управления продовольствия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919) 88
- Махно Нестор Иванович (1888–1934) — революционер-анархист, командующий Революционной повстанческой армией Украины 134, 136, 137
- Махров Петр Семенович (1876–1964) — генерал-лейтенант, начальник штаба главнокомандующего ВСЮР (1920) 161
- Мациевич Константин Андрианович (1873–1942) — министр иностранных дел УНР (1919) 80
- Мельницкий Владимир Михайлович (?–1920) — полковник,

- помощник начальника отделения в управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР, корреспондент газеты «Великая Россия» в Таганроге 127
- Миллер Евгений Карлович (1867–1939) — генерал-лейтенант, лидер Белого движения на Севере России, председатель РОВС (1930–1937) 24
- Миллюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк и общественно-политический деятель, лидер кадетской партии, депутат Государственной думы III и IV созывов от Санкт-Петербурга, министр иностранных дел Временного правительства (1917) 12, 23, 42, 48, 58, 159, 186, 227, 228
- Минин Кузьма (?–1616) — организатор и один из руководителей Земского ополчения в годы Смутного времени 117, 166
- Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, младший брат Николая II 41
- Могилевская Павлина (Лина) Витальевна (1864–1945) — единоутробная сестра В. В. Шульгина, заведующая хозяйственной и литературной частью газет «Киевлянин» и «Голос Киева» 62
- Могиланский Николай Кириллович (1877–1966) — биохимик и микробиолог 76
- Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) — подполковник, левый эсер, советский военачальник 52
- Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) — историк и общественно-политический деятель, один из лидеров на-
родных социалистов и Союза возрождения России 30, 86
- Мятлев Владимир Петрович (1868–1946) — поэт-сатирик 79
- Н**
- Наживин Иван Федорович (1874–1940) — писатель, сотрудник газеты «Великая Россия» 44, 127, 227
- Налбандов Владимир Сергеевич (1874 — после 1920) — министр торговли и промышленности Юга России (1920) 174, 177, 178
- Науменко Вячеслав Григорьевич (1883–1979) — генерал-майор, походный атаман Кубанского казачьего войска (1919) 136, 146, 196, 197
- Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929) — вице-адмирал, начальник Одесского центра Добровольческой армии (1918), командующий Черноморским флотом (1919–1920) 72, 153
- Нерон (37–68) — римский император (54–68) 103
- Николай II (1868–1918) — российский император (1894–1917) 41, 114
- Новицкий Александр Федорович (1875–1961) — инженер, помощник начальника управления путей сообщения Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919) 128
- Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — юрист-правовед, философ, профессор Московского университета, член кадетской партии, депутат Государственной думы I созыва от Екатеринославской губернии 76, 88

О

- Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) — князь, общественно-политический деятель, член кадетской партии, депутат Государственной думы I созыва от Таврической губернии, председатель Таврической земской управы (1918–1920) 176
- Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) — историк и публицист, секретарь редакции и заведующий иностранным отделом газеты «Великая Россия» 21, 127
- Орлов Николай Иванович (1890–1920) — капитан, лидер вооруженного выступления («орловщина») против белых властей Крыма (начало 1920) 153, 160

П

- Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — общественно-политический деятель, председатель Директории УНР (1919–1920) 13, 46, 55, 65–67, 68, 76, 230
- Петр I (1672–1725) — российский царь и император (1682–1725) 176
- Пиленко Александр Александрович (1873–1956) — правовед и журналист, сотрудник газеты «Голос Киева» 62
- Пионтковская Валентина Ивановна (1877 — не ранее 1926) — артистка оперетты, актриса, певица 119
- Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913) — экономист, журналист и общественно-политический деятель, профессор Киевского университета, редактор «Киевля-

нина», член Государственного совета, отец В. В. Шульгина 229

- Подпелысюк — хорунжий 138
- Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) — генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Юге России 139, 181
- Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934) — генерал от инфантерии, активный участник Белого движения на Юге России 106
- Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934) — общественно-политический деятель, член кадетской партии, депутат Государственной думы I созыва от Самарской губернии 42
- Прянишников Борис Витальевич (1902–2002) — журналист, общественно-политический деятель русской эмиграции 23, 24
- Пученков Александр Сергеевич (р. 1980) — доктор исторических наук 32, 226, 227, 231
- Р**
- Рагоза Александр Францевич (1858–1919) — генерал от инфантерии, военный министр Украинской державы (1918) 230
- Распутин Григорий Ефимович (1869–1916) — крестьянин, друг семьи императора Николая II 41
- Ржепецкий Антон Карлович (1868–1932) — финансист и банкир, член кадетской партии, министр финансов Украинской державы (1918) 57
- Римский-Корсаков Николай Николаевич (ум. 1975) — ротмистр, командир эскадрона Уланского полка во 2-м Свод-

- но-гвардейском кавалерийском полку 145
- Робек Джон де (1862-1928) — британский адмирал флота 158
- Романовский Иван Павлович (1877-1920) — генерал-лейтенант, начальник штаба Добровольческой армии и ВСЮР, один из руководителей Белого движения на Юге России 88, 91, 140, 152, 158, 194, 196, 197, 206
- Рорбах Пауль (1869-1956) — немецкий публицист и общественно-политический деятель, один из идеологов русофобского направления в немецкой политической мысли 13, 74
- Рузский Николай Владимирович (1854-1918) — генерал от инфантерии, главнокомандующий войсками Северного фронта (1915-1917) 50
- Рутенберг Петр Моисеевич (1878-1942) — революционер, член эсеровской партии, участник убийства священника Г. А. Гапона, член одесского Комитета обороны и продовольствия (1919) 79
- Рутцен Александр Николаевич фон (1858-1933) — общественно-политический деятель, член кадетской партии, депутат Государственной думы I созыва от Курской губернии 49
- Рябовол Николай Степанович (1883-1919) — общественно-политический деятель, председатель Кубанской краевой рады (1917-1919) 94
- Рябушинский Павел Павлович (1871-1924) — предприниматель, банкир 178
- С**
- Савенко Анатолий Иванович (1874-1922) — журналист и политик, член Государственной думы IV созыва от Киевской губернии, председатель Киевского клуба русских националистов 63, 227, 230
- Савич Никанор Васильевич (1869-1942) — общественно-политический деятель, член Государственной думы III и IV созывов от Харьковской губернии, член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919) 88, 174
- Самохвалов Петр Титович (1869-1946) — жандармский полковник, заместитель начальника тайной организации В. В. Шульгина «Азбука» 85, 233
- Санников Александр Сергеевич (1866-1931) — генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения на Юге России 79, 204
- Сахно-Устимович Николай Николаевич (1863-1918) — помещик и общественный деятель, и.о. председателя Совета министров Украинской державы (1918) 57
- Сахав Г. С. — екатеринодарский предприниматель, местный «обувной король» 117
- Сеймур (Кулме-Сеймур) Майкл (1867-1925) — британский вице-адмирал 153
- Семенюк Иван — казак, сторонник большевиков 111, 112
- Семинский — полковник, начальник контрразведки главной квартиры главнокомандующего ВСЮР 162
- Серебренникова Вера (?-1919) — фельдшерница 121

Сидорин Владимир Ильич (1882–1943) — генерал-лейтенант, командующий Донской армией (1919–1920) 205

Скарятин Геннадий Дмитриевич (1863 — не ранее 1917) — прокурор, товарищ министра юстиции Временного правительства 44

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант, гетман Украинской державы (1918) 8, 221, 229

Слащев Яков Александрович (1885–1929) — генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения на Юге России 160, 161, 181

Соколов Константин Николаевич (1882–1927) — юрист, журналист и общественно-политический деятель, член кадетской партии, управляющий Отделом законов и временно и.о. управляющего Отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919) 88

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — публицист, писатель и общественно-политический деятель 24

Софокл (V в. до н.э.) — древнегреческий драматург 35

Стадников Георгий Леонтьевич (1880–1973) — химик, профессор Новороссийского университета 76

Степанов Василий Александрович (1872–1920) — общественно-политический деятель, член кадетской партии, депутат Государственной думы III и IV созывов от Пермской губернии, член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919), государ-

ственный контролер 72, 76, 88, 149,

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи (1906–1911) 20, 41, 176

Стороженко Андрей Владимирович (1857 — не ранее конца 1930-х) — историк и общественно-политический деятель 63

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, историк, философ, публицист, общественно-политический деятель, академик, главный редактор и председатель редакционного комитета газеты «Великая Россия», министр иностранных дел правительства Юга России (1920) 5, 6, 10, 15, 16, 22, 32, 50, 99, 126, 127, 133, 147–149, 162, 163, 172, 174

Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) — журналист, писатель и издатель 164, 238

Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936) — журналист, писатель и издатель 21

Т

Танфильев Гавриил Иванович (1857–1928) — ботаник, почвовед и географ, профессор Новороссийского университета 76

Тимановский Николай Степанович (1885–1919) — генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения на Юге России 80, 82

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954) — генерал-лейтенант, начальник военных сообщений штаба главнокомандующего ВСЮР 149

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) — революционер, советский партийный и государственный деятель, народный комиссар по военным делам и председатель Реввоенсовета 134, 171, 189, 221, 222

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930) — князь, общественно-политический и церковный деятель, дипломат, начальник управления по делам исповеданий Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919), сотрудник газеты «Великая Россия» 127

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) — князь, философ, правовед, публицист, общественный и церковный деятель, сотрудник газеты «Великая Россия» 127, 154, 237

У

Улагай Сергей Георгиевич (1875–1944) — генерал-лейтенант, видный участник Белого движения на Юге России 146, 191

Успенский Николай Митрофанович (1875–1919) — генерал-майор, атаман Кубанского казачьего войска (1919) 139

Ф

Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — экономист, один из лидеров Всероссийского национального центра, член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919) 63, 88

Филимонов Александр Петрович (1866–1948) — генерал-лейтенант, атаман Кубанского казачьего войска (1917–1919) 94, 197

Франше д'Эспере Луи-Феликс-Мари-Франсуа (1856–1942) — французский генерал, главнокомандующий союзными войсками на Балканах, верховный комиссар Франции на Юге России 80

Фрейденберг Анри (1876–1975) — французский полковник, начальник штаба генерала д'Ансельма 73, 79

Х

Хмельницкий Богдан-Зиновий Михайлович (1595–1657) — гетман Войска Запорожского 228

Хольман Герберт Кэмпбелл (1869–1949) — генерал-майор, глава британской военной миссии на Юге России 153, 158

Хоруженко В. М. — екатеринодарский предприниматель 117

Худяков — поручик, адъютант командующего Кавказской армией 197

Ч

Чебышев Николай Николаевич (1865–1937) — юрист, сенатор, начальник управления внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919), сотрудник газеты «Великая Россия» 19, 20, 62, 88, 127, 162

Чекалов Павел Никифорович (1875–1932) — полковник, член Кубанской краевой рады 138

Челищев Виктор Николаевич (1870–1952) — юрист, журналист и общественный деятель, начальник управления юстиции Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919) 88

Ш

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) — генерал от кавалерии, близкий друг и соратник П. Н. Врангеля 24, 153, 192

Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953) — генерал-лейтенант, весной 1919 г. — генерал-губернатор Одессы и командующий всеми русскими войсками в союзной зоне 79–81, 87

Шемет Владимир Михайлович (1873–1933) — общественно-политический деятель, член Государственной думы I созыва от Полтавской губернии, один из лидеров Украинской демократическо-хлебоборобской партии 80

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) — генерал-лейтенант, главноначальствующий Новороссийской области (1919–1920) 152, 153

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) — кубанский казак, генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения на Юге России 102, 136, 181

Шульгин Василид Витальевич (1899–1918) — старший сын В. В. Шульгина 72

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — политический деятель, журналист и писатель, член Государственной думы II–IV созывов,

член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919), редактор газет «Киевлянин» и «Россия» 5, 8, 9, 13, 14, 19, 21, 22, 27, 30, 32, 39, 45, 47, 53, 60–63, 68, 72, 74, 76–81, 87, 90–93, 127, 132, 162, 170, 226–229, 231, 233, 234

Шульгина Екатерина Григорьевна (1869–1934) — жена В. В. Шульгина, сотрудница газет «Киевлянин» и «Голос Киева» 63, 230

Э

Энно Евгения Марковна — жена Э. Энно 79, 232

Энно Эмиль — капитан французской армии, управляющий вице-консульства Франции в Киеве, один из инициаторов союзной интервенции на Юге России 66–68, 72, 73

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) — генерал от кавалерии, один из основателей Добровольческой армии 72, 199, 203

Ю

Юзефович Яков Давидович (1872–1929) — генерал-лейтенант, видный участник Белого движения на Юге России 140, 141, 199, 205

Я

Якушкин — московский мировой судья для малолетних 49

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Чемакин. Валерий Михайлович Левитский: Материалы к биографии	5
 Борьба на Юге Факты. Люди. Настроения (1917–1920)	
В. В. Шульгин. Предисловие	35
Часть I. Киев (1917–1918)	40
Первые дни революции	40
Поездка в Петроград	41
Работа у кадетов	42
Вторая поездка в Петроград	43
Выборы	44
В Центральной раде	45
Признаки перелома	47
Корнилов	47
Без вождя	48
В Москве	49
Выборы в Украинское Учредительное собрание	51
Первая осада Киева	52
Большевики	53
Упразднение суда	54
Немцы	56
Гетман	56
Встреча с Шульгиным	61
«Голос Киева»	62

Немцы отступают!	64
Вторая осада Киева	66
Отъезд	69
 Часть II. Одесса (декабрь 1918 — март 1919).....	71
Дорога	71
Положение Одессы	72
Быт	74
Национальная комиссия	76
Газета «Россия»	76
Борьба партий и французы	78
Наступление большевиков	80
Союзники уходят	81
Как мы ехали	82
 Часть III. Екатеринодар (20 апреля — 2 августа 1919)	87
Первые впечатления	87
Газета «Великая Россия»	90
Совещание у М. В. Алексева	91
Политическая программа газеты	92
Отношение к Раде	93
Перемены в редакции «Великой России»	95
Главные действующие лица	96
Рядовое офицерство	97
Грязные среди белых	102
Потери	103
Мытарства раненых	104
В гостях у настоящих кубанцев	105
Кубанская станица	106
Степь	109
На плавнях	113
Интеллигенция и обыватель	115
Тиф	120
Пленные	122
Последние дни екатеринодарского периода	123
 Часть IV. Ростов (4 августа — 27 декабря 1919)	125
Город	125
«Великая Россия»	125

Поездка в Киев.....	127
Опять не дома.....	130
Общее положение.....	131
Власть на местах.....	133
Новые фронты в тылу.....	136
Нелады в Главном командовании и развал армии.....	139
Фронт у Ростова.....	147
 Часть V. Новороссийск (январь — март 1920).....	151
Город страха и смерти.....	151
Газета «Великая Россия».....	151
Катастрофа.....	152
 Часть VI. Севастополь (март — октябрь 1920).....	155
Последние дни генерала Деникина.....	155
Выборы и назначение генерала Врангеля.....	158
Положение Крыма.....	159
Первые шаги генерала Врангеля.....	160
Возобновление «Великой России».....	161
Жизнь и настроения в Крыму.....	165
Генерал Врангель.....	170
Крымское правительство.....	173
Флот и армия в Крыму.....	178
Уход из Крыма.....	182
 Итоги. Что же дальше?.....	185
 Приложение.....	188
Переписка главнокомандующего ВСЮР А. И. Деникина с командующим Кавказской Добровольческой армией П. Н. Врангелем за апрель — август 1919 года (копии).....	188
Валерий Михайлович Левитский. Бред. (Обрывки воспоминаний).....	207
Валерий Михайлович Левитский. Наша интеллигенция и проблема национализма.....	218
 Примечания.....	226
Именной указатель.....	239

Левитский Валерий Михайлович

Борьба на Юге Факты. Люди. Настроения

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Корректор *Л. А. Катренко*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Верстка *А. И. Седяева*

Фонд поддержки межмузейного
коммуникационного пространства
и культурно-образовательных
программ «Связь Эпох»

123376, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 305
Редакционно-издательский отдел: +7 499 253 90 01
fond@svyazepoh.ru
<https://svyazepoh.ru/>

Подписано в печать 12.11.2019
Формат 84 × 108/32 (125 × 200 мм)
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 1000 экз.
Заказ № 9170

Отзывы на книгу можно присылать
на электронный адрес составителя:
chemakinanton@rambler.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: 8 (499) 270-73-59
sales@chpd.ru
www.chpd.ru

Валерий Михайлович Левитский (1886-1946) — один из лидеров Киевского городского комитета кадетской партии, активный участник политической группы, возглавляемой В. В. Шульгиным и П. Б. Струве, редактор газеты «Великая Россия». За годы революции и Гражданской войны он успел побывать во множестве городов: Кисеве, Петрограде, Москве, Житомире, Одессе, Екатеринодаре,

Ростове-на-Дону, Новороссийске, Феодосии, Севастополе.

Его книга, публикуемая в полном объеме впервые, описывает как повседневную жизнь обывателей Юга России, так и настроения партийно-политических кругов и офицерства Белой армии. По меткому выражению В. В. Шульгина, это своеобразная «записная книжка туриста революции».

